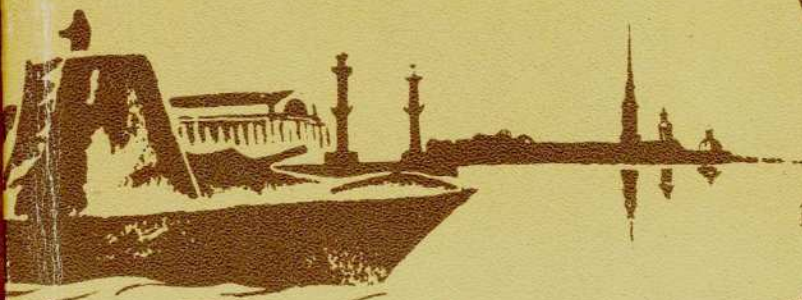

АРТИСТЫ В ПОГОНАХ

ТЕАТР КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТФЛОТА

Вс. Мишневокид

У СТЕН ЛЕНИНГРАДА

У СТЕ

Вс. Мишневокид

А. Крон
ОФИЦЕР ФЛОТА

А. Корнейчук

К. Симонов
РУССКИЕ ЛЮДИ

ФРОНТ

АРТИСТЫ В ПОГОНАХ

Воспоминания артистов Театра
Краснознаменного
Балтийского флота

Составитель — Г. С. ВЕРЕТЕННИКОВ

Рецензент — заместитель начальника Политуправления
Военно-Морского Флота Я. А. ГРЕЧКО

*Артистам Театра
Краснознаменного Балтийского флота,
погибшим в годы
Великой Отечественной войны,
посвящается*

**ОСОБОЕ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ФЛОТА**

С Театром Краснознаменного Балтийского флота, его режиссерами, актерами и музыкантами меня связывала крепкая творческая дружба.

В декабре 1939 года познакомился я с главным режиссером театра, старшим политруком Александром Викторовичем Пергаментом. Он баллотировался тогда в депутаты районного Совета от Кронштадтского избирательного округа — это доверие было оказано театральному работнику теми, для кого театр непосредственно работал. Актеры его любили называть себя «особым подразделением флота», его «боевой единицей». И это не случайно. С первых лет Советской власти партия, готовя кадры Балтфлота, заботясь о его боевом оснащении, не забывала о необходимости создания революционной флотской культуры. Достаточно напомнить, что «Левый марш» Владимир Маяковский создал в 1918 году по специальному заказу моряков Балтфлота и впервые прочел его перед матросами гвардейского флотского экипажа.

...Коммуне не быть покоренной!
Левой!

Левой!

Левой!

Именно здесь, на Балтике, в двадцатых годах Всеволод Вишневский основал литературную группу «Алые вымпела». А сколько выходило литературных и общественно-политических морских журналов!..

Созданный в 1930 году по предложению народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова Театр Краснознаменного Балтийского флота сразу же был принят своим зрителем. Пришедший вскоре в театр главный режиссер Александр Викторович Пергамент сумел сплотить вокруг себя и профессиональных артистов, и молодежь, приходившую из флотской самодеятельности. И среди них — бывший кочегар с линкора «Октябрьская революция» Аркадий Васильевич Трусов. (В октябре 1942 года он и А. В. Пергамент были первыми из театра удостоены звания «Заслуженный артист РСФСР».)

С молодым театром начинали активно сотрудничать такие писатели, как Вс. Вишневский, Л. Соболев, В. Лебедев-Кумач, Б. Лавренев, А. Лебедев, Ю. Инге, И. Зельцер.

На сцене театра были поставлены такие вошедшие в «золотой фонд» драматургии пьесы, как «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Сорок первый» Б. Лавренева и другие. В период советско-финляндского вооруженного конфликта концертные бригады, сформированные из актеров Театра КБФ, были частыми гостями у наших воинов.

В это же время родился на Балтике другой театральный коллектив — ансамбль песни и пляски КБФ (с начала войны он был влит в состав театра и снова стал самостоятельной организацией уже в 1944 году, после поездки артистов в Москву).

В 1940 году Театр КБФ отметил свое десятилетие. В юбилейном приказе командующего КБФ адмирала Н. Г. Кузнецова говорилось, что «особенностью театра является то, что он не только работает на стационаре, где ярко светят рампа и софиты, но также хорошо ра-

ботает на открытой броневой палубе корабля, в кубрике, на площадке орудийного расчета, на земле, где фары автомобиля служат единственным освещением».

За десять лет театр вырос из группы в два десятка человек в профессиональный коллектив, в котором работало сто человек. Он стал боевым идеологическим помощником Балтийского флота. В период финляндско-советского вооруженного конфликта 1939/1940 года актеры, танцоры, певцы, музыканты ансамбля выступали на кораблях, в авиационных частях, перед морской пехотой на Карельском перешейке.

Нам с композитором Владимиром Сорокиным было дано тогда боевое задание сочинить первую программу ансамбля — «Балтийскую балладу», в которой показывалась бы двухсотлетняя история Балтийского флота — от Петра I до наших дней.

Тогда же мне довелось познакомиться с одним из талантливейших политработников Политического управления Балтфлота, полковым комиссаром Константином Николаевичем Бусыгиным. Занимаясь вопросами развития флотской культуры, он чутко, но и требовательно осуществлял политическое руководство театром, ансамблем, помогал писателям, композиторам, художникам.

Военные артисты! Эти слова приобрели особое значение в годы Великой Отечественной войны.

«Военный артист, — вспоминает народный артист СССР Иван Дмитриев, — было особым званием. Люди, которые несли его достойно, не щадили своей жизни...

Военному артисту надо было не только уметь стрелять... Надо было еще обладать силой духа вдвойне, надо было уметь превозмочь свою боль и утешить другого».

Но если требовалось, актеры-краснофлотцы с оружием в руках дрались с врагом.

Надо сказать, что в составе театра и ансамбля были и женщины, которые наравне с мужчинами несли

воинскую службу, делили все тяготы фронтовых дорог.

Не зная о тяжелых испытаниях, выпавших на долю актеров театра с первых же дней войны, трудно понять, почему коллектив, потерявший одну четверть своего состава, в условиях блокадного Ленинграда не только не свернул свою деятельность, но и обратился к сложным драматическим произведениям, несущим в себе пафос того времени.

В мою задачу не входит рассказ об актерах театра и ансамбля, хотя они и заслуживают этого.

Мне хотелось бы попытаться показать, как творчески рос этот коллектив на разных этапах войны.

Если в первые ее месяцы, когда бригады, работавшие и на островах Моонзунда и на Ханко, практически оказались в тылу врага и им приходилось самим для себя создавать актуальный репертуар (хотя и совсем неплохой), то с осени сорок первого положение изменилось. Политуправление Балтфлота, его культмассовый отдел, взяло на себя обязанность готовить художественные тексты не только для профессиональных артистов, но и для краснофлотской самодеятельности, которая получила у нас на кораблях, в частях морской пехоты и береговой обороны широкое распространение.

В воспоминаниях артистов Театра КБФ приводятся строки из выпущенных в то время Политуправлением флота сборников «Боевая краснофлотская эстрада».

К их подготовке были привлечены профессиональные и непрофессиональные авторы, ставшие впоследствии знаменитыми. Можно назвать имена таких замечательных ленинградских и московских писателей, как Ольга Берггольц, Евгений Шварц, Матвей Тевелев, Александр Крон, Николай Браун, Александр Штейн, уже известный в ту пору поэт-песенник режиссер театра Соломон Фогельсон. Все они снискали своим творчеством любовь и уважение защитников Ленинграда.

У меня в руках первый выпуск сборника «Боевая краснофлотская эстрада» (всего Политуправление Балтфлота подготовило свыше десяти выпусков), подписанный в печать 27 октября 1941 года.

О чем же этот сборник, вышедший в невероятно тяжелое для ленинградцев время?

Мы не дадим врагам пощады,
Покуда гнев стучит в сердцах,
За честь, за славу Ленинграда
Мы будем биться до конца.

Эти стихи Николая Брауна фронтовые артисты читали перед бойцами на передовой, когда враг стоял у стен Ленинграда, когда днем и ночью не прекращалась ожесточенная битва за город Ленина.

И в моей «Песне о балтийце Максиме» герой-большевик, полюбившийся зрителям по кинотрилогии о парне с Выборгской стороны, тоже призывал:

Вместе с Максимом мы в битву идем,
Вместе любимую песню поем,
Вместе от подлых врагов сбережем
Вот эту улицу, вот этот дом!

Не хотелось верить, но мы были готовы и к тому, что придется драться на наших улицах, где уже возвышались баррикады, где окна нижних этажей были превращены в амбразуры дотов. За каждый дом! Бой до конца!

Но что характерно, даже в это грозное время бойцы, презирая врага, смеялись над ним!

Вера Инбер, лирическая поэтесса, остававшаяся всю блокаду вместе с мужем-врачом в Ленинграде, сочинила для моряков Балтики бодрые частушки:

Смотрит Гитлер хмурым взглядом:
Он и сам теперь не рад,
Что связался с Ленинградом,
Не дается Ленинград.

Фюрер мрачен... Он заранее
Все наметил, все постиг:
Как устроит он сгоранье
Наших самых лучших книг.

Фашистам не терпелось устроить на ленинградских площадях костры, в которых запылали бы тома Горького, Шолохова, Маяковского... Но пелось в частушке:

Чистокровные арийцы
В диком ужасе вопят:
Мы не можем, раз балтийцы
Защищают Ленинград!

Во втором выпуске «Боевой краснофлотской эстрады», подписанном к печати 19 декабря 1941 года, под рассказами, скетчами уже значилось: «Репертуар Театра КБФ».

Здесь была помещена остроумная «Сказка о черте» Евгения Шварца, в которой рассказывалось о том, как фюрер мобилизовал в свою грабь-армию... чертей и что из этого вышло... «Зашученный» балтийскими моряками, оставшийся без хвоста черт приползает к фашистам с жалобой на то, что противник дерется не по правилам — дружно. И слышит в ответ: «Да, теперь уже ни черта не сделаешь. Увязли».

Рассказ читали на плавбазах, где в перерывах между боевыми походами жили подводники, в землянках морской пехоты. И всюду он вызывал дружный хохот.

Помню, как народный артист СССР, а тогда еще молодой, но уже любимый моряками Балтфлота артист фронтового театра Иван Петрович Дмитриев рассказывал о том, как на Ораниенбаумском плацдарме руководимой им концертной бригаде пришлось выступать перед... одним зрителем. Это был знаменитый балтийский снайпер, у которого фашисты уничтожили всю семью. Моряк дал себе слово, что не уйдет с передовой, пока не выполнит счет мести. К нему-то в землянку и при-

шли бойцы «блиндажно-палубного», как они его называли, театра и ансамбля песни и пляски.

И они пели, читали, рассказывали — все шепотом, ибо враг был рядом — своему единственному, но такому дорогому зрителю. И суровый человек, слушая задушевную песню друзей, вдруг улыбнулся.

Что же это была за песня? Быть может, известнейшая уже тогда на флоте «Краснофлотская улыбка» поэта-моряка Александра Фидровского на музыку Николая Будашкина? Вот ее ноты, где над клавиром значится: «Задорно». Это в декабре сорок первого, когда снег засыпал трупы умерших на ленинградских улицах людей! И все-таки именно в декабре сорок первого в сборнике репертуара театра Балтфлота родилась на свет бодрая «Краснофлотская улыбка»!..

Была до войны песенка про рыболовов «Клюет иль не клюет...». В годы обороны Ленинграда мичман Соломон Фогельсон сочинил к старой песенке новые слова:

В снег ложатся со снарядом — рядом,
Падают они под Ленинградом — градом.
Моряки с пехотой бьют,
Передышки не дают,
И всех до одного переключают...

«Новый» вариант песни пришелся морякам по душе, ее пели повсюду.

Я же привел куплет из песни по сборнику «Боевая краснофлотская эстрада», выпуск 12-й, подписанному к печати 16 февраля 1944 года, когда Ленинград был уже полностью освобожден от вражеской блокады, а флот готовился к выходу на открытые просторы Балтики.

К этому времени Театр Краснознаменного Балтфлота во многом перестроил свою работу. Были поставлены новые пьесы о Великой Отечественной войне. Это «Фронт» Александра Корнейчука, «Русские люди» Константина Симонова. Театр продолжает успешно сотрудничать с драматургом Всеволодом Вишневским, создав-

шим произведения о балтийских моряках здесь же, на флоте, и в невиданно короткие сроки. Живого, выстрадавшего слова о только что свершившемся, наболевшем ждал от своего театра и его драматургов фронтовой зритель.

И вот «У стен Ленинграда» Всеволода Вишневского, «Офицер флота» Александра Крона.

Успех новых постановок, осуществленных актерами, которые сами хорошо знали флотскую жизнь, для которых герои Вишневского и Крона были не театральными персонажами, а живыми соратниками в борьбе, людьми из плоти и крови, обрадовал зрителей, воодушевил авторов, сделал эти спектакли этапными в творческой биографии театра. И не случайно к сороковой годовщине разгрома фашистов под Ленинградом в Ленинградском отделении издательства «Искусство» в числе лучших произведений драматургии и кинодраматургии блокадных лет переизданы и эти пьесы в книге, которая так и называется — «У стен Ленинграда». Трудно переоценить роль Театра Краснознаменного Балтийского флота, со сцены которого, как со стартовой площадки, эти пьесы шагнули на сцены лучших театров страны.

Я вспоминаю финал в первой постановке «У стен Ленинграда» Всеволода Вишневского в Театре КБФ. Пьеса была о начале войны, о самом тяжком ее периоде. Бригада морской пехоты, несмотря на многочисленные принесенные ею жертвы, выполнила свой долг до конца... Были люди, упрекавшие писателя, избравшего такую трагическую страницу в истории войны.

Но они не видели главного: Вишневский писал «У стен Ленинграда» в сорок третьем, уже после прорыва блокады. Он видел тогда изъеденные свинцом, исполованные огнем стены крепости Орешек, которая стояла, но не сдалась врагу. Красный флаг над крепостью, над маленьким морским гарнизоном, реял все дни обороны. И когда враг сбивал этот флаг, моряки

поднимали его вновь и вновь. «У стен Ленинграда» была воистину второй «Оптимистической трагедией», созданной Всеволодом Вишневским! И поэтому художник Софья Вишневецкая изобразила в ее финале фантастические руины, где над винтовкой с примкнутым штыком развевалась краснофлотская тельняшка.

Герой другой пьесы, поставленной театром, — «Офицер флота» Александра Крона — тоже с гордостью говорит: «Я держу мой флаг!»

И это не фраза: пока корабль на плаву, пока жив на нем хоть один моряк, его осеняет наш славный военно-морской флаг.

В этих пьесах, посвященных разным периодам войны, есть и общее — их патриотизм, вера в Победу. Не случайно Театру дважды Краснознаменного Балтфлота присвоено имя Всеволода Вишневского.

За последние годы театр снова вернулся к творчеству этого замечательного драматурга. На сцене снова ожили герои динамичной, вечно молодой «Оптимистической трагедии». И «Офицер флота» А. Крона, прочитанный заново режиссурой и исполнителями восьмидесятых годов, продолжает здесь свою сценическую жизнь.

Если коротко охарактеризовать основное направление Театра дважды Краснознаменного Балтийского флота, оно обозначится одним словом — ГЕРОИЧЕСКОЕ! Таковы спектакли по пьесам В. Быкова «Пойти и не вернуться», К. Симонова «Так и будет».

Артисты театра и Ансамбля песни и пляски дважды Краснознаменного Балтийского флота часто выступают перед личным составом частей и кораблей. Воины всегда тепло встречают дорогих гостей. И снова, как и тридцать, и сорок лет назад, страстно прозвучали слова ведущего из «Оптимистической трагедии»: «И вот оно пришло, это поколение. Здравствуй, пришедшее поколение!»

Этими словами могли бы обратиться к новому поколению читателей и авторы настоящего сборника.

Живет балтийский театр, продолжает творческое существование и Ансамбль песни и пляски ДКБФ. Белоруссия, Украина, Прибалтика... В каких только республиках и областях не побывали с концертами артисты во флотской форме! И за рубежом — во Франции, Финляндии, Англии, Италии, Дании, Швеции — аплодировали им. Но главная их сцена — это матросские кубрики, палубы кораблей. Так принимают они, артисты в погонах нынешних восьмидесятых, эстафету от своих отцов, служивших народу, советскому флоту в огненные сороковые годы.

Вахта искусства продолжается!..

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

Азаров Всеволод Борисович в 1934 году закончил Ленинградский государственный университет, работал литературным редактором молодежного вещания на Ленинградском радио. В 1939 году добровольцем пришел служить на Краснознаменный Балтийский флот.

Награжден орденами Красной Звезды и «Знак Почета», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими. В годы войны — член оперативной группы писателей при Политуправлении КБФ. Член КПСС.

Автор многих книг стихов и документальной прозы.

Член Союза писателей СССР.

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВОЙНЫ

АЛЕКСАНДР ПЕРГАМЕНТ,
главный режиссер, художественный руководитель
Театра Краснознаменного Балтфлота

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВОЙНЫ...

Началась война... Мы, руководители театра и его артисты, знали, что перед нами встают новые задачи, связанные с работой во фронтовых условиях, в действующих частях Красной Армии и Флота. Это не было для нас неожиданностью. Крепкая дружба с моряками Балтики связывала нас, военных артистов, с самого рождения нашего театра. Мы постоянно выезжали на корабли, в части флота. А в период советско-финляндского вооруженного конфликта зимой 1939/40 года дали

Пергамент Александр Викторович в 1927 году закончил студию при Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина, после — артист этого театра. В 1931 году организовал рабочий театр в Черемхове, с 1933 года работал в Москве в «Синей блузе». Затем — главный режиссер филиала Ленинградского ТЮЗа в Старой Руссе. С 1934 по 1956 год — главный режиссер Театра КБФ.

Участник советско-финляндского вооруженного конфликта и Великой Отечественной войны. Член КПСС.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

С 1956 года — главный режиссер Ленинградского театра имени Ленинского комсомола, с 1958 года — главный режиссер Петрозаводского музыкально-драматического театра. С 1961 года — доцент, заведующий кафедрой режиссуры Ленинградского государственного института культуры имени Н. К. Крупской.

Народный артист РСФСР, заслуженный деятель искусств Эстонской ССР.

около трехсот выступлений. Так что достаточно, как говорится, было повернуть «рычаг управления», чтобы коллектив принял боевой порядок. И вот уже двадцать второго июня 1941 года формировались фронтовые бригады, а ранним утром двадцать третьего они выехали на корабли и в части.

Как нам удалось столь оперативно проделать подобную перестройку (что было нелегкой задачей: в первый же день войны в состав театра был влит Ансамбль песни и пляски Краснознаменного Балтийского флота, и наш коллектив сразу значительно вырос)? Помог принцип формирования фронтовых бригад, который условно можно было бы назвать «блочным».

Перед самой войной мы ставили спектакль по пьесе американского драматурга О'Нейла «Анна Кристи». Остросюжетный, с эмоциональным раскрытием взаимоотношений действующих лиц, спектакль обещал быть интересным. Премьеру с нетерпением ждали наши зрители. И вот прошли генеральные репетиции и назначен день премьеры, но война сорвала и наши планы. А показать результат работы коллектива хотелось. Поэтому по просьбе актеров, занятых в спектакле, была создана фронтовая бригада, получившая номер пятый, где бригадиром, как постановщик пьесы, стал я сам.

Конечно, пришлось срочно отработать сокращенный фронтовой вариант. В бригаду вошли только исполнители главных ролей пьесы: Анну играла Евгения Церебилко, Марту — заслуженная артистка РСФСР Елена Егорова, отца Анны — Леонид Головко, матроса на шхуне — Николай Сизов. Александр Княжецкий и Павел Врабец исполняли Метберга... Такой спектакль мы могли показывать и на палубе боевого корабля, и в оружейном дворике на дальнобойной батарее, и на летном поле аэродрома...

С собой мы возили костюмы — для этого спектакля и для «резервных вариантов»: ставили еще и «Рыбачку

с побережья», и одноактную пьесу «Неожиданный конец» А. Соколова. В бригаду вошли и музыканты из симфонического оркестра: контрабасист Анатолий Татаронис, кларнетист Иосиф Галкин, валторнист Георгий Васильев, игравший на тубе Анатолий Ершов и тромбонист Ефим Эфрос. Был у нас и певец — Михаил Чилап... Так что репертуар наш пополнился музыкой и песнями.

Основу бригады номер восемь составили вокалисты и танцоры ансамбля песни и пляски. Они исполняли свою программу под балалайку и баян.

Репертуар бригады номер один включал отрывки из пьесы К. Тренева «Любовь Яровая», где заслуженная артистка РСФСР Валентина Богданова играла героиню, Александр Кутын — Ярового, Матвей Белов — солдата. Во втором отделении старшие краснофлотцы Василий Панков и Вадим Деранков вели конференс, а Вячеслав Коваленко и Софья Прусиновская выступали с иллюзионом. Аккомпанировал им квартет из двух скрипок — Михаил Левин и Виктор Широков, и двух скрипок-альтов — Иван Краснов и Семен Гольдберг.

...Куда только не пролегли маршруты наших бригад! Какие это были своеобразные, непохожие одна на другую бригады. Роднило их одно — это были коллективы единомышленников, спаянные крепкой фронтовой дружбой и общими творческими задачами.

За первый месяц Великой Отечественной войны одиннадцать фронтовых бригад Театра КБФ дали девятьсот выступлений.

**Из записи в творческом журнале
Театра Краснознаменного Балтфлота**

«В конце августа наша бригада, которой руководит старшина 1-й статьи Петр Любаров, получила направление на Выборгский участок фронта. Прошло полчаса после нашего отъезда, когда бригадир пригласил всех в купе,

— Товарищи, только что я узнал, что дорога на Выборг перерезана. Но мы поедem, пока можно. И там будем работать.

— Какой может быть разговор, поедem! — ответил за всех акробат Василий Карелин.

Поезд дошел до станции Койвисто... Оставив нас в здании вокзала, Любаров пошел выяснять обстановку. Темнело... Мы стояли все вместе и видели: люди, собравшиеся тут, взволнованы. Бригадира все не было, зато к станции подъехало несколько автомашин — санитарных и просто грузовиков. На них привезли раненых бойцов, мы тут же узнали, что их будут грузить в тот самый поезд, на котором нас привезли, и что поезд пойдет обратно в Ленинград. Сначала все мы стояли в стороне и наблюдали за погрузкой — машины все прибывали и становилось ясным, что санитары не успевают со своей работой. И тут кто-то из наших сказал, что надо помочь. Как раз подоспел Любаров.

— Ребята, не до концертов сейчас — того и гляди обстрел начнется. Приказано возвращаться.

— Давайте поможем санитарам? — предложил баянист Саша Чухонин.

Любаров сразу все понял и тотчас распределил силы... Едва подошла очередная машина, работа закипела: артисты помогли перебраться в вагоны тем из раненых, которые были «на своих ногах». Тяжелых перетаскивали на носилках: санитаров на станции было не больше шести человек, да и старшего здесь не оказалось — эти функции взял на себя Любаров. Теперь к нему обращались со всеми вопросами, ему подчинялись и безоговорочно следовали его приказам.

Многим раненым требовалась срочная перевязка — их доставили к поезду прямо с переднего края, где они не успели получить никакой помощи. Такие, едва попав в вагон, были осмотрены нашими актрисами. И хотя медикаментов у нас не было, каждый делал все,

что мог: все отдали свои индивидуальные перевязочные пакеты, из ящичков с реквизитом извлекли куски полотна, которыми были переложены костюмы, и пустили их на бинты. Когда же стало ясным, что и этого не достанет, наши парни сняли форменки...

Никто не знал, кто мы такие, да никто и не интересовался этим: наших, одетых во флотские кителя, актрис принимали за медсестер. Нас, мужчин, — за санитаров, а некоторых — даже за врачей. Ну а мы сами и не подумали выдать своей принадлежности к искусству. Однако вскоре стало ясным, что скрыть это нам не удалось: едва раненые немного пришли в себя, они, несмотря на скудость освещения, стали приглядываться к нам.

— Стойте! Где-то я вас видел, сестрица! — воскликнул краснофлотец, которому перевязывала ногу одна из актрис.

— Не знаю... Мир тесен, а пока не вертитесь, мешайте!

— Нет-нет, погодите... Не вы ли играли Таню в «Пади Серебряной»? Я смотрел этот спектакль в Кронштадте!

— Верно, играла.

— Но почему вы здесь и перевязываете меня?

— Я и сейчас актриса. Но так получилось: мы приехали с концертами, а тут бой, раненые. Не стоять же в стороне!

Так узнали артистку Анастасию Попеко. Узнали и других — Петра Любарова, Даниила Когана, акробатов, баяниста... А несколько раненых вспомнили всех, объяснив, что были на нашем выступлении в Кронштадте как раз накануне отправки на сухопутный фронт.

В эту ночь нам пришлось услышать много рассказов о героических делах бойцов балтийской морской пехоты.

Старший краснофлотец Михаил Мамаев».

Да, действительно, в годы войны наравне с мужчинами делили фронтовые будни и наши актрисы. Надо сказать, что вначале, когда театр был основан, у нас работала всего одна артистка — Лидия Каскова. Как мы ни доказывали в Политическом управлении, что актрисы в театре необходимы, ничего не получалось. Приводился один довод: Театр КБФ — обычная воинская часть и в ней, в соответствии с принятыми в Красной Армии и Красном Флоте положениями, идет обычная служба, регламентируемая воинскими уставами и наставлениями. Так же как и другие краснофлотцы, военные артисты проходят боевую подготовку, изучают военное дело. Женщинам в таких условиях будет трудно...

Поэтому драматурги по нашей просьбе писали для нашего театра пьесы, где женских ролей не было вовсе, или уж была одна, для нашей единственной вольнонаемной актрисы. Конечно, все это нас огорчало.

Перемена произошла с приходом в Политуправление Балтфлота батальонного комиссара Константина Николаевича Бусыгина. Он быстро проникся нашими заботами и нашел «ход»: предложил сделать заявку на спектакль об Октябрьской революции и гражданской войне, в котором были бы женские роли.

Найдя подходящий момент, Константин Николаевич обратился к члену военного совета Н. К. Смирнову и к командующему КБФ В. Ф. Трибуцу. Командующий флотом написал на рапорте начальника театра одну лишь букву «Д», что означало «добро».

И вскоре в нашем театре стали работать вольнонаемные актрисы. Не стану перечислять всех, назову лишь Зою Александрову, заслуженную артистку РСФСР Елену Егорову, как-то сразу вошедших в наш «мужской коллектив» и сыгравших немало ролей в спектаклях театра... В 1937 году в труппу была принята окончившая Ленинградское театральное училище Анастасия

Попеко. Молодая талантливая актриса сразу сумела проявить свое дарование, сыграла ряд интересных ролей в репертуаре тех лет — в «Пади Серебряной», «Павле Грекове», «Предложении» по А. П. Чехову.

Актеры нашего театра носили военную форму. А с начала войны надели военную форму и женщины-актрисы. Им выдали флотские кителя, черные юбки, сапожки. Для холодной поры — шинели, шапки, валенки. Надо заметить, что в форме наши актрисы почувствовали себя увереннее. Это как бы приравнивало их к мужчинам. Они становились такими же краснофлотцами. И вообще это облегчило нам организационную сторону нашей работы: на весь состав бригады, отправлявшейся в поездку, выписывался теперь единый документ.

Наши актрисы умом и сердцем оказались настоящими «флотскими»: не теряли присутствия духа в любой ситуации, стойко держались в тяжелых поездках, на трудных военных дорогах. Но... выходя на сцену в военной форме, они теряли театральность. (Особенно это почувствовалось, когда на флот пришли служить женщины.) Зачастую дело обстояло так, что нашим актрисам не удавалось переодеться в костюмы: хорошо, если под кителем у кого-то из них оказывалась «цивильная» блузка. И тогда совершалось чудо: зрители видели перед собой не такого же краснофлотца, а актрису!

Мы всерьез задумались над проблемой красочного фронтового представления: раздобыли нужный реквизит, костюмы. Примерно где-то в это же время, учитывая настойчивые просьбы наших флотских зрителей, мы создали совершенно новый для нашего театра по жанру коллектив — джаз-оркестр, который поначалу возник как джаз-ансамбль. Возглавил его старшина 1-й статьи Михаил Зарх.

Словом, весь коллектив театра с первых же дней войны напряженно отдавал все свои силы и талант нашим воинам-краснофлотцам. А время было очень тяже-

лое. Великие испытания предстояло пройти военным артистам, как и нашему флоту, армии, всему народу.

28 августа 1941 года мы покидали Таллин.

Тридцать два артиста нашего театра разместились на старом ледоколе «Суур-Тылл». Мы в составе отряда главных сил, сразу же за базовыми тральщиками и впереди флагмана — крейсера «Киров».

— На нашем ледоколе, кроме вашей театральной команды, военных нет, — говорил мне командир «Суур-Тылла», молодой капитан-лейтенант. — Назначаю вас, товарищ старший политрук, ответственным за порядок на корабле...

Собрал актеров, рассказал им, что требуется от каждого. Потом зачитал табель, составленный по указанию командира. В нем определялись обязанности артистов: одни вошли в посты наблюдения за затемнением, другие получили четкие инструкции на случай воздушной тревоги. Наши краснофлотцы и старшины, прошедшие корабельную службу, были зачислены в аварийные группы.

Казалось, обо всем подумали. Но вдруг в кают-компанию, где я собрал своих товарищей, прибежал рассыльный. Оказалось, мне надо было срочно прибыть на ходовой мостик.

— Вы представляете себе, что такое минная опасность? — спросил у меня командир ледокола. И, не дождавись ответа, приказал:

— Установите наблюдателей за морем. Вот вам схема. В ней указано, где должны стоять краснофлотцы и старшины и в каком секторе должны вести наблюдение. А в каждой смене определите старшего из самых ответственных краснофлотцев.

— А какая она, мина-то? — спросил кто-то из артистов, когда мы поставили им еще и эту задачу.

— Рогатая и круглая,— улыбнулся старшина 1-й статьи Георгий Александров.

Его я и назначил старшим первой смены противоминного наблюдения, а там определились и остальные...

Базовые тральщики шли впереди, их тралы подрезали мины — мины всплывали, и их тут же расстреливали из пушек. Взрывы гремели над морем. В это время появились вражеские самолеты. Корабельная артиллерия беспрестанно била по «юнкерсам»...

Но не все мины были расстреляны комендорами. Оставшиеся плыли навстречу нашему ледоколу, идущему впереди отряда главных сил. Во всей этой сумятице первую мину наши наблюдатели проглядели. Но через несколько минут мы были полностью реабилитированы: солист ансамбля, старшина 2-й статьи Александр Голубков вовремя заметил опасность.

...Уже потом, в Кронштадте, мы узнаем, что во время прорыва флота из Таллина в Кронштадт погибло двадцать три актера — это были первые наши жертвы за войну, особенно тяжелые для нас: Василий Панков, Виктор Шпринг, Владимир Дмитриев, Николай Ануфриев, Татьяна Дандрэ... Погиб геройской смертью и батальонный комиссар Константин Николаевич Бусыгин. Все они плыли на «Виронии».

Мы не могли поверить в их гибель. Беспокоила нас и судьба товарищей, выехавших во фронтовых бригадах на острова Моонзундского архипелага, на полуостров Ханко.

В Ленинграде было тревожно: шла ожесточенная битва, враг стоял у ворот города, на улицах взрывались бомбы и снаряды. Ленинградцы все силы отдавали фронту. Город жил и боролся. И ни на день не замирала работа нашего театра.

ДОРОГА В КРОНШТАДТ

Около шести утра в воскресенье 22 июня 1941 года меня разбудил телефонный звонок.

— Немедленно прибыть в часть! — передал дежурный по ансамблю. — Всем троем!

Жил я не в казарме, а на частной квартире на улице Пикк. Здесь же квартировали балетмейстер ансамбля Дмитрий Константинович Кирсанов и певец Николай Соколов.

До улицы Лай, где в доме номер двадцать располагались служебные, репетиционные помещения и казармы ансамбля, было пять минут ходьбы. Добежали же мы значительно быстрее. В большой репетиционной комнате с четырьмя окнами был построен почти весь состав ансамбля: военнослужащие и вольнонаемные. Наш начальник, старший политрук Эпельбаум, прохаживался по комнате. Когда все были в сборе, он сообщил:

— Сегодня ночью фашистская Германия напала на нашу Родину!

Веретенников Глеб Сергеевич в 1939 году закончил музыкальное училище при Ленинградской консерватории и был призван на Краснознаменный Балтийский флот, в Ансамбль песни и пляски КБФ.

Участник советско-финляндского вооруженного конфликта в Великой Отечественной войны.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими. Член КПСС.

С 1947 года — преподаватель, а затем директор музыкальной школы в Гатчине Ленинградской области.

Заслуженный работник культуры РСФСР.

Теперь мы были на казарменном положении. Само собой, что приказ о моем увольнении в запас по семейным обстоятельствам, пришедший накануне войны, 20 июня, терял свой смысл. И мой отъезд из Таллина в Ленинград, где жили престарелые родители и жена, студентка Ленинградской консерватории, откладывался на неопределенное время. Всех вольнонаемных артистов-мужчин мобилизовали на военную службу, и каждому выдали личное оружие — винтовки с патронами, а также ручные гранаты и противогазы. Каждый день три человека от ансамбля патрулировали вдоль улицы Лай: поддерживали порядок в районе своей части...

Прошло несколько дней. Мы не представляли себе, что будет с нами дальше: нового репертуара, отвечавшего новой обстановке, у нас еще не было. Многие артисты подали рапорты с просьбой отправить их в действующие части фронта. Подал и я. Но старший политрук собрал нас и начал читать Маяковского:

— И песня, и стих —
Это бомба и знамя!
И голос певца
Поднимает класс!..

Поняли? У нас — свои задачи в условиях военного времени, которые никто с нас не снимал. Митинги прекратить! Сегодня будет новый репертуар...

Но, вернувшись из Политуправления КБФ, он объявил нам:

— Приказано свернуться, погрузить всех артистов и реквизит на пароход для следования в Ленинград. Старшина ансамбля, — сказал мне, — зайдите ко мне в кабинет. — И, резко, на каблуках, повернувшись, исчез за дверью.

Я поспешил за ним.

— Распредели народ на погрузку и учти: здесь не должно оставаться ничего. Инструмент и костюмы, нотная библиотека, столы и стулья, посуда с камбуза —

все с собой. Надо будет помочь еще профессору Нахутину и балетмейстеру Кирсанову.

Борис Орликович Нахутин пришел к нам из Ленинградской консерватории и в ансамбле работал по вольному найму. Он был не только хорошим дирижером, но еще и превосходным аккомпаниатором. Рассказывал, что играл в концертах самого Шаляпина, и крайне этим гордился.

Надо сказать, что погрузка нашего имущества даже в условиях обычного выезда на концерт была не столь уж простым делом: следовало в определенном порядке упаковать ноты и пюпитры, костюмы и обувь танцоров, погрузить все в автомашину, а затем — разгрузить. А после выступления проделать то же «в обратном порядке».

Как правило, для таких работ артисты ансамбля назначались по очереди.

Но теперь в погрузку включились все. Все наше имущество, вплоть до огромного концертного рояля профессора Нахутина, было доставлено в Купеческую гавань, к борту большого парохода.

Почти одновременно с нами, но другим судном, перебазировался из Таллина и Театр Краснознаменного Балтфлота.

В Ленинград мы прибыли 6 июля 1941 года.

Театр и ансамбль разместили в школе, в доме № 59 по Большому проспекту Петроградской стороны. Это было здание старой постройки, с большими классами, с большими залами, в которых на переменах играли ребяташки, с огромным актовым залом. Короче, помещений хватило и для школьников, не уехавших в эвакуацию, и для нас. Однако обживали мы новое пристанище недолго. Была определена новая форма нашей работы — фронтовые бригады. Каждой из восемнадцати

назначили свой маршрут, ну а зритель у нас был свой, общий — наш Краснознаменный Балтийский флот.

В агитационный автомобиль, выкрашенный в красный цвет, удалось втиснуть две бригады — Пергамента и нашу, — направлявшиеся в Таллин. У каждого из нас было при себе личное оружие.

Шоссе на Таллин было пустынно, наш грузовик мчался по нему на полном ходу и безо всяких помех, если не считать, что под Кундой дважды попали под артиллерийский обстрел.

На рассвете 4 августа 1941 года бригады прибыли в столицу Советской Эстонии, где и поступили в распоряжение Политуправления КБФ, а конкретно — в распоряжение батальонного комиссара Константина Николаевича Бусыгина. Он приказал нам устроиться в «родных стенах», в бывшей казарме ансамбля на улице Лай. На Пикк уже разместились бригады, прибывшие в Таллин раньше нас.

В тот же день состоялся просмотр нашей программы. Принимал ее батальонный комиссар Бусыгин и с ним главный режиссер театра и начальник ансамбля. Здесь же находились и наши товарищи из так называемой «ансамблевой бригады». А мы назывались «бригадой солистов», и старшим, бригадиром, был я.

Начали программу. Старший краснофлотец Юрий Махлин, чтец и ведущий, вышел на авансцену. Он начал со стихов Маяковского, которые любил, знал и отлично читал. Затем объявил:

— Краснофлотский перепляс. Исполняют краснофлотец Николай Трофимов и юнга Сергей Жабкин. Аккомпанирует на баяне «любимец Балтики» старший краснофлотец Вячеслав Королев!

Слава, коренастый крепыш, пробежал по клавишам баяна, и... из-за кулис выскочили высоченный Трофимов (у нас в театре был и другой Трофимов, ныне актер БДТ имени Горького) и крошечный юнга Жабкин,

одетые в широченные брюки-клеш, в крошечных бескозырках, чудом державшихся на затылке.

— Эх, яблочко, куда котишься? —

спросил верзила, и малыш отвечал:

— На балтийцев нарвешься,
Не воротись!

И закружилась пляска, удалая, лихая... А после наша вольнонаемная певица-сопрано Мария Григорьева исполнила песню Ольги из оперы Даргомыжского «Русалка». Слушая ее, я заметил, что даже у наших товарищей повлажнели глаза: вспомнили о мирном времени. Как давно, казалось, уже все это было!..

И снова песня. Я исполняю:

Краснофлотец, крепкий малый,
В путь идет далекий..

Потом выход Татьяны Дандрэ. В испанском платье, с кастаньетами, под аккомпанемент баяниста и нашего ксилофониста-ударника Сергея Глинки она танцевала «Болеро» и «Тарантеллу»...

А ведущий Юрий Махлин уже читал «Левый марш»:

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе,
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер...

И снова танец — Виктор Бечук и Василий Шагаров лихо отбивали чечетку — даже стекла репетиционной слегка подрагивали. В финале выходили все артисты бригады, в форме, при оружии:

...Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война!..

Программа наша была одобрена.

Вскоре мы получили приказ выехать в части береговой обороны на остров Нарген...

Всего же с 5 по 19 августа наша концертная бригада дала в Таллине и в Палдиски, на островах и на кораблях флота более сорока концертов.

Нас разбудили затемно, около пяти утра.

— Сразу после завтрака построение с личным оружием! — приказал дежурный. — Всему составу.

Этой ночью на Лай, 20, собралось несколько бригад.

— Концертной деятельности пока конец! — объявил, когда мы построились, наш старший политрук. — С этой минуты мы — рота в обороне Таллина. 1-й взвод, — он назвал две наши бригады: солистов и ансамблевую. — Нам отведен участок обороны в парке Кадриорг!

Из центра до парка расстояние немалое. Мы шагали по пустынным улицам города, над которым стлался дым пожаров. Слышны были разрывы фашистских снарядов... Минут через десять мы встретили колонну моряков — они шагали со стороны Купеческой гавани.

В Кадриорге нас, артистов, построили на площадке у памятника броненосцу «Русалка». На лошади подвезли лопаты и кирки, ломы и носилки.

— Сейчас вы получите инструмент! — лаконично объявил подошедший к нам армейский майор. — К каждому отделению будет прикомандирован сапер. Слушаться его! Окопы — в рост. Оружие — в козлы.

Оглядев свою бригаду — теперь стрелковое отделение, я представил копающую балерину Дандрэ. Знал, что никогда еще она не держала в руках лопату. Невольно улыбнулся. Майор зло глянул на меня: улыбка была неуместна.

— К оружию выставить часовых. Разойдись!

Татьяну Дандрэ решили поставить к нашему составленному оружию, и остальные разобрали инструмент, получили по паре рукавиц... Конец августа в сорок первом выдался жарким. Через пять минут мы уже были мокрые от пота.

— Рукавиц не снимать! — приказал наш сержант.

Но было уже поздно: у певицы Маши Григорьевой по стертой в кровь ладони текла красная струйка... Сержант рассердился. Достал бинт, замотал Маше кисть и сказал мне, чтобы и ее поставил пока к оружию. В тот же миг за памятником «Русалке», чуть слева от нас, взметнулся вверх фонтан дыма и огня.

— Ложись! — повторять команду сержанту не пришлось.

К обеду солнце поднялось к зениту, а с окопами дело шло у нас тяжело. Пришел майор, критически оглядел работу:

— Ну что с вас взять — артисты!

Пергамент промолчал, но по выражению его лица было видно, какие чувства его одолевают. К полудню 24 августа окопы полного профиля на нашем участке были готовы, и нам тут же приказали занять линию обороны. Вольнонаемным Марии Григорьевой и Татьяне Дандрэ выдали по санитарной сумке.

Уже в сумерках перед нами снова появился «злой майор», как мы его прозвали. Мне показалось, что он еще больше похудел, почернел с лица, даже меньше ростом стал. Наш ротный Пергамент выскочил навстречу ему из окопа.

— Ведите свою рать в казарму, — устало сказал майор.

Пергамент, как я понял, хотел что-то ему возразить, но майор объяснил ему, что это приказ свыше.

27 августа погода начала портиться, поднялся сильный ветер. Нас отправили в помещения Театра КБФ, на улицу Пикк, дом 40. К вечеру на город налетели

тучи, они смешивались с дымом пожаров. Слышались взрывы. Город выглядел страшно.

Часам к девятнадцати нам объявили построение с оружием на улице — я подумал, что сейчас снова пойдем в Кадрнорг. Но Пергамент приказал мне:

— Силами своей бригады организуйте погрузку инструментов и реквизита на автомашину, — он показал на «пикап», стоявший у тротуара. — На все дается сорок минут. В Купеческой гавани найдете транспорт «Вирония».

Дорога к порту была забита колоннами войск, автомашинами, тракторами, которые тянули всякую технику... «Пикап» нам пришлось бросить, до причала мы добрались пешком и там с трудом отыскивали «Виронию». И здесь увидели: судно битком забито людьми и техникой. Нам все же удалось разместиться на верхней палубе. Хлестал холодный дождь, а штормовой норд-ост приносил сюда дым и гарь пожарищ. Вдруг услышал по радиотрансляции, что мне следует прибыть на мостик. С трудом протиснувшись между людьми, поднялся наверх, представился капитану.

— Выделите из своей бригады троих краснофлотцев для выполнения особого задания в распоряжение батальонного комиссара Бусыгина. Он ждет людей у главной конторы порта.

Подумалось, что надо вызвать добровольцев и что первым из них буду сам. Со мной решили идти Василий Шагаров и Виктор Бибчук.

До назначенного места добрались с трудом. Контора горела, но точно у входа стоял батальонный комиссар Бусыгин. Я доложил, что мы прибыли, и услышал:

— Давай-ка назад, Веретенников. И пришли шофера! Позарез нужен!

Вздохнув, побежал на корабль. Под вентиляционным раструбом, у дымовой трубы, отыскал наших. Шо-

фер Михаил Ткачев убежал, обрадованный, что не придется идти морем: парня страшно укачивало.

Уже в темноте «Вирония» снялась со швартовов и вышла на рейд.

Промокшие и продрогшие, мы жались друг к другу, усадив в «серединку» Машу Григорьеву и Таню Дандрэ. С рассветом открылся вид оставляемого Таллина — дым пожаров поднимался к Вышгороду, к небу, стлался над городом. По рейду сновали наши эсминцы и на полном ходу стреляли из «стотридцаток» по берегу, уже занятому противником. Глухо бухал главный калибр флагмана крейсера «Киров», накрывшего батарею фашистов. На рейде тут и там поднимались султаны взрывов...

Часам к одиннадцати ветер стих. Вскоре на реях «Кирова» заполоскались флаги. «Наверное, выступаем», — подумалось. И верно, вскоре «Вирония», медленно развернувшись, пошла к выходу с рейда. Там она должна была встать в ордер своей колонны. Едва «Вирония» подошла к воротам бонового заграждения, мы услышали впереди страшной силы взрыв, он гулко отдался в корпусе судна. Капитан объявил, что это мина взорвалась в трале передней пары тральщиков и остановка в движении вызвана тем, что надо заменить перебитый трал. Время шло...

Наконец колонна вышла с рейда, обогнула остров Лэгна, оставив с левого борта остров Нарген... Горько было думать, что там, возможно, уже враг. Нехорошо стало на душе. К тому же прояснилось небо, так что надо было ждать самолетов противника. И они не замедлили объявиться — первая атака «юнкерсов» была нацелена на корабли эскадры, обогнавшие нас. Крейсер «Киров», эсминцы, базовые тральщики открыли плотный заградительный огонь. Побросав бомбы куда придется, самолеты улетели. Мы радовались: обошлось без потерь, более того, несколько «юнкерсов» сбиты или

повреждены!.. Но вот снова гремят взрывы над морем, гулкими ударами отдаваясь в корпусе «Виронии», — это, говорят, на минах подорвались наши суда... Женщины вздрагивают при каждом новом взрыве. Снова на рее нашего судна белый флаг с голубым прямоугольником посередине — мы уже знаем, что это «воздушный налет». Теперь самолеты противника идут прямо на транспорты. Через какое-то время я увидел, как вспыхнул пожар на ледоколе «Криштьянс Вальдемарс», он шел в колонне впереди нас. Застрочили пулеметы на «Виронии» — вражеский самолет, страшно завывая, шел в пике прямо на нас. Теперь все взгляды были устремлены на «юнкерс». От него отделилось несколько черных капель. Взрыв, другой...

Очнулся я уже в воде. В ушах у меня страшно шумело. «Вирония» уходила на восток. Рядом плавала какая-то доска, ухватился за нее. Не успел даже подумать, что стану делать далее, как услышал стук мотора. И вскоре стоял на палубе небольшого катера. С брюк, с бушлата на палубу стекала вода. Глянул на свои руки — они были черным-черны от мазута.

— С «Виронии» сбросило? — спросил меня командир с нашивками старшего политрука на рукавах кителя.

— Да, — ответил. — Мы из Ансамбля песни и пляски КБФ.

— Ну, главный старшина, — улыбнулся старший политрук. — Ансамбль ушел на судне. А кем был там?

— Старшиной ансамбля, певец Веретенников, — представился ему.

Оказалось, старший политрук слушал меня не однажды.

— Раздевайся, отождем твою одежду. И — вниз, простудишься!

Одежда моя просохла, я отогрелся около катерного мотора, по привычке к запаху мазута. У мыса Юминда подорвались на минах еще несколько судов...

На рассвете следующего дня меня и всех моряков, которые были подобраны этим небольшим катером, тоже получившим повреждения от бомбежки, пересадили на большой транспорт, имевший номер 529. Мы поднялись по штормтрапу на палубу и ахнули: сколько народу скопилось тут!.. Оказалось, на «Пятьсот двадцать девятом» из Таллина эвакуировали госпиталь — раненых, врачей и медсестер, оборудование и имущество, автомашины.

С рассветом начались налеты фашистской авиации. Гулко били старенькие пушки, установленные на судне. Вовсю старались счетверенные «максимы». Но главное — отлично маневрировал капитан: ворочал огромное судно вправо и влево, давал с «полного вперед» «полный назад». Фашистов это злило, они заходили на «Пятьсот двадцать девятый» с разных сторон. Но все же от ста сорока четырех бомб удалось уклониться. Сто сорок пятая взорвалась под кормой — судно беспомощно закрутилось на месте, судьба его была предрешена: еще заход самолетов, несколько взрывов — и «Пятьсот двадцать девятый» начал тонуть.

Спускали спасательные шлюпки, в них были помещены раненые и женщины. Раздали спасательные нагрудники — в первую очередь легкораненым: на транспорте поддерживался порядок. А с неба на судно налетали всё новые «юнкерсы» и стреляли из пулеметов...

Посмотрел на часы, которые продолжали идти, несмотря на то, что «искупались», когда меня сбросило с «Виронии». Наручные «кировские» часы с металлической решеткой над стеклом, не водонепроницаемые, не антиударные, они показывали время: семнадцать пятьдесят. Море кругом было пустынно, только вдаль скорее угадывались шлюпки, а над ними — вражеские самолеты. Люди плавали не столько в воде, сколько в мазуте — черном мазуте, вылившемся из разорванных взрывами корабельных тел.

Какой-то молодой краснофлотец стоял на палубе рядом:

— Прыгнем, один черт погибать?

— Прыгнем, только разденемся,— ответил ему.— И подальше от борта!

Так и сделали. И вовремя: минут через десяток транспорт ушел под воду.

Вскоре мы обнаружили какую-то доску и ухватились за нее. Потом на поверхности воды показались ящики — много их было. Краснофлотец, с которым мы вместе прыгали в воду, обнаружил один разбитый, заглянул вовнутрь.

— Братва, перевязочный материал подгреб,— пошутил он.— Давайте бинтовать плотки из досок и брусьев!

Сперва это предложение вызвало досаду: какие плотки? Но вскоре мы поняли, что в этом есть резон. Из глубин вынырнул еще один такой же ящик. И вот уже мы, держась за куски дерева, буксируем их перед собой. Кто-то изловчился, достал из ящика несколько бинтов. И мы стали связывать доску к доске, ящик к ящику, брус к брусу.

— А ведь остров рукотворный делаем, братишечки! — засмеялся тот же неунывающий краснофлотец.— Теперь, обратно же, привяжемся к этому острову бинтами. И хоть спи, только голову с подушки не урони, воды хлебнешь!

И как ни грустно было, как ни тяжело наше положение, улыбнулся его шутке и подумал: вот бы кого к нам в ансамбль, на концеранс!..

Ночь упала на море, звезды зажглись.

— Нас ищут, братишечки! — услышал знакомый голос с другого конца «острова». — Никак бросить не должны, потому как мы — частица Краснознаменного Балтфлота. Потому как нам Гитлерюга ого как должен, и лично я хочу с него этот долг получить!

Холода уже не чувствовалось, не чувствовалось и бега времени. Ветра и волны не было, казалось, «остров» наш неподвижен и только небосвод медленно вращается над ним... Дремал ли я, находился в забытьи?.. Очнулся уже после того, как взошло солнце...

— Усилить наблюдение за горизонтом! — раздался знакомый голос. — И за воздухом. А то гансы прилетят, увидят новую часть суши, со всех сторон окруженную водой, и начнут бомбить.

Но самолеты не прилетали, а солнце поднималось все выше и буквально раскаляло наши черные от мазута лица и головы. Страшно хотелось пить.

— Три трубы на осте! — отчаянно крикнул вдруг тот же неунывающий краснофлотец, — За нами, братишечки!

Вскоре все увидали — к нам шли три тихоходных тральщика. Едва очутившись на палубе одного из этих кораблей, я потерял сознание.

Не знаю, как скоро пришел в себя, но только краснофлотец, наблюдавший за спасенными, тут же доложил об этом. Меня под руки отвели в душ, помогли помыться. Потом — покормили и уложили спать... Разбудили всех нас уже во время швартовки — тральщики подошли к пристани в Кронштадте.

Нас построили и повели на Якорную площадь. И вот мы уже на главной площади Кронштадта, а вокруг сотни людей — женщины, дети. И у всех полные тревоги глаза, ожидающие ответа:

— Нашего отца, мужа, не видали?

Вдоль строя ходили командиры, спрашивали воинское звание, фамилию, место службы.

Потом нас отвели в учебный отряд, где мы еще раз помылись, теперь уже в настоящей бане. Каждый из нас получил одежду — белое парусиновое рабочее платье и рабочие же ботинки.

По-настоящему пришел в себя лишь на четвертый день — это было 3 сентября 1941 года. Узнал, что в Кронштадте работает одна из наших бригад, которой руководит майор Николай Михайлович Маль. И расположились они рядом — в Доме флота.

Не знаю как, но сумел убедить дежурного на КПП выпустить на полчаса за проходную.

Маль тотчас доложил о том, что я нашелся, начальнику театра, и в Кронштадт был командирован режиссер Михаил Михайлович Королев. Он привез мне одежду, и вместе с ним я убыл в Ленинград... Здесь только узнал, что в живых из всей бригады кроме меня остались трое: старший краснофлотец Николай Трофимов, юнга Сергей Жабкин и баянист старший краснофлотец Вячеслав Королев.

А 10 сентября 1941 года в составе новой бригады я снова выехал в Кронштадт.

ЧЕЛОВЕК СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ!..

Когда в начале войны в нашем театре создавались концертные бригады, я была включена в состав группы из 14 человек (бригадиром был политрук Мирский, мой муж), и 23 июня мы уже были на острове Сааремаа в маленьком городке Кууре-Сааре. Враг был еще далеко, и на острове не ощущалось тревоги. И зрители наши были настроены оптимистично, уверяли нас в скорой победе: «Вы, товарищи артисты, не беспокойтесь, да мы их к осени погоним, ну в крайнем случае — к Новому году!»

Да, тогда страшное лицо войны было еще скрыто от нас. Знали ли мы, что стоим на пороге великой трагедии, которая унесет жизни двадцати миллионов наших людей, что даже в нашей маленькой группе через два месяца останется только половина состава...

Но тогда, в июне, мы наслаждались тишиной крохотного чистенького городка, наслаждались безоблачным небом, воздухом, пропитанным запахом неистово цветущей сирени. Мы пели песни о победе, смотрели

Богданова-Мирская Валентина Вячеславовна в 1927 году закончила студию при Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина, работала в Ленинградском ТРАМе, затем — в Ленинградском театре комедии. С 1931 года — в Ленинградском областном малом театре драмы. С 1941 года по июль 1942 года — в Театре КБФ, затем — в Театре Тихоокеанского флота.

Участница Великой Отечественной войны.

Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

С 1949 года работала в Ленгосэстраде и Ленконцерте.

Заслуженная артистка РСФСР,

на белозубых юных краснофлотцев, и как-то не верилось в кровь и смерть.

Помню наш первый концерт. Он начался довольно курьезно. Когда мы прибыли в расположение части, куда были направлены, к нам навстречу вышел командир и откуда-то из-под громадных кустов сирени вынырнул кок в белом колпаке и переднике. Он при виде нас не скрывал своей радости. Оказалось, он отпустил своего помощника с другими бойцами на задание и они должны были вернуться только через час, а картошку привезли очень мелкую, и одному ему было с ней не справиться.

— Вы ведь свои, флотские,— кинулся он к нам (на нас была морская форма),— небось приходилось на камбузе помогать! Так что выручайте!

Мы, конечно, не заставили себя упрашивать: картошка так картошка! Быстро начистили два огромных котла. И обед, и концерт наш были приняты отлично...

Сколько мы их дали, наших концертов, тогда на Сааремаа? Во всяком случае, меньше трех в день не было. Затем выехали на Хийумаа, на корабли, а 2 августа наша бригада на шхуне «Хильда» отплыла на Ханко. Добрались мы до полуострова благополучно, вышли на пирс... и, как говорится, попали на линию огня. Мы были еще необстрелянные, и я даже не поняла, что это такое свистит то у одного уха, то у другого.

— Ну что вы, товарищи артисты, стойте,— закричал молодой командир, прибывший за нами из Дома флота.— Ведь обстреливают! Рассыпьтесь и бегите вон на ту дачу,— он указал на стоявший невдалеке домик,— там и ждите, автобус за вами придет!

Откуда-то прибежала санитарка (мы привезли на шхуне коров для госпиталя), и эта девушка (звали ее, по-моему, Валя-рыжая) бросилась к нам с каким-то вопросом. Мы что-то кричали ей, а она вдруг упала. Ее подхватили и понесли на стоявшую поблизости дачу.

А когда через какое-то время вернулись наши ребята, помогавшие ее нести, мы услышали, что она умерла...

Такой была наша встреча с Ханко!..

— Да, это не Кууре-Сааре с сиренью! — сказал кто-то из наших ребят.

Но в августе и на Сааремаа было уже «жарко»: гарнизон наш отчаянно отстаивал остров.

На Ханко мы жили в Доме флота. Сюда снаряды не попадали, хотя враг обстреливал позиции наших войск круглосуточно и непрерывно. Мы так привыкли к этому, что однажды ночью, когда обстрел вдруг прекратился, все разом проснулись... от тишины! И, пока он не начался снова, заснуть не могли.

Были мы у наших славных летчиков — у замечательного, мужественного Л. Г. Белоусова и у П. А. Бринько, так рано погибшего. Это тоже был чудесный, бесстрашный, жизнерадостный человек!

Удивительно, но на Ханко, хотя это была передовая, никто из наших не был ранен, все мы были здоровы и работали с максимальной отдачей. Ну да иначе и быть не могло.

В конце августа нас отозвали в Таллин, на подступах к которому шли уже бои. Наша бригада отправлялась в Кронштадт на ледоколе «Криштьянс Вальдемарс» в составе каравана судов. Ночью мы долго стояли на большом рейде, а на следующий день корабль отправился в плавание, ставшее для него последним.

Мы сидели в каюте главного механика. Настроение у всех было оптимистичное: через день будем в Кронштадте! Механик рассказывал нам о ледоколе и всюю нахваливал его замечательные свойства. Оказывается, судно это специальное, спасательное. И его конструкция со множеством водонепроницаемых переборок позволяет ему долгое время держаться на плаву.

— В случае чего будет время спустить шлюпки на воду, а их достаточно на ледоколе...

И в это время корабль получил снизу такой удар, что показалось, будто какой-то мифический великан ударил в днище его гигантским молотом. Мерный стук механизмов, который был все время слышен, прервался. Секунду все в каюте стояли неподвижно, а затем бросились на палубу. Из открытой двери машинного отделения валил липкий дым, сразу застлавший мне глаза. Когда я выскочила на палубу, там уже никого не было. Палуба уже кренилась. Сбросила пальто, противогаз, туфли и — в воду... Откуда-то со стороны услышала голос мужа: «Плыви скорее прочь от корабля — затянет!» Я поплыла наугад. Снова услышала: меня звали. Это старшина с корабля, мой муж и артист Деранков подзывали меня. Они держались за какое-то подобие крохотного плотика. Но все-таки это была возможность хоть как-то уцепиться и отдохнуть. Потом я заметила нашего скрипача Михаила Левина. Стала его звать. Он подплыл, и мы помогли ему освободиться от бушлата и противогаза. Но пятерых наш плотик уже не мог выдержать: он тонул. Пришлось по очереди отплывать и возвращаться. Недолго бы мы таким образом продержались! Уже вечерело, пошла волна. На наше счастье, нас подобрала шлюпка с судна «Сатурн». Было уже совсем темно, когда мы пристали к маленькому буксиру.

На следующее утро появились самолеты фашистов. Они устремились, пикируя, прямо на наши корабли. Наш крошка-буксир, видимо, их не привлекал серьезно, но все-таки бомбы они и на нас сбросили, но мимо... Капитан велел всем нам лечь на палубу, и нас накрыли брезентом. Когда солнце село, самолеты улетели. Мы, не веря, что целы, смогли подняться и оглянуться кругом. Были видны пылающие суда. Вскоре мы стали нагонять какой-то транспорт. На палубе его не было никого видно. И вдруг мы услышали «Интернационал». Это не было радио, нет, над водной гладью разносились

далеко вокруг нестройные, хриплые, задыхающиеся голоса. Через какое-то время на корме тонущего транспорта стала заметна группа людей. Раненые! Почти двадцать человек стояли, тесно прижавшись друг к другу,—бинты на головах, руках—и пели. Так они встречали свою смерть!

Люди вокруг меня обнажили головы и, потрясенные, не могли произнести ни слова. Мы были уже близко от транспорта, но он стал вдруг быстро погружаться в воду. Я не выдержала и отвернулась. А когда снова взглянула туда, на поверхности моря ничего уже не было. Только ровная гладь воды! Никого не удалось спасти...

Многому я была свидетелем во время войны. Многие мои впечатления потускнели, словно ушли в небытие. Но эту песню раненых я буду помнить всегда. Всегда буду помнить эту победу человека над страхом смерти. Значит, человек сильнее ее! Я много читала об этом, видела в пьесах, в кино, но, когда такое видишь в жизни,—это не забывается никогда!

А в Ленинграде мы узнали о гибели наших товарищей.

Это были прекрасные ребята. Многие из них могли бы стать известными, ибо уже в ту пору мы сами, артисты театра, да и зрители тоже, пожалуй даже в первую очередь они, видели их талант.

Владимира Дмитриева у нас называли Кокленом по имени всемирно известного в довоенные годы французского комика. И не зря: Володя не просто копировал Коклена, он вносил в свою работу то неповторимое, что может внести по-настоящему большой актер.

Николай Ануфриев был скромный голубоглазый парень. Из маленькой роли, такой, которую мы, артисты, называем «без ниточки», из эпизодической роли он мог сделать запоминавшийся, яркий образ человека, который на сцене вставал в один ряд с главными дей-

ствующими лицами. Ну а внешне он чем-то напоминал одного из любимых артистов театра и кино Николая Николаевича Трофимова...

Виктора Шпринга я почему-то чаще всего вспоминаю в роли матроса Шванди из «Любови Яровой». Так сыграть этот образ мог только он, смелый и находчивый парень,— и этому мы были свидетелями не только на сцене, а и в жизни, на войне, на полуострове Ханко. В первые дни войны у Виктора Шпринга родился сын. Виктор возвращался с Ханко в Ленинград, ждал встречи со своим первенцем. И не дождался. Погиб, как и Володя Дмитриев...

Погибли при прорыве в Кронштадт и хорошие, только пришедшие в театр артисты Василий Панков, Роман Цейтлин, Матвей Белов, настоящий моряк, прошедший школу службы на боевых кораблях и пришедший в наш театр из флотской самодеятельности.

Все они останутся в нашей памяти, как остались в памяти те тяжелые страницы воспоминаний, над которыми не властно время.

ОСТРОВ ХИЙУМАА, СОРОК ПЕРВЫЙ ГОД

В июле 1941 года в театре срочно формировали новую фронттовую бригаду. Как раз в ту пору в Ленинград приехала большая группа артистов из Бреста — их мобилизовали и направили к нам. Режиссер Савва Раппопорт включил некоторых из них в новую бригаду, и мы начали репетировать одноактную пьесу «Рыбачка с побережья» Левина.

О чем рассказывалось в «Рыбачке»? Гражданская война. Украина оккупирована немцами. Шустрая девчонка Анка со своим женихом Петром водят за нос офицера. Анка выведывает у него сведения, нужные партизанам. Ее выдает предатель-староста. Оккупанты казнят патриотку.

Я играла Анку, Петра — Всеволод Кутилин, красивый парень. Высокий, стройный. Семен Нерославский исполнял роль красного командира. Александр Пирогов играл кулака-старосту. Ну а Савва Раппопорт, он был не только режиссером, но и нашим бригадиром.

— Война искусству скидок не дает! — любил он повторять. — Не думайте, что если спектакль идет на палубе боевого корабля или под крылом самолета на

Прусиновская Софья Борисовна в 1931 году закончила Ленинградский политехникум Первой государственной студии, работала в Новом театре (ныне — театр имени Ленсовета). С 1940 по 1945 год — артистка Театра КБФ. После войны работала в Ленгосэстраде и Ленконцерте.

Участница Великой Отечественной войны.

Награждена медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

аэродроме, то играть можно вполсилы. Мы — актеры!

Савва Раппопорт закончил режиссерское отделение незадолго до войны и успел поработать в театре совсем немного. Он был полон идей, сетовал, что еще не были написаны пьесы об этой войне, но свято верил, что такие пьесы будут созданы, даже если война закончится скоро (и, разумеется, нашей победой). «А потом... потом мы поставим Шеридана,— мечтал он и спрашивал: — Вы знаете Шеридана?»

И все мы улыбались: Шеридана мы знали!

Конечно, в нашем репертуаре была не одна только «Рыбачка».

Итак, мы ехали работать на остров Хийумаа, или Даго. Мне приходилось бывать там еще в сороковом. Это было осенью, довольно прохладной. На острове велось строительство оборонительных сооружений. И мы выступали, по большей части, перед воинами-строителями на открытых площадках. Они оборудовались в один миг: рядом ставились два грузовика с опущенными бортами, третья автомашина направляла на импровизированную сцену свои фары... Жили мы в палатках, которые уступили нам строители.

И вот снова путь на Даго. Из Ленинграда — автомашиной до Таллина. Нас — десять человек: кроме «драматической части» баянист Виктор Розмыслов, четочник Николай Ткач, оба старшины 1-й статьи, и пришедшие в театр с начала войны по вольному найму певица Зинаида Кобриня и балерина Валерия Врабец.

Грузовик довез нас до Таллина, где состоялся просмотр нашей программы, потом в Палдиски — здесь мы дали первый концерт. Оттуда — на Хаапсалу, с Хаапсалу мы должны были идти на остров Осмуссаар.

Приехали на причал. Савва Раппопорт куда-то убежал. Вернулся расстроенный.

— Видите вот эту деревянную лайбу? — громко спро-

сил Савва, показывая на рыбацкое суденышко. — Так вот, сначала ее загрузят мешками с мукой, а потом нас возьмут.

Муку на причал возили на лошадке, и погрузка растянулась на целый день. Уже к вечеру к нам вышел старик-капитан с норвежской бородкой и морщинистым лицом и, выговаривая слова с сильным эстонским акцентом, пригласил нас на корабль.

Судно оказалось еще старше, чем его капитан: на качающихся медных, до блеска начищенных подвесах крепились морские керосиновые фонари. В рубке на таком же подвесе укреплен компас. Все это вызывало уважение, но никак не доверие: думалось, один взрыв бомбы метрах в десяти от борта, и это антикварное суденышко развалится само собой.

Но все обошлось. На причале Осмуссаара нас встречал командир батареи капитан Александр Панов, человек роста небольшого, жилистый и крепкий, с «артиллерийским» голосом.

В тот же вечер, 1 августа, бригада дала представление для батарейцев — на сцене, специально для спектакля сколоченной моряками. Показывали «Рыбачку с побережья».

Прошло почти полтора месяца войны. Враг наступал, была оккупирована значительная территория. И на ней разворачивалась партизанская война. Поэтому пьеса времен гражданской войны оказалась созвучной тому времени. Но аплодисментов мы не успели получить: едва закончилось действие, прозвучал сигнал боевой тревоги.

Фашистские самолеты заходили на «нашу» батарею. Зенитчики, которые тоже присутствовали на нашем представлении, побежали на позиции. Их первый залп не достиг цели. Второй тоже. Все мы выбрались из укрытия посмотреть, как пройдет эта дуэль. И тут вдруг слышим:

— За артистов Театра КБФ, по самолету — огонь! Залп, и... «юнкерс» задымил, стал падать в море. Остальные развернулись на обратный курс.

— Отбой боевой тревоги, объявляется второе отделение!

Зрители собрались снова быстро.

— «Сентиментальный вальс», художественное чтение в исполнении артиста Семена Нерославского, партия баяна — Виктор Розмыслов! — объявил Раппопорт первый номер концертной программы.

Потом Валерия Врабец и Николай Ткач «выдали» «Краснофлотский», «Русский», «Украинский» и «Молдавский» танцы. А Коля отбил еще и свою коронную чечетку. Зина Кобрина спела «Синий платочек» и «Я на подвиг тебя провожала». Исполнил сатирические куплеты Сева Кутилин.

Уже в сумерках я и Сеня Нерославский сыграли скетч под названием «Первенец».

Программа была принята «на бис».

Потом нас накормили ужином и устроили на ночлег — мужчин в казарме, а нас, трех женщин, прямо на КП дальнобойной батареей, за ширмой. Как мы узнали, там обычно отдыхала вторая смена командного пункта. Однако поспать спокойно нам не пришлось. На КП раздавался голос капитана Панова: то он отдавал кому-то распоряжения, то звонил по телефону. Покой наступал лишь к рассвету. А после завтрака наша бригада уезжала или уходила работать на другие батареи этого небольшого острова.

5 августа мы уходили на Хийумаа на небольшом катерке. На причале собрались провожающие — краснофлотцы, старшины, командиры. Пришел и капитан Панов. Попрощались. И вдруг к Раппопорту подошел один из краснофлотцев, и я узнала его и удивилась: это был наш знакомый комендор батареей Яков Хамармер (ныне главный режиссер Театра драмы и комедии).

— Савва, возьми меня с собой... Ну что мне тут делать? С начала войны ни одного выстрела. А там, на Даго, передний край!

Раппопорт вздохнул: оба понимали, что взять с собой комендора никак невозможно. И ни мы, ни они не знали еще, что этот день, 5 августа, станет первым в отсчете дней и ночей обороны Таллина. Что защитникам Осмуссаара придется вступить в бой буквально через несколько часов.

На Хийумаа (Даго) бригаду поселили в Кярдла, в здании школы. Крутая деревянная лестница вела в наши «апартаменты», где потолок сходилась вверху углом, а окно притулилось у самого пола. Посередине стояла буржуйка. За ней перегородка из двух одеял. Там «женское отделение». На довольствии мы состояли в командирской кают-компании, при штабе. Только питаться там доводилось редко. Два-три выступления с переездами в сутки. Сегодня — в стройбатальоне, завтра — на батарее тяжелых морских орудий, еще через день — на катерах. А сами переезды — с баяном, костюмами, с довольно тяжеловесными «намекami на декорации» (несмотря на наши старания упростить все до предела), кроме того, обязательно каждый имел при себе личное оружие.

Здесь, на острове, особенно хорошо принимали «Рыбачку»... Однажды, после выступления, ко мне подошел краснофлотец.

— Неньку, вы не з Украины, не з Ромен? — спросил он.

— Нет, а что?

— А то, что говор у вас тамошний, наш!

Я смутилась и не решилась признаться, что «тамошнему говору» научил меня актер театра Саша Рохленко во время просмотра «Рыбачки» в Таллине...

Играли мы везде: в клубах, в казармах, в казематах и даже прямо на улице. Гримировались тогда в ближайших кустах. Однажды за этим делом застал нас комиссар батареи Зудин и очень смутился. И мы отчего-то тоже.

— Перышки чистите? — заговорил комиссар.

— Выходит, так! — задорно ответила Зина Кобрена. В те дни она ходила вся счастливая и цветущая, влюбленная в нашего артиста Сашу Пирогова.

— Не мерзнете? — задал он еще вопрос: начались утренние холода.

— Нет, — ответили мои подружки. Я промолчала и получила от комиссара подарок — маленький ватничек, который потом, в блокаду, частенько выручал меня.

Аудитория наша тоже была различной — моряки, артиллеристы, строители. Помню выступления на маяке Тахкуна. Его обслуживало всего четыре человека. Двое из них постоянно дежурили наверху — не только для того, чтобы наблюдать работу аппаратуры маяка, но и чтобы предупредить при появлении врага.

В их небольшом домике наша бригада показывала «Рыбачку с побережья» и концертную программу, всю полностью, с исполнением номеров «на бис». Показывали два раза за один вечер. И каждый раз — для двух зрителей...

А потом нас хозяева маяка пригласили наверх и с площадки мы наблюдали темнеющее небо над морем, видели огромные камни, лежащие у подножья. Все мы чувствовали волнение. Но конечно, не могли знать, что с этой самой площадки в последнем бою за маяк Тахкуна, расстреляв до последнего все патроны, израсходовав все гранаты и отправив на тот свет немало гитлеровцев, ласточкой прыгнет вниз краснофлотец Николай Чиж. Прыгнет, чтобы не попасть живым в руки врага, последний защитник Тахкуны.

Общее руководство нашей бригадой от Политуправления КБФ осуществлял батальонный комиссар Владимир Спиридонович Яковлев.

— Надо менять репертуар! — сказал он как-то Раппопорту. — Вы уже успели исколесить весь остров и вашу «Рыбачку с побережья» знают здесь едва ли не наизусть, а сатирические куплеты можно услышать в любом каземате в исполнении самодеятельности. Почему бы вам для поднятия бдительности не поставить пьесу о шпионах и борьбе с ними? (В то время на острове появились вражеские диверсанты.)

И вот найден текст пьесы «На старой даче» Ялунера. Я играла шпионку, которая шантажирует красного командира. Но командир (артист Нерославский) проявлял бдительность и разоблачал меня.

Новую пьесу приняли, но успех ее был меньше, чем у «Рыбачки». Понравилась и наша новая концертная программа.

Ночь на 1 октября мы провели в Кярдла. Пришли «домой» и застали гостей — это был Фогельсон, руководитель бригады, выступавшей на Сааремаа, и с ним артисты Валентина Телегина, Михаил Ладыгин и Иван Максимов. Мы были потрясены, целовались, обрадованные, обнимались. Савва сбегал к начальству и почти тотчас нашим товарищам организовали баню, а потом накормили и дали сухую одежду...

Потом мы уехали выступать, а ребята остались отдыхать, и получилось так, что и поговорить-то нам не удалось.

Зато третьего октября вдруг оказалось пропасть свободного времени: почему-то в тот день не поступило заявок на наши выступления. Все разъяснилось к вечеру.

— Артистам Театра КБФ собратся и идти на

аэродром! — передал приказ поднявшийся в наш кубрик краснофлотец.

За пять минут собрались. Пришли на аэродром, временный, небольшой, тонувший в сумерках октябрьского вечера. У самой кромки поля, под деревьями, три «дугласа»... Вдруг откуда-то перед нами появился батальонный комиссар Яковлев, сердито спросил:

— Что за военнослужащие? — и ушел. Не узнал, что ли?

Савва Раппопорт дал команду «Становись!». Построились по два. Мы стояли и видели: в самолеты идет посадка. Савва куда-то побежал, но вскоре вернулся и приказал ждать... Один самолет заработал моторами, пошел выруливать на взлет, за ним — второй.

Снова прибежал Яковлев.

— Телегина, Ладыгин, на посадку! — и уже на ходу, через плечо, крикнул нам: — Остальные завтра!

Улетели товарищи, а мы, расстроенные, вернулись в кубрик. Растопили буржуйку — стало тепло, в приоткрытой дверце виднелись пляшущие языки огня. Мужчины закурили.

— Останемся — партизанить пойдем! — сказал Савва. — Винтовки у нас есть, по четыре гранаты на брата.

— Пойдем, а что? — откликнулся Саша Пирогов.

— И я с тобой, — тихонечко шепнула Зина Кобринна.

— Надо пробиваться на Ханко!

— И я — за Ханко! — поднялся Иван Максимов. — Будем драться!

— Дождемся завтрашнего вечера, — мудро решил наш бригадир. — А пока — спать!

Но не спалось. В голову лезли разные мысли о семье, о доме. Мой муж, Вячеслав Коваленко, заведовал постановочной частью нашего театра, сам рисовал декорации. И еще был разноплановым актером: не только принимал участие в наших спектаклях. Вспомнилось, как познакомилась с ним. Он выступал с иллю-

зином: выходил на сцену с дюжиной колец, которые потом соединял в цепь. Кто-то из зала крикнул, что это жульничество, а не фокус: кольца разрезаны и каждый разъединит и соединит их.

Артист не обиделся, пригласил сомневающегося на сцену, а потом обратился ко мне (я была на концерте) и попросил выйти и помочь гражданину. Разглядывали мы эти самые кольца в четыре глаза, пытаюсь найти разрезы, но так и не нашли. А Слава едва взял цепь в руки, она и распалась... Так мы познакомились, а вскоре и поженились. Я узнала, что он из династии иллюзионистов Михаила Коваленко, выступавших еще в дореволюционном цирке Чинизелли.

В начале войны мы вместе работали в воинских частях на острове Сааремаа (Эзеле), теперь же старший лейтенант Коваленко уехал бригадиром на полуостров Ханко. А я в Кярдла, и выберусь отсюда или нет — еще вопрос. Что с мужем, жив ли? И где наша Галочка вместе со свекровью? Увижу ли я свое дитя?.. Так и уснула, в заботе.

Утром меня разбудили, позвали завтракать. Потом мужчины чистили оружие. После ужина, когда почти совсем стемнело, прибежал краснофлотец от дежурного по штабу, передал приказ снова идти на аэродром.

— Без пользы, — хмуро сказал Раппопорт. — В партизаны пойдем...

Отправились на аэродром Зина Кобрина, Валерия Врабец и я. А из мужчин — Фогельсон, Ткач и Розмыслов.

Снова увидели три «дугласа».

— Артисты? — к нам подошел незнакомый командир.

— Так точно, — по-военному ответил Фогельсон.

— Женщины — в самолет! — приказал он. Увидел, что мы схватились за чемоданы, предупредил: — Нет, без багажа: три чемодана, считай, один пассажир. Конечно, самый маленький! — он засмеялся, посветил на

нас карманным фонариком. — Вот ты, старшина, и иди! — указал на оказавшегося самым маленьким Фогельсона.

— А нам что же, обратно? — спросил, волнуясь, Николай Ткач.

— Вам уходить морем: направляйтесь на пирс, на Тахкуну. Там должен быть катер-«казмка» старшины 1-й статьи Скуратова. Поступаете в его распоряжение для дальнейшего прохождения службы!

— Есть! — обрадовался Ткач. — Только нам бы документ...

— Бланков у меня нет, а записку... — он достал из кармана блокнот, карандаш, что-то черкнул на листке бумаги. — Скуратов мою руку знает, вместе служили, — и повернулся в нашу сторону. — А вы чего ждете? В самолет, бегом марш!

В самолете было темно и тесно — на полу лежали какие-то мешки (как потом выяснилось, с почтой): доставить родным письма защитников острова было, конечно, делом святым! На этих мешках лежали люди, все больше перевязанные и, стало быть, раненные. Мы тоже нашли себе место на этих мешках, а Фогельсон пристроился прямо на полу, в проходе, у наших ног.

Самолет разбежался долго и взлетел тяжело — мы лежали, вжавшись в мешки, и не дышали.

— Попрошу разрешения! — сказал кто-то.

Оказалось, это был стрелок-радист, он направлялся в свою турель, к пулемету... Через некоторое время мы увидели, опять же в турели, какие-то яркие огоньки и сразу самолет затрясло. Валерия Врабец дернула стрелка за ногу и, когда тот нагнулся, спросила, что это значило.

— А это маячки нам свет дают, чтобы с курса не сбились, — пошутил он.

Самолет сильно трянуло, и в иллюминатор хлынул поток пламени. Стало очевидно: нас обстреливали. Но

через несколько часов «дуглас» благополучно приземлился. Это было 4 октября 1941 года.

Той же ночью, но уже другим самолетом, нас доставили в Ленинград, на Комендантский аэродром. И отсюда, в кузове небольшого грузовичка,— на Большой проспект Петроградской стороны, в школу, где жили в ту пору артисты Театра КБФ. И тут выяснилось: они уже думали— мы погибли. Радости было! Особенно обрадовалась, что и муж мой был здесь же.

До театра дошли сообщения: 22 октября остатки гарнизона оставили Хийумаа. Наши ребята храбро воевали вместе с защитниками острова — до последней возможности, до последнего патрона. Израненные и обесилевшие, они попали в плен и погибли.

Спустя сорок лет после войны с большим волнением вступила вновь на эту землю, где все говорит о человеческом мужестве. По приглашению Хийумааского райкома партии Эстонии сюда съехались ветераны — защитники острова, они приехали из многих городов, чтобы почтить память погибших здесь.

Было много неожиданных встреч. Узнали меня рулевой-сигнальщик с катера 1309 Константин Васильевич Горбунов и моторист Алексей Иванович Обухов. Они вспомнили, как переправляли нас с острова Вормси в Кярдла.

Многое можно забыть в жизни. Радости и огорчения, обретения и потери. Но есть память сердца, над которой не властны ни годы, ни десятилетия. И, когда наша делегация возлагала венок к обелиску погибших защитников острова, я мысленно говорила: «Дорогие мои мальчишки — Слава Раппопорт, Сея Нерославский, Сева Кутялин, Саша Пирогов, Петя Сподынейко и Саша Уткин! Мы не забыли вас. Память о вас живет в наших сердцах!»

«ОСТРОВНОЙ ФИЛИАЛ ТЕАТРА»

Хотя репертуар, который наша бригада привезла на Моонзунд, был просмотрен и утвержден еще в Ленинграде, мы понимали, что война заставляет нас вносить в свою работу коррективы.

— Раз вы помимо основной работы режиссера еще пишете стихи, так продолжайте писать их. Главное — учитывайте требование момента и обстановку, — наказывал мне на прощание начальник театра.

Выступления бригад носили агитационный характер, а для этого мы должны были прекрасно знать нашу аудиторию, ее настроение, дела и заботы и быстро на все откликаться. Еще в первый день войны сочинил я монолог ведущего:

С чего начать нам выступленье,
Как не с потрясшего страну

Фогельсон Соломон Борисович в 1935 году закончил Ленинградский техникум сценических искусств, работал в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина режиссером-лаборантом. В октябре 1935 года был призван на Краснознаменный Балтийский флот и направлен режиссером в Театр КБФ.

Участник советско-финляндского вооруженного конфликта и Великой Отечественной войны.

С 1943 года — заведующий литературной частью Ансамбля песни и пляски КБФ. Член КПСС с 1940 года.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией» и другими.

Автор многих стихотворных сборников, песен к кинофильмам, в том числе к «Небесному тихоходу».

Член Союза писателей СССР.

Чудовищного преступления,
Нам навязавшего войну?..
Измена мирным договорам,
Измена клятвам и словам —
К лицу изменникам и ворам,
Кровавым гитлеровским псам!..

Им мы начинали наши выступления.

Бригада наша получилась сильной по составу. Михаил Ладыгин пришел в Театр КБФ после театрального института. Среднего роста, худощавый, с характерной внешностью, он успешно исполнял комедийные роли. Помнится, в «Юбилее» по Чехову его партнершей была известная уже в довоенные годы актриса Валентина Телегина, она играла Мерчуткину. Когда Телегина громким голосом произносила: «Я женщина слабая, беззащитная...» — эффект получался небывалый, зал сотрясся от смеха... Кроме них в инсценировке был занят и артист Иван Устинов.

В состав бригады входил также и оркестр народных инструментов. Руководил им старшина 1-й статьи Сергей Зикеев. Владея практически всеми народными инструментами, он предпочитал саратовскую гармонь. На гитаре играл коренастый крепыш Иван Максимов и Александр Александров — на балалайке. Мог подыграть себе на гитаре и наш певец Николай Арапов, исполнявший больше песни советских композиторов.

Бронею на солнце сверкая,
На рейде стоят крейсера.
И только приказ ожидают,
Готовы поднять якоря...

Песня «В гавани». Кто из краснофлотцев, старшин, командиров и политработников не знал ее? Теперь, в дни войны, исполненная под гитару, она приобрела лиричность и принималась удивительно тепло бойцами морской пехоты, сошедшими на сушу с боевых кораблей. В этом нам не раз приходилось убеждаться.

Арапов не был единственным певцом в бригаде. В ней выступали краснофлотец Петр Сподынейко и вольнонаемная Вера Богданова — хрупкая, курносенькая, белоголовая. Она исполняла «Катюшу» и «Синий платочек»...

Пробыв двадцать дней на Хийумаа (Даго), мы получили приказ перебраться на Сааремаа (Эзель). Меня сразу вызвали в политотдел и рассказали, что остров большой, гарнизон сложный — батарейцы и летчики, морская пехота и связисты, зенитчики и личный состав торпедных катеров... Так что, посоветовали, надо искать новые формы работы.

Зная возможности всех членов бригады, я, как художественный руководитель, стремился максимально расширить привычное амплуа артистов. У нашей отличной драматической актрисы Валентины Телегиной не было музыкального слуха. Начисто. Но что будет, подумалось, если Телегина споет частушки с Верой Богдановой?

И вот я отзываю Сергея Зикеева и Сашу Александрова в сторонку и советуюсь с ними.

— Ничего-то у них не выйдет, да и частушек нет. Разве что ты напишешь... — засмеялся Зикеев.

— Риск — благородное дело, — решил я. — Только вы, ребята, не просто частушки играйте, а на Телегину смотрите. Подыгрывайте ей...

И вот концерт у летчиков, прямо на поле. Сначала наша традиционная программа. Потом на «сцену» — большой грузовик с опущенными бортами — вышли Богданова с Телегиной. Зикеев и Александров устроились прямо на земле с таким расчетом, чтобы все время видеть Телегину. Я махнул ребятам рукой: «Начинайте». Они дали вступление к частушкам.

— Милый клички мне дает,
Всё «Кисанька», «Плутовочка»... —

начала миниатюрная Вера Богданова.

— А меня так мой зовёт
«Двенадцатидюймовочка!»...

совсем не под музыку, но вполне по своим габаритам, пропела Телегина. Зрители засмеялись одобрительно.

— Можем помощь в летном деле
Оказать вам, как друзьям, —

доверительно сообщила Богданова.

— Вставьте Гитлеру пропеллер,
Пусть летит ко всем чертям! —

конкретно посоветовала Телегина.

— Немцы зря к нам шлют десанты,
Ждем непрошенных гостей... —

последовала первая часть частушки.

— Как поймаю диверсанта,
Разорву на семь частей! —

как отрезала Телегина. И топнула ногой.

Кто-то из летчиков крикнул:

— Такая женщина и на десять разорвет!

В общем, принимали нас отлично, хотя обстановка была тревожная и иногда подумывалось: «До артистов ли сейчас защитникам острова?» Но слава о бригаде быстро разлетелась. Нас ждали и при этом говорили:

— Раз артисты приехали, значит, наше положение не такое тяжелое...

В начале августа на остров перебазировался 1-й минно-торпедный полк дальней бомбардировочной авиации, которым командовал полковник Евгений Николаевич Преображенский. Коренастый, бравый командир, любимец подчиненных. Его полк был одним из лучших на флоте по слаженности, организованности. Не случайно именно ему было доверено ответственное правитель-

ственное задание — нанести удар по фашистскому логову, разоблачить лживые утверждения геббельсовской пропаганды о якобы полном уничтожении нашей авиации.

Днем седьмого мы выступали перед летчиками. Нам сообщили: в эту ночь самолеты полетят бомбить военные объекты Берлина. Надо заметить, что к этому времени у нас в бригаде уже выработалась практика: для концерта в конкретном подразделении я сочинял соответствующие моменту куплеты, которые артисты тут же исполняли.

— Под крылом моим могучим
Лишь простор морской один...
Мы летим навстречу тучам,
В эту ночь бомбить Берлин! —

спели под гармонь Петр Сподынейко и Николай Арапов... Надо ли говорить, как это было принято летчиками?.. А вечером полковник пригласил меня «в гости» — располагался он со своими подчиненными в небольшой, но очень уютной землянке. Под невысоким сводом уместились в два яруса четыре койки, стол и четыре табуретки, тумбочка и на ней три полевых телефона.

Попили чаю, крепкого до черного.

И Преображенский, и два его товарища — капитаны Петр Хохлов и Андрей Ефремов — были спокойны, собраны, хотя, наверно, никто лучше их не представлял, какого нервного и физического напряжения потребует выполнение этого задания. Пора было собираться на аэродром...

На прощанье Преображенский предложил нам закурить. Он достал из кармана пачку «Казбека», в ней оказалось пять папирос.

— Вот как хорошо! — улыбнулся Евгений Николаевич. — Каждому по одной. А эту — он показал на последнюю — закурю после Берлина!..

В этих словах звучала твердая уверенность в успешном выполнении операции. Воздушная эскадра из тринадцати лучших экипажей взяла курс на запад, на Берлин...

Это был первый удар авиации по логову фашистов. На протяжении последующих тридцати пяти дней летчики совершили еще несколько вылетов. За выполнение ответственных заданий Е. Н. Преображенскому, П. И. Хохлову, В. А. Гречишникову, А. Я. Ефремову и М. Н. Плоткину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Частыми гостями мы были и в 315-й береговой дальнебойной батарее, которой командовал капитан А. М. Стебель, невысокого роста коренастый крепыш.

Помнится, однажды приехали на батарею в радостный для бойцов день — группа краснофлотцев, старшин и командиров была награждена орденами и медалями, и среди них — Стебель.

— Бьет по немцу Стебель точно,
Поднялся в Берлине вой:
Этот Стебель очень прочный,
Не иначе как стальной!
За частушку не браните,
Капитан наш дорогой.
И заслуженно носите
Славный орден боевой! —

приветствовали мы в специально написанной по этому поводу частушке этого очень скромного человека.

В начале октября он погибнет как герой, когда его, раненного, сражавшегося на батарее до последнего, схватят гитлеровцы и подвергнут чудовищным пыткам...

В конце августа был оставлен нашими войсками Таллин, мы оказались в глубоком тылу врага. Нам об этом сообщили в политотделе и предложили остаться

на острове, стать «островным филиалом Театра КБФ». Конечно, это лестное предложение было скорее приказом. И мы стали готовить новые программы. Но нашу работу осложняла острая нехватка бензина для нашей автомашины: он был в первую очередь необходим самолетам, торпедным катерам и другой боевой технике.

Однако выход нашли: нам выдали велосипеды на всю бригаду, а для перевозки костюмов и инструментов выделили лошадь и двухколесный шарабан. Все мы очень быстро приспособились к новому транспорту. Выглядело это живописно: катит на велосипеде краснофлотец, за спиной ленты вьются, винтовка торчит, через плечо — противогаз... Мне вспомнились стихи, которые я написал еще в декабре 1939 года.

Кто там скачет по дороге
На ретивом на коне?
Будто ленты бескозырки
Померещились мне?..
Видю я при лунном свете —
На коне сидит матрос.
«Эй, матрос, какой же ветер
На коня тебя занес?..»

Так что по поводу наших «железных коней» смеху было много. Не смогла сладить с велосипедом лишь Валентина Телегина. Пришлось ее возить в шарабане, где она гордо возвышалась над чемоданами и ящиками с реквизитом...

А положение на фронте все усложнялось. Немецко-фашистское командование торопилось с захватом Моонзунда, который позволял советскому флоту, находившемуся в районе островов, постоянно атаковать морские линии снабжения и правый фланг гитлеровской армии. Шли тяжелые бои за остров Муху. Враг рвался к Сааремаа. На остров высадился вражеский десант. Нашу концертную деятельность пришлось прервать. Я решил, что лучше всего прикрепиться к какой-то части, чтобы

не чувствовать себя «бесхозными». Наилучшие отношения сложились у нас с дивизионом торпедных катеров, который базировался на полуострове Церель. Командовал им капитан 3-го ранга Александр Николаевич Богданов. Я знал его как большого любителя джазовой музыки и почитателя Леонида Утесова. Богданов согласился на нашу просьбу. И с этого времени началась настоящая военная служба артистов бригады: мы охраняли склады топлива и боезапаса, помогали на хозяйственных работах, а женщины трудились на камбузе. На мою долю достались обязанности почтальона — на велосипеде гонял в штаб с донесениями, привозил оттуда сводки Совинформбюро, «с оказией» и почту.

Особенно сдружился в это время со старшим лейтенантом Сергеем Александровичем Осиповым, командиром катера. Этот смуглый, энергичный человек воевал еще в Испании.

— Так я тебе скажу,— говорил он мне,— что если в Испании Гитлер меня не взял, так уж здесь, на родной земле и воде... — далее следовало образное высказывание.

Как-то в наш маленький домик (бывшая сторожка), выделенный бригаде под жилье, вбежал рассыльный и сообщил, что меня вызывает комдив.

— Наши сегодня потопили крейсер и два миноносца, а вчера транспорт! — сказал Богданов, едва я успел переступить порог его береговой «каюты».

В тот же миг появился и сияющий Осипов.

— Артистам от катерников подарок! — крикнул он. — Дарю вам потопленный миноносец. Но с условием: вы нам взамен песню! Товарищ командир,— обратился он уже к Богданову. — Можно концерт?

— Час на подготовку хватит? — спросил у меня комдив. — И уточни с Осиповым, кто там отличился!

Ровно через час, прямо на пирсе, у которого были ошвартованы торпедные катера, мы дали концерт.

Шьет и строит очень чисто
Боцман Маликов в боях.
Мирно спят на дне фашисты
В им прошитых транспортах!

Торпедный катер проскочил сквозь плотный заградительный огонь, подошел к противнику на пистолетный выстрел (ближе, чем на сто метров) и выпустил торпеду. А боцман Маликов прострочил борт судна, «прошелся» очередью из крупнокалиберного пулемета ДШК по его надстройкам и пушкам.

Прошло несколько дней. Бои за остров становились все ожесточеннее. Меня вызвал комдив Богданов и сказал:

— Вы и еще два-три человека остаетесь у нас. Остальных — в отряд морской пехоты.

Я медлил с ответом. Наконец назвал Ладыгина и руководителя струнного оркестра Зикеева.

Остальные члены нашей бригады уже через полчаса погрузились на автомашины и уехали на передний край, очень близкий.

Нас осталось четверо с Валентиной Телегиной (Вера Богданова несколькими днями ранее улетела с ранеными на гидросамолете в Ленинград).

В ночь на 1 октября мне не спалось. Вышел на крыльцо нашего домика покурить. Ночь была лунная, и я увидел на пирсе оживление, несмотря на ночную пору. Пошел поближе, и вдруг навстречу бежит Осипов.

— Чего ждете! Быстрее на катер! Вопросы потом!

Добежав до нашего домика, разбудил товарищей. Мы стремительно собрались и побежали к пирсу. На каждом катере, в торпедных желобах, вплотную друг к другу жалось по полсотни краснофлотцев — защитников острова.

— Куда? — спросил нас грозно вахтенный краснофлотец, когда мы подошли к катеру старшего лейтенанта Осипова.

Но стоило нам назвать его фамилию — нас пропустили. Однако найти место, чтобы даже поставить ногу, было нелегко. Но моряки остались моряками даже в такой обстановке: Валентину подхватили на руки, передали вперед, подвинулись, и она оказалась в торпедном желобе... Я оглянулся — куда-то исчез Сергей Зикеев. Удивляться было некогда — мы с Ладыгиним, пробираясь буквально по головам и плечам сидящих, достигли кормового среза и уселись на него, а потом, для устойчивости, взяли друг друга под руки. Ноги деть было некуда, пришлось их просто свесить в воду. И вот, наконец, скрылась за тучами луна — в полной темноте катера отправились в путь, на Хийумаа, к нашим.

Торпедный катер шел полным ходом, волна заливала торпедный желоб с сидевшими там людьми. Каждую секунду нас окатывало волной, холодной и соленой. Однако, притерпевшись, мы стали даже подремывать. Очнулся от сильной качки: оказалось, катер стоит в открытом море. Ждали рассвета, чтобы точно выйти на мыс Тахкуна, а горючего осталось всего на полчаса.

Наконец рассвело, катера дали ход. Вскоре кто-то крикнул, что видна земля, и все мы приподнялись в своих желобах и увидели: вот он, остров! Показался вражеский самолет — он дал по катерам очередь из своих пулеметов, катера ответили плотным огнем ДШК. Мы попрыгали в воду: здесь было мелко, по грудь. Однако дело происходило уже в октябре, на Балтике. Побрели к берегу, держа оружие над головами. Метрах в тридцати от берега увидели — появился красноармеец и направил в нашу сторону винтовку.

— Цифру давай! — крикнул нам.

— Два! — попытался отгадать пароль Ладыгин.

— Не годится, давай другую!

Кто-то из морской пехоты сказал — и угадал. Тогда боец пошел нам навстречу прямо в воду и вывел всех на сушу. Оказалось, рядом располагалась зенитная ба-

таря. Бойцы приняли нас по-братски... Мы сняли с себя все мокрое, разделись донага. На нас набросили серые армейские шинели и усадили у костров, предварительно выдав, как объяснил армейский сержант, по кружке спирта «для внутреннего сугреву».

Под утро нам дали автомашину, которая доставила меня, Ладыгина и Телегину в Кярдла — здесь мы встретились с бригадой Саввы Раппопорта. И еще — к нашей радости — с Иваном Максимовым и Сергеем Зикеевым, которые, как оказалось, тоже ушли с Эзеля на торпедном катере. Так, благодаря старшему лейтенанту Осипову, впоследствии Герою Советского Союза, мы переправились на Хийумаа... Потом мне приходилось его встречать, но все накоротке. Наша «настоящая» встреча произошла 28 мая 1943 года, на Островной военноморской базе Лавенсари. И после концерта, который мы давали катерникам прямо на пирсе, мы ушли с ним вдвоем в ближний лесок, присели там на молодой травке и вспоминали остров Сааремаа, 1941 год...

КМ — КАТЕР МОРСКОЙ, ИЛИ «КАЭМКА»

...«Дуглас», на котором женщинам из нашей бригады и Фогельсону удалось улететь с Хийумаа (Даго), скрылся с глаз, а мы с Николаем Ткачом все еще стояли у кромки летного поля.

— Что станем делать? — спросил у меня Николай.

— Воевать. Нам же дали направление к старшине 1-й статьи Скуратову. Вот и пошли на Тахкуну...

Взглянув на него, понял, что он сейчас мыслями далеко отсюда, на том самом «дугласе», шум моторов которого еще был слышен.

— А как же наши? — спросил он у меня, имея в виду товарищей, оставшихся на острове.

— Утром обратятся в штаб, а мы тоже сообщим, куда подевались, — ответил я, но на душе было нехорошо, хотя убеждал себя и Николая, что нам дан приказ, выполнить который мы обязаны.

Розмыслов Виктор Алексеевич в 1932 году закончил музыкальный техникум и поступил в Ленинградскую консерваторию, в класс композиции. В 1933 году был призван в ряды Красной Армии и направлен в Красноармейский театр Особой Дальневосточной Краснознаменной армии. С 1937 года — в ГОМЭЦе (Государственное объединение музыки, эстрады и цирка). 23 июня 1941 года призван на Краснознаменный Балтийский флот и направлен в Театр КБФ.

Участник Великой Отечественной войны.

Награжден орденом «Знак Почета», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

С 1946 года — в Ленгосэстраде, с 1948 года — педагог и художественный руководитель оркестра баянистов Дома пионеров и школьников Фрунзенского района Ленинграда.

Отличник народного образования СССР.

«Каэмка» едва угадывалась у причала; когда мы подошли поближе, то увидели, что катер швыряет из стороны в сторону и сходя угрожаяще дергается в такт качке.

— Ну что? — сердито взглянул на меня Ткач. — А ты еще баян с собой прихватил!.. Бросил бы его там, на аэродроме, я ж тебе говорил!

Я понимал его состояние: Николаю было не по себе при одной только мысли, что придется спускаться на палубу катера по этим тоненьким дощечкам. Да и сам я не испытывал желания «искупаться». «Как бы винтовку не утопить ко всему!» — подумалось. Но раньше чем мы отважились на такой переход, с катера нас заметили.

— Кто такие и что надо? — услышали громкий голос. Мы объяснили.

— Команда отдыхает в землянке, там и командир наш. Так что по тропиночке направо, не промахнетесь! — прокричал под вой и свист ветра вахтенный краснофлотец. К счастью, выглянула луна, и мы успели разглядеть тропинку и землянку, до которой было не более тридцати метров. Через несколько секунд Николай, который шел впереди, отворил массивную дубовую дверь, и в глаза ударил яркий свет.

— Кто там? — поднялся из-за стола старшина 1-й статьи. — А, артисты прибыли, — оживился он, заметив мой баян. — Всем подъем, сейчас концерт будет. И быстренько, стол в сторону!

Не успели мы и рта раскрыть, как стол вместе со стоявшим на нем фонарем «летучая мышь» был задвинут в угол.

— Никак нет! — крикнул я из-за спины Ткача. — Концерта не будет! — И запоздало отрапортовал: — Старшины 1-й статьи Розмыслов и Ткач прибыли в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы!

— А реквизит зачем? — засмеялся плотный высокий краснофлотец, похожий на цыгана, кивнув на баян и чемодан. (Как потом мы узнали, краснофлотца Анатолия Антокольского так и прозвали Цыганом.)

— Флотское имущество, не бросать же,— пояснил Ткач.

— Ну, хорошо,— откликнулся Скуратов.— Пока располагайтесь.— Он показал на две койки.— Постель там есть. Рундук рядом. В кубрике не курят. Устраивайтесь, сейчас будем пить чай, вон чайник на буржуйке аж прыгает...

После чая Скуратов стал выяснять, на что мы можем быть пригодны в морском деле. Вышло, что Ткач, который до войны владел мотоциклом, сможет быстро овладеть профессией моториста. За мной таких умений не числилось, и меня определили во вторые номера к пулемету ДШК, то есть подавать коробки с патронами.

Так я попал к Анатолию Антокольскому, а Коля — к командиру отделения мотористов старшему краснофлотцу Владимиру Рыбаченко. Разместили нас на катере в носовом кубрике, на рундуках.

— Здесь, в землянке, мы ночуем, только когда катер у пирса,— объяснил Скуратов.— Вахту несут все по очереди.

И началась наша моряцкая служба.

Штормило Балтику в октябре непрерывно. Белопенные валы накатывались на небольшой, тонн десять водоизмещением, катер. Вода настигала нас всюду на палубе. Но при любой погоде в боевом походе мы находились в состоянии полной боевой готовности: на верхнем мостике наблюдал небо и море сигнальщик, мы с Цыганом по очереди дежурили у пулемета ДШК.

Нашей задачей было охранять остров от фашистских катеров, подводных лодок. Однажды в дозоре нас атаковали три «юнкерса». Анатолий Антокольский бил по

ним короткими очередями, я успел в коротком этом бою сменить на пулемете две коробки с патронами. И при этом крутил штурвал на пулеметной тумбе: «юнкерс» заходил с разных высот. Но близко сунуться к нашей «каэмке» не рискнул: ни одна из сброшенных им бомб не причинила нам вреда. Правда, пулеметные атаки врага достигли цели. И хотя убитых или раненых у нас не было, в корпусе катера дырок было без счета. Снарядами разнесло рубку. Вода хлынула в пробоины, катер начал тонуть. Но командир наш не растерялся — отдал команду забивать пробоины «чопами» — такими небольшими круглыми деревянными конусами, так что гибель катеру не грозила. Однако воды он поднабрал порядком, и от этого на подходе к острову, там, где обычно он свободно проходил, вдруг раздался удар... И сразу «каэмка» потеряла управление.

Скуратов вспомнил маму и всех предков до седьмого колена, а заодно и перо руля, которое, как оказалось, мы потеряли. Оно почему-то представилось мне похожим на страусиное. Подойти к пирсу нам помогла другая «каэмка», но тут встал вопрос: что делать дальше?

Наш Цыган сбегал куда-то на берег и притащил кусок листовой стали. Оставалось приподнять корму катера и приварить этот лист к баллеру — штырю, выходящему под корму.

Мне вспомнилось, что в одном фильме, чтобы поднять корму, моряки перетаскивали груз из кормовых помещений в носовые. Поделился с ребятами.

— Вот бы и нам сделать то же!

Но командир возразил, что такой груз — голова на плечах — должен быть прежде всего у того, кто делает подобное предложение: что переносить будем?

— Командир, — поддержал меня неожиданно Коля Ткач. — А если камни взять на берегу?..

Таким путем корму подняли. Антокольский вместе

с Рыбаченко еще раз сбегал на берег, и вместе они приволокли карбид-аппарат и горелку.

— Ну а варить кто будет? — оглядел нас Скуратов. Все потупили головы.

— Может, попробую? — произнес я несмело. — Когда-то приходилось помогать батее...

Через два часа наша «каэмка» вышла в море — мы вывозили очередную партию раненых на Осмуссаар. Штормило. Катер сильно качало. Раненые стонали от боли, от ударов штормовой волны. Шли медленно. И вдруг впередсмотрящий — краснофлотец Семен Максимов — услышал шум моторов катеров противника, а потом мы увидели, что идут они наперерез нам.

— *Wer ist da?*¹ — услышали мы вопрос, донесенный ветром.

Я схватил мегафон и выкрикнул памятное со школы:

— *Gehe zum Teufel!*²

Катера прошли мимо. Наверное, в пелене дождя фашисты приняли нас за своих.

Шхуна, на которую мы должны были подвозить население острова, раненых, называлась «Мария». Это парусно-моторное судно, с двумя мачтами и торчавшей между ними тонкой и длинной трубой, построено, видно, еще при «царе-Косаре», как выразился Скуратов.

— Корабль к походу изготовить! — приказал он нам. — Да смотрите, чтобы детишки на качке за борт не посыпались. Но пуще — при погрузке осторожно: у шхуны борта высокие!

В первый раз приняли мы двадцать пять человек — все больше раненых. И нескольких женщин с детьми. Едва отошли от причала, волны начали швырять «каэмку». Народ жался к корме, где меньше качало.

¹ Кто здесь? (Нем.)

² Идите к черту! (Нем.)

Когда подошли к шхуне, увидел, что наш катер ей, как говорится, по пояс. На борту шхуны навешаны старые автомобильные покрышки, как на портовом буксире, сверху свисали два штормтрапа. Ошвартовались. И тут началось: катер качается, детишки наверх рвутся, а женщины их не пускают — боятся... Скуратов быстро навел порядок: погрузили их. А с ранеными пришлось труднее: с «Марии» подали трос, и мы по одному обвязывали их вокруг пояса этим тросом. Для тяжело раненых к нам на палубу со шхуны сбросили сплетенную из веревок сетку, потом развернули от мачты грузовую стрелу. Так их всех, как выразился Скуратов, «повирали», то есть подняли на шхуну. А мы ушли за новой партней.

До вечерних сумерек наша «каэмка» сделала более десятка рейсов. Сильно качало, шел холодный дождь со снегом, но нашей команде удалось выполнить приказ — закончить погрузку засветло.

Промокли до нитки. И катер побили основательно — автопокрышки не всегда спасали при ударах о борт.. Усталые, вернулись в родную землянку, где оставался за дневального Коля Ткач. На пышущей жаром буржуйке был готов ужин...

— Антокольский, как с боезапасом? — спросил Скуратов, когда мы поели и отдохнули.

— Хорошо, командир. А вообще, не мешало бы пару лент еще набить патронами.

Из нашего «склада боезапасов» — небольшой земляночки, располагавшейся в двух шагах от нашего жилья, мы с Цыганом притащили оцинкованные ящики с патронами к ДШК. Потом сходили на катер и оттуда принесли пулеметные ленты и магазинные коробки.

— А что, моряки, управимся, если Розмыслов сыграет на баяне?

Ребята ответили, что вполне, и попросили исполнить что-нибудь довоенное...

Я достал баян... Глухой удар раздался где-то вдалеке.

— Вальс «На сопках Маньчжурии»... — объявил бойцам, и полилась музыка.

Вдруг полыхнул огонь в «летучей мыши», настезь открылась дверь и в землянку ворвался Ткач.

— Горизонт горит! — крикнул он и выскочил обратно, побежал на свой пост, к катеру.

Следом выбежал Скуратов. Но тут же вернулся в землянку.

— Боевая тревога, всем на катер! — приказал нам, набросил на плечи капковый бушлат и вместе со всеми побежал к «каэмке».

Впечатление и верно было таким, что горит горизонт. Зарево полыхало там, где должна была стоять шхуна «Мария». Катер на полном ходу шел туда.

Нам удалось поднять с воды только двоих. Они были без сознания. Искали мы остальных долго, но заметили лишь спасательный круг, на нем было выведено белой краской: «Мария».

Вечером 21 октября 1941 года мы возвращались из очередного дозора на Тахкуну... Уже на подходе к мысу поняли, что дело неладно: на берегу полыхали пожары, раздавались взрывы и стрельба.

— Надо подойти к пирсу, там могут быть наши! — объявил Скуратов, собрав команду.

Но подойти не удалось — фашисты встретили «каэмку» шквалом огня, их пушки стреляли с пирса, с нашего пирса. Оставалось — уходить на Осмуссаар или на Ханко.

— По пирсу — огонь! — приказал командир.

— Витя, готовь еще коробку с патронами! —скомандовал Цыган и, прильнув к ДШК, выпустил на прощание длинную, на всю коробку-магазин, очередь. Тоненькие красные трассы протянулись к пирсу.

А катер развернулся и стал отдаляться от острова.

В море нас обнаружили катера противника, мы вступили с ними в бой. Антокольский отстреливался из крупнокалиберного пулемета, остальные — из винтовок. Враг бил по «каземке» из пушек, снаряды разрывались у самого борта, и от каждого такого разрыва катер вздрагивал, как живое существо вздрагивает от внезапной боли... Начался пожар, снарядом вывело из строя радиостанцию, был поврежден двигатель.

Очевидно, враг решил, что участь наша решена, и ушел. Но мы так не считали — Рыбаченко, Ткач и еще кто-то из ребят бросились к поврежденному мотору. А остальные заделывали пробойны (от взрывов вылетели почти все чопы, которые мы поставили после боя с «юнкерсами»). Катер медленно наполнялся водой. Но нам удалось устранить повреждения в корпусе, а потом откачать воду и потушить пожар.

Ночь подходила к концу, штормовой ветер крепчал, усиливалась и штормовая волна, а двигатель починить не удавалось... Он заработал только к рассвету.

— Мы отстояли свой корабль, мы бились с врагом до конца, и всем посчастливилось выйти из этого боя живыми. Мы должны пробиться! — Скуратов говорил серьезно, без шуток, и это было непривычно, но говорил он то самое главное, о чем думал каждый из нас.

В КАЧЕСТВЕ ВОЕННОГО АРТИСТА...

Жарким июльским днем сорок первого мы выезжали фронтовой бригадой в Таллин. Бригадиром у нас был Василий Тихонович Кузнецов, секретарь партийной организации театра, человек, которого уважали все. Исполняя скромную работу завхоза, обладал Василий Тихонович вонистину талантом комиссара. Должности хударука в бригаде не было, но в связи с обстоятельствами, после отъезда из Ленинграда, руководство театра возложило эти обязанности на меня.

И вот — Таллин, нас с Кузнецовым принимает батальонный комиссар Константин Николаевич Бусыгин.

— Пойдете на Ханко. Всей бригадой, — и потом объяснил, что в Купеческой гавани стоит и только нас и дожидается старенький пароходик, носящий имя одного из островов — «Муху». И что надо идти быстрее, потому как кроме артистов пароход доставляет на Ханко дойное стадо из восьмидесяти коров.

Дмитриев Иван Петрович в 1937 году закончил Ленинградский техникум сценических искусств, работал в Ленинградском театре комедии. В 1939 году был призван на Краснознаменный Балтийский флот, служил в Театре КБФ. Прошел путь от краснофлотца до капитана 3-го ранга.

Участник советско-финляндского вооруженного конфликта и Великой Отечественной войны. Член КПСС.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

С 1948 года — артист Ленинградского драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской, с 1972 года — Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина.

Народный артист СССР.

— Ладно, как завхоз, беру стадо на себя,— засмеялся Кузнецов.

Мне показалось, он хотел о чем-то спросить Бусыгина, но не спросил. О чем — я понял, когда мы прибыли уже на Ханко. В первый же день он подал рапорт с просьбой зачислить его в морскую пехоту, в знаменитый отряд капитана Бориса Гранина. Просьбу его удовлетворили...

Но это случилось позднее. А пока «Муху» пробирался через Финский залив. Мерно стучала его паровая машина: «полный вперед» — всего узлов шесть, не более. Дым свечой уходил в небо. Медленно уползала вдаль неровная линия берега, все тоньше становились шпили Таллина, в бугорок превращался Вышгород.

На душе было тревожно. Вспоминались выступления на Сааремаа и Хийумаа, которые бригада начала 23 июля. Поездки по ровным и спокойным тогда еще дорогам островов Моонзунда. И думалось о том, как же станут нас принимать на Ханко, уже пылавшем в огне боев, как воспримут наши концерты с еще довоенным репертуаром? А он нужен сегодняшней! Ведь появился во время событий на Халхин-Голе новый вариант песни, которую пел Леонид Утесов: «Майор убит, с майором вместе еще убитых тыща двести. А в остальном, любимый мой микадо, все хорошо, все хорошо!..» Та же музыка, слова новые. Вот ведь и в период советско-финляндского вооруженного конфликта режиссер нашего театра Фогельсон написал большую поэму «Балтийцы» о живых традициях нашего флота.

Давайте, товарищи, глянем с вами
Примерно на двести лет назад,
Чтобы увидеть своими глазами,
Как создавалась крепость Кронштадт.
Как пролетело быстро время
Среди исторических, славных боев,
Как выросло могучее племя
Грозных балтийцев — лихих моряков.

Я сидел на лючине носового трюма рядом с Кузнецовым, смотрел в синее небо и удивлялся: стихи не забылись, оказывается. Они всплывали в памяти строфа за строфой — вся поэма!

— Мечтаете, начальство? — густой бас вернул меня к действительности. — А пароход-то стоит, воду из котла упустили!..

Мичман Аркадий Трусов, в прошлом котельный машинист на линейном корабле «Октябрьская революция», высказался и далее... В духе Помпея Ефимовича Карасева, столь образно описанного Леонидом Соболевым в рассказе «Индивидуальный подход», он дал характеристику и кочегару. Тот только часто мигал глазами.

— Помпа засорилась, — с сильным акцентом посетовал эстонец. — Хорошо, что котел не сгорел!

— Хорошо, пойдем и наладим, — сказал Трусов, которого все мы уважительно звали Батей.

Но едва он ушел с кочегаром, как раздалась сирена. Отчего-то снизу, и я понял: это же коровы мычат! Тут прибежала судовая повариха и начала объяснять, что коров надо доить.

— А кто-нибудь умеет? — спросил я Кузнецова и повариху.

— У вас есть две женщины, им сам бог велел. Я бы и сама пошла, да обед варить надо. А бидон и ведро я вам дам... — сказала на ломаном русском эстонка.

Коровы мычали все громче, делать было нечего: Василий Тихонович собрал всю бригаду и поставил задачу. К нашему удивлению, Зоя Александрова вдруг объявила, что коров доить умеет и готова обучить каждого желающего этому делу. Вскоре большая часть выданной нам «тары» была наполнена теплым, пенящимся молоком, которое все с удовольствием пили.

— Чтобы побыстрее освободить посуду, — объяснил Аркадий Ващенко, считавшийся в театре мужчиной

энергичным и напористым: обливался холодной водой круглый год, занимался спортом, вовсе не пил спиртного, не курил и всегда добивался поставленной цели.

Конечно, его тут же поддержала Вера Рихтер, его жена и актриса, вместе с которой Аркадий читал «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, найденные в газете «Красный Балтийский флот» «Советы и наставления боцмана Мефодия Рындабулина фашистским морякам»...

— Идя на войну с Советским Союзом, не забудь захватить лишнюю смену белья! — начинала «Наставления» Вера.

— Когда краснофлотцы идут в штыки, умей вовремя поднять руки! — продолжал Аркадий.

— Помни, что кроме флагов расцвечивания на твоём корабле имеется еще и белый флаг, — напоминала Вера.

— Заметив перископ советской подводной лодки, немедленно пересаживайся в шлюпки! — приказывал Ващенко.

— Идя в десант, успеешь написать прощальное письмо! — мягко советовала Вера.

— Если хочешь закончить свой век в кругу родных, избегай походов на Балтику! — заканчивал сурово Ващенко.

Умелыми руками Трусова и помогавшего ему актера Володи Каменского проклятая помпа была разобрана, отремонтирована и собрана. Как он потом говорил, много времени ушло на ремонт «незнакомой системы». Короче говоря, мы успели отужинать, попить вечернее молоко, выспаться, позавтракать, покормить коров и еще два раза подоить их, пока в синее небо улетела первая «шапка» дыма. Мы смотрели на нее, но более — на вражеские самолеты, которые по этой «шапке» бы-

стро нашли пароход и, облетев, решили, что этот «ровесник века» для них неинтересен...

С той же «парадной» скоростью «Муху» продвигался вперед, и наконец мы увидели берег Ханко, вместе с которым все громче и нетерпимее к нам приближался и врвался в уши гул моторов, грохот разрывов снарядов и бомб. Впереди, казалось, все горело, все было пропитано запахом дыма и гари.

«Муху» сумел подойти к пирсу только после того, как закончились артобстрел и налет фашистских самолетов. Прямо в гавани, в десятке метров от пирса, на краю дороги, догорали останки двух самолетов со свастикой. Рядом же валялись убитая лошадь и разбитая повозка... Мы торопились выгрузиться под прикрытием дыма пожара. Перенесли на берег чемоданы и ящики с костюмами, инструментами и оружием, бидоны и ведра, в которых плескалось молоко... Из трюмов «Муху» судовыми стрелами поднимали коров, ставили их на пирс, и животные начинали метаться в испуге.

Такой встречала нас земля Ханко... И день 30 июля 1941 года я запомнил навсегда: это был день моего двадцатилетия и — прощания с молодостью.

Дом флота на Ханко стоял как утес — толстые каменные стены с заложенными кирпичом окнами, казалось, «брали на себя» снаряды и бомбы, создавалось впечатление, что дом даже не сотрясается.

Здесь нас встретил военком, бригадный комиссар А. Л. Раскин, крупный мужчина сорока пяти лет. Потом мы услышали легенды о его бесстрашии. Он всегда, на любом участке, так и хочется сказать «фронта», а точнее, боя появлялся чисто выбритым, с сияющей удивительной белизной полоской подворотничка на кителе. Тогда, как известно, погон еще не было, как не было и единых званий для командиров и политработников. Зна-

ки различия политработники всех рангов носили на рукавах кителя и шинели. Раскин шинели не признавал, ходил в краснофлотском бушлате. Но и здесь на рукавах его были нашиты широкая и средняя полосы на красном фоне, с красной звездой, обрамленной золотым ободком.

— Товарищ бригадный комиссар, нашивки бы срезали. Снайперы за политработниками специально охотятся! — предупреждали его бойцы, но он только отмахивался.

Комиссара любили; с ним можно было поговорить на любую тему: о доме, о том, что давно не приходила почта с Большой земли, и даже посоветоваться по семейным делам...

Но хорошо узнать его нам еще только предстояло. А пока перед нами стоял бригадный комиссар Раскин, в распоряжение которого прибыла наша артистическая бригада.

— Обождем немного, сейчас командир придет, — посмотрел он на часы. — Через три минуты.

Подумалось, что «три минуты» — это так, для определения понятия «скоро». Но генерал-лейтенант С. И. Кабанов действительно вошел в зал точно через три минуты. И не один я понял тогда, что порядок и дисциплина на Ханко начинается с его командиров. Так же, как и беззаветная храбрость, презрение к опасности и к самой смерти...

Кузнецов представил начальству меня, а я — членов бригады: мячмана Трусова, старшину 1-й статьи Аркадия Ващенко, драматического артиста старшего краснофлотца Владимира Каменского — постоянного партнера Бати и его антипода: насколько солиден был Трусов, высок ростом и басовит, настолько мал и тощ Каменский...

Перед самой войной из музыкальной школы-десятилетки при Ленинградской консерватории в Театр КБФ

было отобрано полсотни самых одаренных учеников. Называли их «вундеркиндами», и совершенно справедливо, надо сказать. В нашей бригаде из них работало четверо: виолончелист Владимир Седов, альтист Семен Гольдберг, скрипач Виктор Широков и второй скрипач Ефим Брагарник.

— Значит, так и будем звать: «Квартет вундеркиндов», — улыбнулся Раскин, когда представили ему четырех юнг.

— Сафронов Василий, баян, — продолжал я представлять членов нашей бригады. — Труба — Петр Князев... Ведущий программу — Николай Гаврилов. Все трое по воинским званиям старшие краснофлотцы. Гаврилов — еще и наш Чарли Чаплин.

— А котелок у вашего Чарли есть и тросточка? — серьезно поинтересовался Раскин.

Оказалось, что этих важных для создания образа атрибутов нет. Генерал-лейтенант Кабанов тут же заметил, что надо будет сказать об этом капитану Гранину, и все будет. Ну а по поводу ботинок волноваться не стоит, с этим справятся интенданты — сорок восьмой размер обуви у них найдется.

Затем я представил наших актрис — Зою Александрову и Веру Рихтер...

— С них надо было начать... — с укоризной посмотрел на меня Раскин. — Ну а теперь надо бы посмотреть программу. Чтобы иметь о ней понятие. И во-вторых, чтобы помочь: у нас есть газеты, флотская и своя. И поэты свои. Красноармеец Дудин, к примеру. Очень хорошие стихи пишет. И еще есть таланты... Начали!

Николай Гаврилов объявил:

— Ялунер. «У самого синего моря», скетч, — поклонился и показал мне и Зое Александровой выходить.

Сюжет скетча был несложен: мой герой плавает коком на теплоходе. В одном из портов он сходит на берег и знакомится с молодой интересной девушкой.

Представляется штурманом и вторым помощником капитана... Возникает ситуация, когда девушка подробно расспрашивает его об этой профессии, а он не может ответить, но ловко пытается выйти из положения. Все раскрывается вечером, когда оба приходят в порт и выясняется, что она не просто провожает нового знакомого на судно, но сама направляется на него... капитаном.

Номер был одобрен.

— Аркадий Трусов и Владимир Каменский. Частушки «Шел на бой один вояка». Стихи Николая Брауна, музыка народная! — объявил «Чарли Чаплин», по-чаплински «шаркнув ножкой», поклонился, поправил усики — свои, между прочим.

На сцену выпрыгнули «антиподы», а в уголке, у кулисы, устроился Василий Васильевич, растянул, с перебором, мехи...

Шел на бой один вояка,
Старый, стреляный бандит.
Шел вояка-раскоряка,
У вояки бравый вид...
Шел и врал что было духа.
Шел и хвастал: «Я — герой!»
Ой, жила-была лягуха,
Захотела стать горой.
Дулась, дулась, надувалась,
Поднадулась, лопнула.
Только лужица осталась,
Только громко хлопнула!

И затем оба мастерски отбили чечетку, чем вызвали полный восторг командования Ханко.

Выступили все. Программа, как принято говорить, была в основном одобрена.

Первый концерт из двух отделений бригада давала через час после просмотра. Слушателями нашими были

комендоры с береговой батареи — командир их сказал, что выступать мы могли бы и в каземате. Но день выдался на диво тихий, и моряки уговорили своего командира расположиться на свежем воздухе... Однако, едва Вера Рихтер с Аркадием Ващенко прочли кусочек из «Севастополя в мае» Л. Толстого, по соседству гулко рванул снаряд.

Краснофлотцы даже не шевельнулись, но у наших «вундеркиндов», которые подыгрывали Вере и Аркадию, чуть не вывалились из рук смычки. Да и остальные артисты втянули головы в плечи. Кроме, впрочем, Бати. Военком батареи, пряча улыбку, чтобы не смущать нас (понимал: первый раз люди под обстрелом), вышел «на сцену» и дал команду всем спуститься вниз. И тут же объяснил нам, что сооружение это вполне подходит для концерта своими размерами и проверено не раз: тут бойцы кино смотрят...

Уже внизу, когда все расселись, при неярком свете электрических ламп я читал «Давайте, товарищи, глянем с вами примерно на двести лет назад...». Так на батарее прозвучали стихи о славном прошлом нашего флота. Увидев слезы на глазах наших слушателей — «стальных», как я представлял себе, людей, не боящихся ни черта, ни дьявола, ни фашистов, понял, что мы верно почувствовали их настроение. Уже после меня вышел «вне плана» Батя — Василий Васильевич — и растянул мехи баяна...

Закурим матросские трубки
И выйдем из тесных кают.
Пусть волны доходят до рубки,
Но с ног они нас не собьют.
На этой дубовой скорлупке
Железные люди плывут.
Уходит от берега «Ястреб морской»,
Нам девушка машет рукой...

Припев подхватили краснофлотцы и старшины, сам командир и военком: это была песня о них самих...

Уже позднее я стал понимать, что люди на наших концертах плакали не от сентиментальности, а от боли воспоминаний, от мелодий, проникавших в те глубины души, которые были «закрыты на замок» в то время, когда вокруг них клокотали жизнь и смерть.

В последние дни августа мы узнали, что оставлен Таллин. Узнали и о том, что не все корабли дошли до Кронштадта. Понимали, что среди погибших были и наши товарищи, наши родные. Моя жена, возможно, о которой я ничего не знал. Это вызвало в нашей бригаде единодушное желание попасть на передовую: до песен ли, до скетчей ли теперь? Стрелять надо, стрелять!..

Но как это сделать, если тебе приказывают: сегодня пять выступлений, завтра — семь? О чем говорить бойцам?

Все на Ханко знали, что в годы Крымской войны один из героев Севастопольской обороны матрос Кошка утащил из-под носа неприятеля пушку. Рассказ об этом читали Вера Рихтер и Аркадий Ващенко, и принимался он всегда на ура.

И вдруг выясняется: ханковцы у врага тоже, оказывается, уволокли орудие! Да еще вместе с трактором-тягачом... Но какая скромность была у этих героев! Узнали мы об этом только из номера «Красного Балтийского флота» за 24 августа — в нем были напечатаны стихи краснофлотца Скрылева:

Шел с пехотою морскою
Клотик Гитлера громить.
Вдруг наводкою прямою
Вражья пушка стала бить.
Митя прямо к командиру:
— Разрешите, я их сам
Всех отправлю на квартиру —
В жаркий ад ко всем чертям!

Далее в стихах рассказывалось, как подполз Митя Клотик к пушке, бросил гранаты, уничтожив расчет...

Митя — к пушке. Видит: трактор
Под березкою стоит.

Сел, завел и молвит: «Так-то
Дело живо закипит!..»

На пригорок, к части, вагом
Клотик пушку пригасил.
За смекалку и отвагу
Благодарность заслужил.

Оказалось, что за вымышленным героем «Митей Клотиком» стоит реальный краснофлотец из отряда капитана Бориса Гранина — подразделения храбрецов, которые отнимали у врага остров за островом, расширяя «территорию военно-морской базы».

Но все попытки установить фамилию героя были тщетны: выяснилось, что таких случаев было несколько, и не только у гранинцев. Так что, как объяснил нам комиссар Раскин, «Митя Клотик — образ собирательный...».

Вот тут-то и началось в нашей бригаде: посыпались рапорта. И в каждом сказано коротко и ясно: «Прошу перевести меня из бригады Театра в КБФ в действующую часть, к капитану Гранину»... Подал такой рапорт и я. Тут же меня вызвал комиссар Раскин.

— Вы даже не понимаете, не представляете себе, какую пользу приносите своим искусством! Артисты нужны нам как воздух, как живительная сила... Улыбка, слеза, вызванные вами, дорого стоят! — Но, заметив мой отсутствующий взгляд, уже сурово произнес: — Старшина 1-й статьи Дмитриев. Вы останетесь здесь и на своем месте в качестве военного артиста. До особого распоряжения. Все.

К моему удивлению, «особое распоряжение» последовало в тот же день. Мне было приказано явиться в штаб обороны Ханко — сюда за мной пришел молодень-

кий командир, лейтенант Александр Попов... И вот мы идем с ним по каменистой тропинке, залитой холодным лунным светом. Стоит такая тишина, что невольно думается о том, что никогда, ни разу здесь не раздавались выстрелы...

Я не знал, зачем меня вызывают. Попов тихо объяснил:

— Понимаешь, эти сволочи по три раза на день ведут свои радиопередачи для нас. «Переходи к нам, рус. Все равно кажут тебе. У нас будешь есть белую булку, сахар и масло... А теперь, рус, слушай музыку...» И дают нам, гады, «Амурские волны». Они что, наверное, думают: мы в панике и сейчас же прибежим. А мы врагу свою силу показать должны! Понял?

Я не очень-то понимал. Но тут Попов дернул меня за рукав и шепнул, чтобы я пригнулся и не воображал, что здесь безопасно.

— Учти, вражеские снайперы простреливают нашу дорожку...

Не успел лейтенант договорить, как рядом просвистела пуля и Попов вдруг стал падать навзничь... Впервые рядом со мной были кровь и смерть...

...Очнулся я в землянке. Как меня сюда втащили, вспомнить не мог. Рядом со мной переговаривались бойцы, для которых, по-видимому, эта смерть была привычной, как и другие смерти на войне. И мне на мои переживания, конечно, никто не отпускал времени.

Понял, что артисту, военному артисту, надо не только уметь стрелять, бросать гранату, подрывать мосты, драться и водить машину — надо обладать еще силой духа вдвойне. Надо не только превозмочь свою боль, но утешить другого. Надо уметь вдохнуть силу в другого. И еще понял, что значит: «Родина в опасности», — это в опасности само существование и жизнь каждого из нас, нашей семьи. Того неповторимо малого

и неизмеримо большого, что для каждого человека определяется и зовется одним словом: счастье.

В землянке, в которую меня втащили, было темно. Копилка из вставленного в снарядную гильзу фитиля еле светила: копоти было больше, чем света. И тут я услышал шепот:

— Зачем этот жмурик пришел?

— Артист какой-то. Погоди, сейчас командиру доложу.

— Все равно жмурик... Шатаются тут всякие...

От разговора такого стало не по себе. Ответить им по-флотски, что ли? Особенно тому, что назвал меня жмуриком, покойником то есть. Я зашевелился. И сразу услышал радостное:

— Жив, что ли? На, держи кружку!

Пришлось выпить. Как оказалось, чистый спирт, к нему я не привык. Едва отдышался. Подошел старший лейтенант, представился. Это был командир взвода разведчиков, а бойцы — его подчиненные.

— Давно мы тут артистов ждем,— сказал он.— Радиопередающее устройство у нас уже вторую неделю... Да что там, слышал, что бойцы говорили?

Я кивнул головой, и старший лейтенант объяснил, что наша задача сделать так, чтобы противник понял: мы не сомневаемся в окончательной победе, как бы ни было нам трудно. Наша воля и вера поддерживают и силы, и дух моряков и армейских товарищей, и, хотя до Родины, до Ленинграда четыре сотни километров, а кругом враг, мы — с нашей страной, с нашим народом, который не бросит своих сынов. И никого, даже самого последнего салажонка, у нас не надо агитировать за Советскую власть. Каждый — сам агитатор!

Здесь следует сделать небольшое отступление. Надо заметить, на Ханко бригада наша пополнилась. Началось с того, что комиссар Раскин как-то сказал, что думает забрать с торпедных катеров краснофлотца

Юрия Шахнова. Он станет служить при Доме флота: отличный пианист!

Потом так случилось, что гранинцы взяли очередной остров и среди трофеев там оказался прекрасный «полный» концертный аккордеон, который ребята принесли в Дом флота. Юра играл на нем, пожалуй, не хуже, чем на рояле. Выяснилось, что Шахнов потихонечку еще и сочиняет музыку. Да и нашему баянисту Василию Васильевичу Сафронову, бывшему в возрасте, приходилось тяжеловато, когда требовалось по-пластунски, с инструментом за плечами, добираться до места выступления по раскисшим от дождей «дорогам» Ханко. Обратились еще раз к генерал-лейтенанту Кабанову и бригадному комиссару Раскину с просьбой откомандировать нам в бригаду Шахнова. Они согласились. Так Юра оказался у нас...

— Надо бы сюда наших ребят вызвать: Шахнова, трубача Князева и Седова с виолончелью,— предложил я старшему лейтенанту, начиная понимать поставленную задачу.

Послали за нашими артистами, а я вышел из землянки, взвалив на спину два громкоговорителя и катушку с полевкой, пополз по тропинке, виляющей среди валунов. В небе предательски светила луна, освещая все вокруг. В голову пришел один из афоризмов Козьмы Пруtkова: «Если у тебя спрошено будет: что полезнее, солнце или месяц? — ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло, а месяц — ночью». Вот бывает же, крутится в голове какая-то песенка, а у меня — афоризм... Медленно, сантиметр за сантиметром, преодолевал путь. Тело, напрягшееся до предела, придавленное «громкоговорящей» техникой, словно потеряло форму.

Полз я, казалось, нескончаемо долго, обдирая в кровь руки и колени, и остановился, лишь услышав в прозрачном ночном воздухе чужую речь. И тогда вновь

обрел возможность думать и соображать. Значит, враг рядом и здесь можно установить громкоговорители, упрятав их под огромные валуны...

Днем был бой — стреляли пушки и пулеметы врага, обрушивая на наш передний край лавину огня. Наши стреляли расчетливее, огрызаясь, заставляя замолкать то одно, то другое орудие противника... Мои ребята уже приползли, мы сидели в землянке разведчиков и из их рассказов знали: точно известна каждая огневая точка врага, да к тому же у самого переднего края устроились наши корректировщики.

Тишина, относительная конечно, наступила к ужину, который нам доставили вместе с обедом. В полдень же мы поели, как шутил сержант-разведчик, «консервы за счет Маннергейма, а эрзац-хлеб за счет самого фюрера».

С темнотой мне пришлось еще раз сползать до громкоговорителей, убедиться, что и они сами и провод целы. А потом... потом в ночной тиши поплыли неповторимые звуки великой музыки Чайковского, его «Сентиментальный вальс», который исполняли Володя Седов, Петр Князев и Юрий Шахнов.

Затем подошла моя очередь, я читал стихи Пушкина. Его стихи о Родине — они словно напоминали о том, что Россия жива, есть и будет жить!

На следующую ночь мы решили повеселить своих и позлить врага. Тем более что принесли почту, а с ней номера газеты «Красный Балтийский флот», в которой мы нашли подходящие стихи. Юра тут же подобрал к ним музыку на манер частушек.

— Слушать всем приказано: «Знайте нашу Балтику!» — объявляю в микрофон.

Юра Шахнов дает вступление и...

— Мы ребята из Кронштадта,
Наше дело флотское!
Угощай врагов, ребята,
Горячими клетками! —

начал я, припев подхватили все — Шахнов, Седов и
Князев:

— Нате-ка, пожалте-ка,
Знайте нашу Балтику!
— Налетел на нас в упор
Неприятельский линкор,
Говорят, что с этих пор
Стал он плавать, как топор! —

И снова хором:

— Нате-ка, пожалте-ка,
Знайте нашу Балтику!
— Мы фашистов всех мастей
Принимаем, как гостей.
Только пусть заранее
Пишут завещание!

Теперь припев пела вся землянка — артисты, развед-
чики, сам командир, выводили на разные голоса:

— Нате-ка, пожалте-ка,
Знайте нашу Балтику!

Последний куплет допеть нам не дали — поднялся
страшнейший шум.

— Проба, проба! — объявил через сорок минут в
микрофон кто-то из разведчиков, когда обстрел прекра-
тился. Радио работало!..

И тогда Юра Шахнов заиграл старую мелодию, ро-
дившуюся еще в двадцатых годах, а я запел на ее мо-
тив:

— Говорят, что Муссолини
Вместе с Гитлером
В Берлине
Разговор про наши земли вел...
Ах, как веревочка ни вьется,
Для тебя петля найдется!

Фюрер-Гитлер,
Виселица шлет тебе привет!..

И снова тарарам, снова получасовая порция артогня. Но всё «в белый свет, как в копеечку». Едва замолкли пушки, озорной концерт был продолжен.

Да, это был передний край обороны Ханко, гарнизон которого насчитывал едва ли не двадцать пять тысяч человек! Так что пять-шесть выступлений в день было нормой для каждого из наших артистов.

Однажды наши «вундеркинды» шли на очередной концерт к гранинцам... Точнее было бы сказать — ползти под обстрелом, который все не заканчивался.

Инструменты в футлярах были, как обычно, накрепко принайтованы на спинах, чтобы можно было, без всякого опасения повредить их, бухнуться на землю, услышав свист снаряда или вой мины. И вот снова летит мина, все упали на землю, осколки просвистели, казалось, над самыми головами. И только когда поднялись на ноги, выяснилось: хотя ни у кого из членов квартета ни царапины, но инструменты вдрызг... Пришли к капитану Гранину. Объяснили, что случилось, и показали останки скрипок и виолончели. Затем Володя Седов сказал за всех:

— Товарищ капитан, вы нас знаете — ребята мои не из робкого десятка. К тому же не по одному разу писали рапорта с просьбой направить в морскую пехоту, и именно в ваш отряд. Отказывали нам, объясняли, что «когда гремят пушки — музы молчать не смеют». Так вот теперь играть не на чем...

Гранин, высокий и могучий человек с окладистой черной бородой, которую он поклялся не снимать до победы, их понял.

— Пишите рапорта, юнги. Поддержу!

Командир базы Кабанов и комиссар Раскин вызвали меня однажды под вечер в свой штаб. Здесь произошел разговор о том, что надо искать новые формы работы. Конечно, оба понимали, что «новую форму» приказом не утвердишь, но были готовы помочь нам советом.

— Вчера границы еще один остров у врага отбили. Так вот давайте так: пригласим главных «виновников» в Дом флота. Посадим их в первый ряд. И еще — Щербакова, разведчика. Вы его знаете, от них радиопередачи вели. Так этот Щербаков, представьте, «языка» взял, здоровенную вражину... Конечно, на концерте будет полный зал — но основное внимание героям... И надо что-то придумать для Щербакова — грустный он ходит, письма от своей девушки давно не получал. Так что до завтра.

Настало завтра, а у нас беда: «деда» нашего, Василия Васильевича, накануне отправили на Большую землю. У Юры Шахнова два огромных нарыва под мышками. До аккордеона ли тут, когда руки враспырку держит!.. Обидно! И песня есть: стихи краснофлотца Скрылева, напечатанные в «Красном Балтийском флоте», Юра на музыку положил:

Как яркое солнце, страна молодая
Любому из нас дорога.
За дело народа, за мир и свободу
Балтийцы идут на врага.
Идет боевая пехота морская,
Шрапнели и пули звенят.
Строчат пулеметы, гремят минометы
И танки лавиной летят...

Собрались. Рассказал я о задании — Шахнов в ответ:

— Вы мне только помогите аккордеон на плечи надеть, а там — как-нибудь, перетерплю. Бойцы не то терпят, жизнь отдают...

Назавтра так и сделали. Как Юра играл — до сих пор понять не могу...

Ну а мы с Батей — Трусовым — интермедию поставили. Вышли вдвоем на сцену, и он спрашивает меня:

— Хочешь, помечтаем о том, что будет годов через тридцать — тридцать пять!

— Давай...

Отвернулись от зрителей, нацепили бороды с усами, ссутулились по-стариковски.

— А помнишь, Ваня, на Ханко были? — спрашивает Батя.

— Как же, Аркадий. Там еще такой Щербаков был. Ну, разведчик тот самый, который «языка» взял, такого здоровенного детину в пенсне. Бухгалтера, наверное.

— Какой же он бухгалтер, фашист настоящий!

— Ну, фашист не фашист, а как в плен попал, так и начал, как говорится, лазаря петь: «Гитлер капут!» И еще: «Я мирный бухгалтер!..»

Зрители, конечно, от смеха ложатся: еще бы, где-где, а на Ханко знали, что такое «языка взять»!

— Ну ладно, — продолжал Трусов, — а помнишь, говорили, что девушка у него была, все писала-писала, а потом вдруг перестала?..

— ...Внуки у них с этой девушкой уже, трое. Мне об этом сам генерал Гранин рассказывал. Ну, еще в прошлом году, когда я в Ленинград ездил...

Играем свою интермедию, на Щербакова смотрим — а он расцвел, как маков цвет, доволен.

Да, обстановка на Ханко была и для нас не из легких... Фантастическое разнообразие сценических площадок: то на утопанной выжженной земле под высоким куполом неба, то в кузове автомашины, то в землянке, где от силы вмещался десяток-полтора зрителей, то

в блиндаже. На пирсе, к которому швартовались торпедные катера, на палубе боевого корабля... При солнце, луне, электрическом свете, «летучих мышах», при свечах.

Обстрелы и бомбежки прерывали концерты.

Это были будни войны, мы втянулись в них и уже не замечали трудностей. Мы были счастливы, ибо видели, с какой благодарностью принимается наш труд...

Еще не раз мне и моим товарищам пришлось побывать у наших друзей-разведчиков, вести из их землянки радиопередачи...

Однажды главарь финских фашистов генерал Маннергейм «милостиво» обратился к ханковцам с предложением сложить оружие, наобещав при этом «золотые горы».

Защитники красного Гангута ответили письмом, взяв за основу послание запорожцев турецкому султану...

«Его высочеству прихвостню хвоста ее светлости кобылы императора Николая, сиятельному палачу финского народа, светлейшей обер-шлюхе Берлинского двора, кавалеру бриллиантового, железного и соснового креста барону фон Маннергейму.

Шлем мы тебе ответное слово!..

Короток наш разговор:

Сунешься с моря — ответим морем свинца!

Сунешься с земли — взлетишь на воздух!

Сунешься с воздуха — вгоним в землю!

Красная Армия бьет вас с востока, Англия и Америка — с севера, не пеняй, когда на твое приглашение мы — героические защитники Ханко — двинем с юга!

Мы придем мстить, и месть эта будет

беспощадна!

До встречи, барон!

Гарнизон Советского Ханко.

Месяц октябрь, число 10, год 1941».

Письмо отпечатали «массовым тиражом» и разбросали с самолетов... Враг рас свирепел — трое суток все тридцать три его батареи, нацеленные на Ханко, вели огонь...

Но едва замолк обстрел, настала наша, артистов, очередь читать по радио «письмо»...

7 ноября 1941 года состоялся последний концерт нашей бригады на Ханко — через несколько дней мы вместе с эвакуировавшимися с полуострова воинами ушли на одном из эсминцев в Ленинград.

...Серое свинцовое небо, нависшее над городом, редкие снежинки, кружась, падали на набережную у моста Лейтенанта Шмидта.

— Матросик, не дашь хлебца? — из-под платка смотрели на меня усталые глаза старой женщины. Я поспешно вынул из вещмешка буханку и отдал ей... Она ничего не сказала — секунду помедлив, взяла хлеб, и в глазах ее промелькнула не благодарность, нет, а изумление. Я долго глядел ей вслед — она шла, не оглядываясь, прижимая хлеб к груди... Это была моя первая встреча с блокадным Ленинградом.

ДО САМОЙ ПОБЕДЫ

АЛЕКСАНДР ПЕРГАМЕНТ

ДО САМОЙ ПОБЕДЫ...

...Блокированный Ленинград. Зима сорок первого. Звук метронома, раздающийся из динамиков.

Музыка в те дни по Ленинградскому радио еще не транслировалась, и нам поначалу это казалось очевидным: время суровое! Но, выезжая с бригадами к защитникам города, нередко слышали: «Что же вы нас мало развлекаете? Хоть бы по радио передали что-нибудь для нас!»

Однажды пригласили меня в радиокomitee: выступление нашего коллектива должно было транслироваться на Москву. Дом радио — большое многоэтажное здание на углу улиц Ракова и Малой Садовой, в котором когда-то размещался один из лучших кинотеатров города «Колосс». Кабинеты редакторов, чтобы работалось спокойнее, перенесли в подвалы здания. За столами сидели девушки, одетые в полувоенные мужские костюмы. У каждой противогаз в зеленой сумке: по тревоге они становились дружинницами МПВО...

Встретившись с художественным руководителем радиокomitee Яковом Львовичем Бабушкиным, рассказал ему и о настойчивых просьбах моряков. Работники радио откликнулись на предложение краснофлотцев, и вот однажды из городских репродукторов полились мелодии морских песен. Хоровая группа ансамбля и сим-

фонический оркестр Театра КБФ снова заполнили студию звукозаписи Дома радио.

Впоследствии между нашим театром и радиокомитетом установилась тесная творческая дружба.

Ну а пока мы продолжали работать в блокадном городе, а далеко, в тылу врага, оставались наши боевые товарищи. На Сааремаа и Хийумаа, на полуострове Ханко (здесь фронтовая бригада театра под руководством Ивана Дмитриева, который сменил на этом посту нашего парторга Василия Кузнецова, ушедшего воевать в отряд морской пехоты, поставила три программы!).

...Однажды к нам пришел летчик, вынул из своего планшета пакет и сказал, что это письмо от наших товарищей с Сааремаа.

В большой комнате шла сводная репетиция оркестра, хора и чтецов. И я сразу же начал вслух читать письмо от мичмана Фогельсона. Все притихли, слушая рассказ о том, как действует на острове его бригада. В конце письма — стихи:

...Затянем же песню про славный наш остров,
Про славный народ островной!
Пусть же наш остров надежным форпостом
Стоит перед нашей страной!

Почти тотчас наш театральный композитор Виктор Витлин написал музыку. Так родилась «Песня об Эзеле», которую разучили хор и оркестр. Так совпало, что через несколько дней по предложению Политического управления Балтфлота была подготовлена радиопередача для моряков, находящихся в глубоком вражеском тылу. Несколько минут эфира в ней было отдано и нам. С необычным волнением подходил я к микрофону:

— Слушай нас, бригада Кузнецова на полуострове Ханко! Слушай нас, бригада Раппопорта на острове Даго! Слушай нас, бригада Фогельсона на острове

Эзель!.. Мы гордимся вашей работой... Живите дружно, дружба в эти дни — одно из главных и цементирующих качеств любого коллектива. Она ведет к смелости, она ведет к победе!.. Родственники ваши находятся под нашей опекой, не беспокойтесь. Работайте так же высоко. Письма ваши получили, и сейчас передаем новую песню — «Песню об Эзеле!»

Нашу передачу услышали. Об этом рассказали наши товарищи, вернувшиеся в театр. Но, к сожалению, возвратились не все...

В суровую блокадную пору мы очень много выезжали с концертами. Мы понимали, что наш приезд к усталым, истощенным, но сильным духом защитникам города несет заряд оптимизма, уверенность в победе.

Давали мы концерты и для раненых бойцов, командиров и политработников. Артисты приезжали в госпитали, исполняли свой репертуар, переходя из палаты в палату. Случалось, давали сольные концерты для лежачих больных. Заявки на выступления наших артистов зачастую приходили прямо в радиокомитет, и тогда мы готовили концерты по письмам радиослушателей, которые передавались в установленное Ленинградским радио время передач для раненых...

Конечно, не один только наш театр обслуживал раненых. Постоянно выступали и концертные бригады ленинградских артистов, собранные при Доме флота. Много концертов организовывали военно-шефская комиссия, Дом Красной Армии.

С весны сорок второго в повседневную нашу практику вошли шефские концерты на заводах, фабриках, в Домах культуры, школах, перед жителями Ленинграда. В цехах заводов «Вулкан», «Электроаппарат», фабрик имени Крупской, имени Урицкого выступали наши солисты-краснофлотцы. Были мы в то время и на прослав-

ленном Кировском заводе. И везде в нас видели не только артистов, но и представителей нашего флота.

Основная форма работы в то время оставалась прежней — концертной. Но мы понимали, что нельзя на ней остановиться. И хотя условия для работы театра были в блокадном городе очень тяжелыми, мы решили ставить настоящий полноформатный спектакль, правда приспособленный для поездок в части бойцов Красной Армии и Флота.

Нас постоянно волновал вопрос репертуара, злободневного, который отражал бы те настроения, мысли и чувства, что владели нами.

И к нам приходили и приносили свои новые произведения, рожденные в блокадном городе, Ольга Берггольц, Вера Инбер, Николай Тихонов, Всеволод Азаров, Александр Крон...

И вот мы остановили свой выбор на пьесе Матвея Тевелева «Навстречу эскадре». Конечно, мы видели и достоинства и недостатки пьесы, но все горели одним желанием: создать большой спектакль о Великой Отечественной войне. Иногда, правда, не верилось, что премьера состоится. Очень тяжелое время! Актеры еле держались на ногах, истощенные, ослабшие, но полные энтузиазма. В Ленинграде уже много месяцев не было ни одной премьеры. Да и театров, кроме нашего и музыкальной, проработавших всю зиму и весну, не оставалось. Но актеры Театра Краснознаменного Балтфлота верили: «Состоится наша премьера!»

И премьера состоялась 5 июля 1942 года в малом зале Дома культуры Промкооперации!.. Спектакль получился несколько камерным, очень портативно оформленным и был хорошо принят нашими зрителями. Открытые успехом, мы возобновили («во фронтовом варианте») «Парня из нашего города» К. Симонова, поставили пьесу А. Островского «Не все коту масленица».

На Лавенсари. Ведущий концерта — боцман Никодим Горчица (артист М. Пярн). Снимок 1942 г.

Всеволод Вишнеvский среди морских пехотинцев. Снимок 1941 г.

Иван Дмитриев. Ханко.
Снимок 1941 г.

И. Дмитриев в скетче
«Полицей». Снимок 1942 г.

Александр Княжецкий
в одной из ролей.
Снимок 1941 г.

Аркадий Трусов в одной
из ролей. Снимок 1941 г.

После выступления в госпитале. Слева направо: Алла Дельвини, Мария Мамкина, Софья Прусиновская. Кронштадт. Снимок 1942 г.

Актеры-кукольники П. Гаврилов и А. Гак. Снимок 1941 г.

Заслуженная артистка Эстонской ССР
Евгения Церебилко. Снимок 1947 г.

Первые из награжденных боевыми наградами артисты Театра КБФ — участники фронтовых бригад. Слева направо: (первый ряд) певец Илья Зосимов, солисты балета Борис Лопатин и Анна Заржицкая, артист театра Петр Любаров; (второй ряд) баянист Владимир Коженков, секретарь парторганизации театра Владимир Тихонович Кузнецов, режиссер Соломон Фогельсон, акробат Василий Карелин, солистка балета Алла Дельвин, артист театра Иван Дмитриев. Снимок 1942 г. ▷

А. В. Пергамент и заслуженный артист РСФСР В. И. Честноков обсуждают план нового спектакля. Снимок 1943 г.

Сцена из спектакля Театра КБФ «Офицер флота» по пьесе А. Крона. Снимок 1944 г.

Сцена из спектакля «Офицер флота» А. Крона. Снимок 1944 г.

Афиша спектакля «У стен Ленинграда» Вс. Вишневецкого. 1944 г.

Сцена из спектакля «У стен Ленинграда» Вс. Вишневого. Снимок 1944 г.

Чтец ансамбля песни и пляски КБФ
Ю. Махлин. Погиб в июне 1941 г.
Снимок 1941 г.

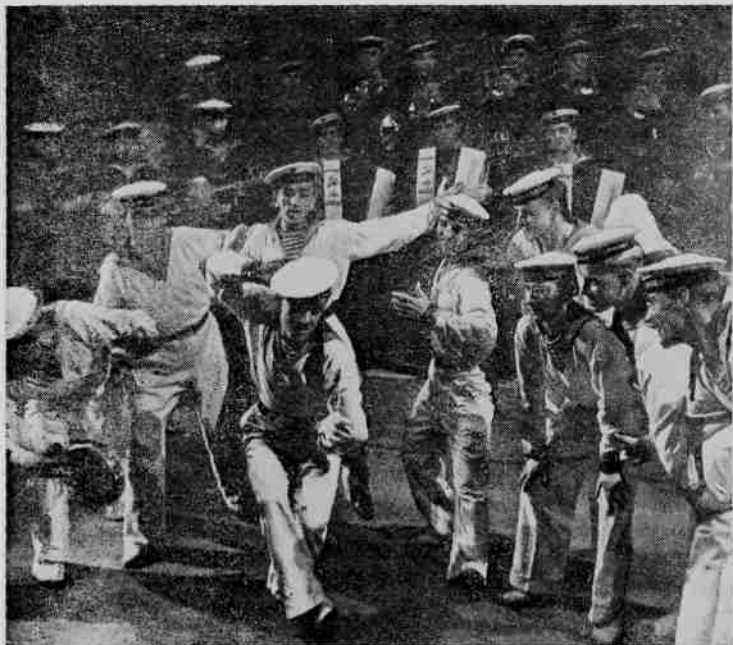

Руководитель ансамбля
песни и пляски
профессор Б. О. Нахутин.
Снимок 1942 г.

Концертмейстер
М. И. Полянский.
Снимок 1941 г.

Руководитель оркестра
театра Ю. А. Подласкин.
Снимок 1942 г.

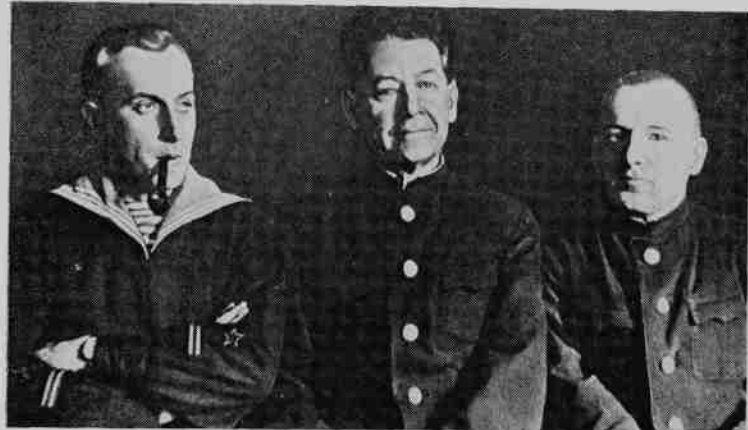
«Яблочко». Краснофлотская пляска. Соллист В. Смирнов.
Снимок 1943 г.

Слева направо: начальник оркестра П. Любаров, дирижер В. Астров, композитор В. Витлин. Снимок 1941 г.

«Гопак» в исполнении Ансамбля песни и пляски КБФ. Снимок 1941 г.

Слева направо: солист ансамбля Г. С. Веретенников, худ. руководитель профессор К. С. Исаченко, хормейстер А. А. Мелихов. Снимок 1943 г.

Московская Государственная Филармония

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ им. П. И. ЧАЙКОВСКОГО

(7-й Мясницкий пер.)

234

КОНЦЕРТЫ
ТЕАТРА КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТФЛОТА

ВОКАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ

исполнители

руководитель М. В. ПОЛОЖИНСКИЙ

ТАНЦОВАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ

руководитель Б. И. КОМАРОВ - Д. А. СМЕРНОВ

ДЖАЗ-ОРКЕСТР

руководитель НИКОЛАЙ МИХА

П. И. НЕЧЕПОРЕНКО

Э. К. ВЕЛЕЦКИЙ

Е. БЛАНЕВИЧ

М. НУРДИН

О. НЕСТЕРОВА

А. ГАН

В. КАРЕЛИН

Г. ОРЛОВ

П. ГАВРИЛОВ

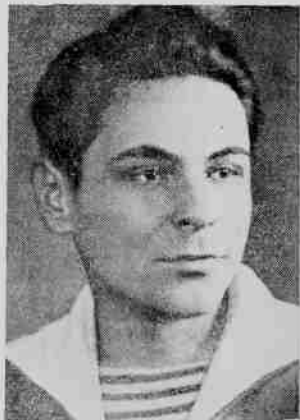
И. МИНАЕВ

С. РАДЛИНСКИЙ

Афиша концертов Театра Краснознаменного Балтфлота в Москве. 1944 г.

Руководитель джаз-оркестра
Н. Г. Минх. Снимок 1944 г.

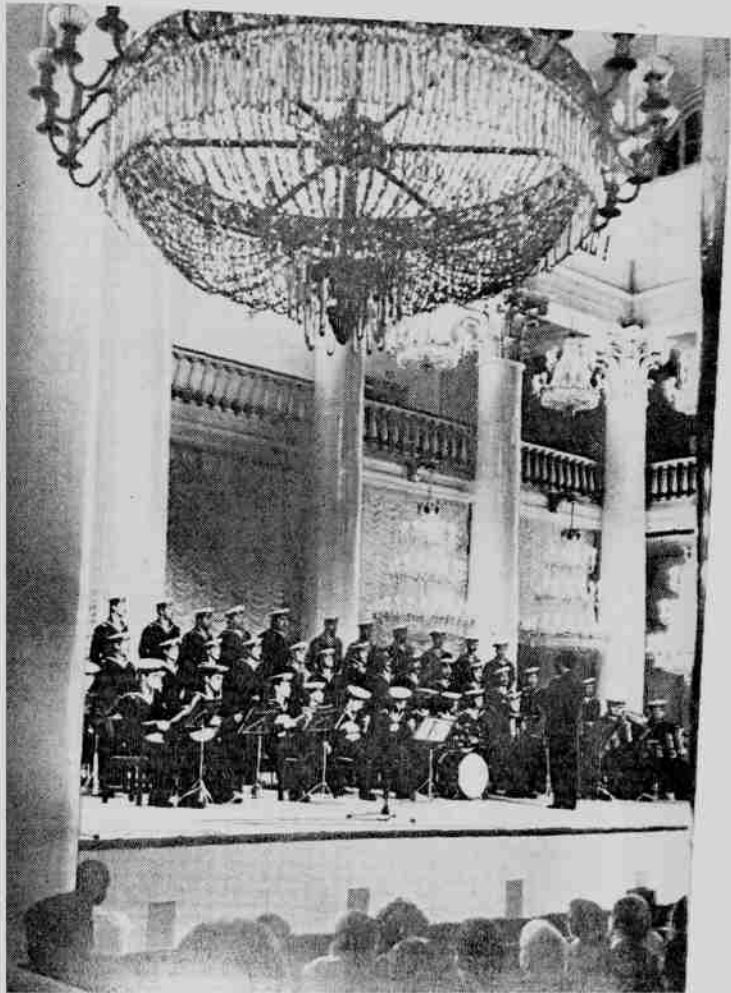

Соллист джаз-оркестра
Г. Орлов. Снимок 1942 г.

Соллист джаз-оркестра.
М. Курдин. Снимок 1942 г.

Концерт
Ансамбля песни и пляски
Краснознаменного
Балтфлота в Колонном зале
Дома союзов. Снимок 1983 г.

Ансамбль песни и пляски дважды Краснознаменного Балтфлота на крейсере «Октябрьская революция».

В середине июля сорок второго на страницах «Правды» начала печататься пьеса Константина Симонова «Русские люди». Мы приняли ее сразу и безоговорочно. О значении пьесы говорить не приходилось.

18 июля закончилась публикация пьесы в газете, а уже 23 августа, практически через месяц, мы показывали премьеру в зале летнего театра Ленинградского Дворца пионеров.

Ставил пьесу я совместно с заслуженным артистом РСФСР Владимиром Честноковым, пришедшим работать тогда в наш театр. Он же играл роль Сафонова... Пьеса обращалась к нашим современникам, несущим тяжелые испытания военного времени, когда каждый человек мог стать героем. Раскрывая истоки мужества и героизма, автор показывал людей внешне неприметных, но они жили по велению сердца и, когда того требовали обстоятельства, просто исполняли свой человеческий и гражданский долг.

Так, напевая: «Соловей, соловей, пташечка...» — уходил через линию фронта на верную смерть военфельдшер Глоба, которого мастерски сыграл артист Даниил Коган...

И этот спектакль прошел успешно.

А следом началась работа над «Фронтом» А. Корнейчука. Этот спектакль получился удачнее предыдущего. Успех заключался, главным образом, в великолепном исполнении двух ролей: Горлова — нашим Батей, заслуженным артистом РСФСР Аркадием Трусовым, и Огнева — Владимиром Честноковым.

В начале сорок третьего в театре шла работа сразу над двумя пьесами, специально для нас написанными. Одной из них была веселая комедия «Добро пожаловать» Захара Аграненко и Александра Штейна. Второй — «Крылья гнева» Алексея Зиновина.

«Добро пожаловать» шла с успехом, а второй спектакль не получился.

Мы тяжело переживали первую, по сути, за войну творческую неудачу. Переживали и не знали, что нас ожидает работа над новой большой пьесой и она станет новой большой удачей театра, шагом вперед. Это была «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского.

Я не стану останавливаться на всех этапах работы над этой пьесой, ставшей для нас особенно дорогой, особенно значимой. Скажу лишь, что в июле сорок четвертого года со спектаклями «У стен Ленинграда» Всеволода Вишневского и «Офицер флота» Александра Крона мы приехали в Москву на празднование Дня Военно-Морского Флота. Встречены обе наши работы были хорошо. Так же успешно прошел и большой концерт нашего ансамбля песни и пляски, которым с конца 1942 года руководил профессор Константин Степанович Исаченко, и джаз-оркестра под управлением капитана Николая Минха.

Так, в зависимости от условий, в которых находился действующий флот, театр перестраивал формы своих художественных выступлений. Выкрашенная в красный цвет «агитмашина» следовала за своим зрителем по сухопутью. В землянках и блиндажах на переднем крае обороны четыре-пять исполнителей давали концерт для защищавших город краснофлотцев. Портативно оформленные спектакли во «фронтном варианте» показывались на трехметровых площадках. И наконец, большие спектакли и концерты ансамбля песни и пляски, джаз-оркестра шли в Домах флота и в базовых клубах, в Домах культуры Ленинграда, Кронштадта, на больших фортах.

Время и опыт показали, что эта оперативность была совершенно необходимым качеством для военного театра. Оперативность, естественно, не только в организации работы, но в творческом поиске, а главное — в политической устремленности любого материала, в его идейной направленности, злободневности.

Родина по достоинству оценила скромный военный труд артистов Театра КБФ. Многие из них получили правительственные награды. И среди первых — старейший артист театра Аркадий Трусов, заведующий постановочной частью Вячеслав Коваленко, артист Леонид Головкин...

Этапными для театра стали встречи с Всеволодом Витальевичем Вишневским... Первая из них состоялась зимой 1939/40 года, когда Вишневский пришел к нам в театр со своими соратниками по перу и оружию — Василием Лебедевым-Кумачом, Леонидом Соболевым и Иоганном Зельцером. Мы провели тогда целую ночь, показывая им свои работы и даже шутки, которые шли на актерских капустниках. Затем Вишневский беседовал с артистами.

В дни Великой Отечественной войны контакты наши укрепились — Вишневский не однажды видел выступления фронтовых бригад театра... Прошло время, враг уже был на подступах к Ленинграду, когда в один из дней Вишневский позвонил в театр по телефону и предложил встретиться. Мы с радостью согласились.

Под аккомпанемент разрывов вражеских снарядов и бомб, стрельбы зениток, в полутемном помещении малого зала Дома культуры Промкооперации слушали артисты выступление писателя, который рассказывал о сложившейся на фронте и в городе обстановке, говорил о наших задачах в данный момент — как пропагандистов, как бойцов... Спустя несколько дней в газетах появилась большая статья Вишневского, которая заканчивалась словами: «Вашу руку, товарищи артисты Балтики!»

Вишневский постоянно наблюдал за нашей работой: принимал участие в просмотрах, критиковал нас принципиально и требовательно, оказывая тем самым огромную помощь...

В своем дневнике 11 марта 1943 года он записал:

«Театр много работает: за январь — март дали триста пятьдесят выступлений».

Да, театр работал... Афиши, расклеенные по Ленинграду, сообщали, что на сцене Выборгского Дома культуры Театр КБФ дает спектакль «Офицер флота» Крона, в клубе МВД — «Русские люди» К. Симонова, а в Большом зале филармонии состоится концерт Ансамбля песни и пляски КБФ, во Дворце культуры имени С. М. Кирова выступает джаз-оркестр флота под управлением Николая Минха.

Афиши, расклеенные в Таллине, приглашали в «Ээсти драмтеатр», где шел «У стен Ленинграда», в клуб на рабочей окраине — на выступление джаз-оркестра под управлением Н. Г. Минха.

Афиши, которые увидели жители Хельсинки и Турку, приглашали на концерты артистов Краснознаменного Балтфлота...

И без всяких афиш, без рекламы, в первую очередь мы приезжали к нашим краснофлотцам в кубрики боевых кораблей, в блиндажи, на аэродромы, в госпитали, в части береговой обороны...

До последнего дня войны. До самой нашей Победы!

**Из записи в творческом журнале
Театра Краснознаменного Балтфлота**

«С 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года Театром Краснознаменного Балтийского флота на Эстонском, Ленинградском и Волховском фронтах, на кораблях флота и Ладужской военной флотилии дано свыше 6000 выступлений.»

НАШИ ВОЕННЫЕ БУДНИ

Каждому ленинградцу-блокаднику обращение к тому трагическому и одновременно героическому времени дается с болью. И все же спустя десятилетия все ярче выделяется в памяти все самое светлое, чистое, человеческое, свидетелями которого мы были. Оно давало нам силу в то суровое время, вселяло уверенность в победе, и я уверен, это светлое останется жить навсегда, неподвластное забвению...

...Август сорок первого. Первое сражение в воздухе над Ленинградом. В синем небе вдруг закружились самолеты, как осы вокруг потревоженного гнезда. Донеслись звуки пулеметных очередей. Молниеносно, как воздушные акробаты, в головокружительной карусели неслись друг за другом самолеты, то скрываясь в облаках, то выскакивая в просветы неба. Никто из про-

Королев Михаил Михайлович в 1933 году закончил Ленинградский техникум сценических искусств и работал там же режиссером-ассистентом.

В 1937 году был призван на Краснознаменный Балтийский флот, назначен режиссером Театра КБФ. Член КПСС.

Участник советско-финляндского вооруженного конфликта и Великой Отечественной войны.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

С 1946 года — режиссер Ленинградского государственного театра кукол. С 1959 года — профессор, заведующий кафедрой кукол в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии имени Н. Черкасова.

Заслуженный деятель искусств РСФСР.

хожих еще не успел испугаться и с замиранием следил за воздушным сражением. Но вот самолеты стали приближаться, и уже видны были кресты на крыльях. Низко пронеслись они над проспектами и улицами. И вдруг совсем рядом послышались пулеметные очереди. Упали и остались лежать на мостовой люди. Остальные неуверенно бросились к парадным. Ленинградцы еще не привыкли к обстрелам...

Пройдет всего несколько месяцев, и мы привыкнем к разрывам бомб и снарядов. И, наблюдая, как с адским свистом падала, казалось, прямо на нас авиабомба, мысленно рассчитывали: упадет ли рядом или на соседней улице. И только облегченно вздыхали, когда бомба взрывалась в некотором отдалении.

Но если можно было привыкнуть (как ни кощунственно звучит это слово) к взрывам снарядов и бомб, то к зрелищу терявших последние силы, умиравших на обледеневших улицах города людей привыкнуть не мог. Не выдерживал, брал за плечи и помогал добраться до дома. Понимал, что теряю считанные минуты, с таким трудом полученные мной, человеком военным, для свидания с родными (в блокадном городе оставались мои престарелые родители и тяжелобольной брат). Но когда я видел слезы благодарности на лицах тех, кому помогал, это была для меня самая святая награда.

Но однажды... По улице, часто останавливаясь, шла женщина, крепко зажав в руке полученный по карточкам хлеб. Она совсем ослабела и попросила меня помочь. Я подхватил ее и дотащил до парадной. Женщина сказала, что ее ждет маленький внук Глеб, и его необходимо накормить. В вестибюле ей стало совсем плохо, и она стала терять сознание. Я принялся трясти ее, просил назвать номер квартиры, но она лишь бормотала что-то еле слышно и еще крепче прижимала к себе драгоценный кусочек. В отчаянье обежал все этажи,

стучал во все двери. Но мальчика не нашел: видно, ему было запрещено открывать чужим людям.

Проклиная Гитлера всеми проклятиями, я так и оставил мертвую женщину на лестнице с хлебом в руке...

И в это невероятно тяжелое время, когда горе и смерть окружали нас со всех сторон, мне поручили поставить комедию Дыховичного и Слободского «Свадебное путешествие». Скорее мы почувствовали, чем поняли, что защитникам Ленинграда нужно что-то очень веселое, что не только развлекало бы их, но укрепляло бы веру в будущее счастье, счастье, за которое надо сражаться сегодня, завтра, до Победы...

Разве в голодный двадцатый год не почувствовал Евгений Багратионович Вахтангов эту потребность, поставив сказку Карло Гоцци «Принцесса Турандот»?

И вот, отправляясь проведать родных, вышагивал я километры по блокадному городу, перебирая в памяти эпизоды комедии, и выискивал, как это ни казалось самому немислимым в такой обстановке, счастливые режиссерские находки.

А потом мы репетировали по десять — двенадцать часов в день. И похожие на дистрофиков актеры не уставали искать смешное, находить мудрость в оптимизме и жизнелюбии.

Жизнеутверждающий спектакль хорошо приняли зрители, а его «портативность» позволила показывать его в различных условиях.

В дальнейшем мы поставили еще две комедии: «Добро пожаловать» Александра Штейна и Захара Аграненко и «Комедию ошибок» Вильяма Шекспира. Главные роли в комедии «Добро пожаловать» исполняли Владимир Честноков и Людмила Макарова. Работа над комедией шла удивительно легко, хотя время было

еще трудное. Блокада прорвана, но враг еще стоял у стен города, а на улицах взрывались фашистские снаряды и бомбы. Мы не уходили в убежище — не хотелось терять драгоценных минут.

— Товарищи, вы совершили невозможное, — взволнованно сказал нам после премьеры комедии Александр Штейн. — В таких условиях и поставить такой спектакль!

Надо ли говорить о том, как мы были счастливы!

«Комедию ошибок» Вильяма Шекспира мы ставили уже в другое время. Была снята блокада Ленинграда, войска 2-го Украинского фронта вышли к Государственной границе СССР. Война вступала в свой завершающий период. Мы все понимали, что наша победа не за горами, но понимали и другое — путь до Берлина, кажущийся таким близким, будет нелегким, и не все сумеют его преодолеть. И все же настроение было у людей праздничное. И нам хотелось, чтобы на сцене появилось что-то соответствующее тому чувству радости, которое 27 января сорок четвертого года охватило всех в Ленинграде, когда на запруженном людскими толпами Невском проспекте незнакомые люди обнимали и целовали друг друга... Жизнеутверждающая, рождающая смех комедия Шекспира показалась мне соответствующей общему настроению.

Я постарался выбрать из разных переводов Шекспира самое удачное, самое смешное. Одни порицали меня за это, а другие удивлялись: «Где вы нашли такую смешную комедию у Шекспира?»

Надо сказать, мне повезло. Хотелось, чтобы двойников Антифолов играл не один актер, как это было принято, а два. Так же, как и их слуг: двойников Дромियो. В труппе театра нам удалось подобрать две пары: Иван Дмитриев и Александр Рохленко, Николай Трофимов и

Николай Гаврилов. Два юных красавца и двое маленьких слуг, очень смешных... Когда перед началом спектакля я заходил в гримуборную, то позорно путался, не в силах различить их, одинаково одетых и отлично загримированных. Еще сильнее этот эффект получался в зрительном зале — публика была уверена в том, что героев Антифолов играет один артист, так же как их слуг, и, когда в финале на сцене появлялись две пары близнецов, все были поражены сходством этих людей. Получилось смешно и убедительно.

Женские роли в спектакле исполнили артистки Алла Дельвин и Евгения Церебилко. Они создали запоминающиеся образы и немало содействовали успеху спектакля. В особенности меня поражала Евгения Церебилко. До войны она сыграла роль Франсуазы в моей постановке «В порту» по Мопассану. Радовало, что не ошибся тогда: она выросла в замечательную драматическую актрису.

И все же больше всего меня поразила даже не игра наших актеров, героически работавших в то время, не удача нашего замечательного художника Бориса Альмедингена, ученика А. Я. Головина. Меня поразила способность наших зрителей, еще не переживших войну, так заразительно, искренне смеяться. В этом тоже была сила нашего народа, не утратившего в великих испытаниях оптимизма и чувства юмора.

То же самое чувствовали и наши замечательные военные актеры, которые прошли войну и фронт, страдали и боролись наравне со всеми защитниками Ленинграда.

В годы войны в нашем театре были поставлены спектакли, ставшие впоследствии классикой советской драматургии.

Зимой сорок второго командование театра приняло решение возобновить постановку «Парня из нашего го-

рода» К. Симонова, но приспособить ее к выездным условиям. Это было поручено мне.

Премьера спектакля состоялась в Таллине еще накануне войны. Это было самое первое сценическое воплощение пьесы Константина Симонова. Мы работали тогда на пределе сил и возможностей. Европа уже была под фашистским сапогом, поэтому в режиссуре я невольно использовал тревожные, энергичные ритмы и напряженные решения отдельных сцен.

Например — финал. Действие последней картины проходило на высоком зеленом холме. Раздавалась команда учебной тревоги, красноармейцы мгновенно раскидывали камуфляжные ковры, и взору открывался настоящий танк. Боевой экипаж быстро взбирался на него, спускался в люки, и танк, лязгая гусеницами, тяжело продвигался по сцене...

Во «фронтовом варианте», разумеется, мы от этой концовки отказались. Изменили и трактовку некоторых сцен. Лирические эпизоды, которые в первой постановке создавали настроение и были «вторым планом», стали сюжетными связками, и только. Основа — военная линия спектакля... Мне кажется, от этого он в целом что-то потерял. Но порадовали исполнители глубоким проникновением в образы Константина Симонова, раскрыв глубинный смысл патриотизма советских людей.

Своеобразным получился Сергей Луконин у Ивана Дмитриева: простой, решительный, с насмешливым огоньком в глазах, это был парень из жизни, а не привычный театральный герой. Удивляться было нечему — Иван Дмитриев более трех месяцев воевал на Ханко рядом с такими же героями, как Сергей Луконин.

Варю играла Мария Мамкина. Удивительно сумела соединить в своей героине и слабость, и мужество юной женщины, показать ее беззаветную любовь...

В сорок втором, незадолго до прорыва блокады Ленинграда, главный режиссер театра А. В. Пергамент

предложил мне поставить вместе с ним большой спектакль по пьесе А. Корнейчука «Фронт». Мне была от- дана постановка четырех картин. Александр Викто- рович взял кульминационную, самую сложную кар- тину, действие которой происходит в окопе на передо- вой.

Пьеса молодого писателя появилась в исторический момент Великой Отечественной — в битве под Москвой был развеян миф о непобедимости фашистских войск. Наступал коренной перелом в ходе войны. «Фронт» под- нимал острые проблемы, связанные с совершенствова- нием старшего командного состава. Это была правди- вая, критическая, но вселяющая веру в грядущую побе- ду пьеса о войне. С этих позиций мы и решили ее ста- вить.

Роль генерала Огнева, военачальника новой прогрес- сивной формации, была поручена артисту Владимиру Честнокову. Я с удовольствием работал с Владимиром Ивановичем и всегда испытывал наслаждение от твор- ческого общения с ним. Это был человек незаурядный, излучающий свет, доброту и неистребимый оптимизм. Неутомимый в работе, он всегда прислушивался к за- мечаниям режиссера, но в то же время был неумоли- мо принципиален и творчески самостоятелен в глав- ном... Генерал Огнев получился у него несколько нежи- данным, — быть может, не совсем таким, каким его за- думал драматург. Целеустремленность к победе над врагом поднималась у его Огнева до страсти — он был романтическим героем. Образ, созданный им, приняли зрители.

Стремление к жизненной достоверности, глубокому проникновению в души людей, защищавших Родину, от- личало и нашу работу над пьесой Всеволода Вишнев- ского «У стен Ленинграда».

Ленинградцам, бойцам Ленинградского фронта запомнились выступления писателя по радио. Необыкновенный накал его простой речи передавался защитникам города, казалось, вливая новые силы, зажигал ненависть к врагу. Его выступлений ждали как большого события.

Однажды Всеволод Витальевич принес в театр новую пьесу под названием «У стен Ленинграда».

В ней с огромной силой правды рассказывалось о первых днях осады города Ленина, о первых поражениях и о героических сражениях моряков-балтийцев на сухопутном фронте.

Сначала состоялась читка для узкого круга лиц, а 17 июня сорок третьего года общая — перед коллективом всего театра. Пришли писатели Н. Тихонов, Вас. Саянов, В. Инбер и другие. Пьеса произвела на всех колоссальное впечатление, и Александр Викторович Пергамент взял на себя ее постановку.

Спектакль был задуман масштабно, и постановщик решил использовать для этого все имеющиеся у нас к тому времени силы: джаз-оркестр, хор, танцевальный ансамбль. Все это нужно было для массовых сцен. На главные роли были отобраны лучшие наши драматические актеры.

И по замыслу автора, и по замыслу режиссера это должен был быть спектакль высшей патетики и трагедийности. С предельной правдой и выразительностью предстояло раскрыть психологически сложное, мучительно трудное превращение военных моряков в защитников Ленинграда на сухопутном фронте. Превращение их в тех героев, которых фашисты с ужасом звали «Schwarze Tod» — «Черная смерть». Все это было заложено в пьесе и, как нам казалось, требовало своего развития.

Мне была поручена постановка нескольких сцен. Вспоминается работа над первой картиной. Красно-

флотцы, потерпевшие поражение на море, возвращаются в Кронштадт, в казармы, в береговой кубрик. Настроенные у них подавленное, злое, пристыженное...

Мне хотелось довести эту сцену, ее атмосферу, до трагедийной силы. Почему? Чтобы сильнее был контраст с оптимистическим финалом. Но чем дальше шла работа, тем очевиднее представлялись сложность и трудность такого перехода. Репетиции шли, но все мы чувствовали, что недостает какого-то штриха. И вот однажды, на очередной репетиции, этот штрих нашел Иван Дмитриев, исполнявший ведущую роль одного из краснофлотцев. В горестный момент, когда могло показаться, что все кончено, он вышел на середину сцены, глубоко вздохнул и, как подкошенный, упал вперед, лицом вниз. Упал, как бы желая «зарыться» в доски палубы... Впечатление было сильным.

Мы знали в ту пору, что героизм защитников Ленинграда рождался непросто. И нам хотелось сказать об этом всю правду, а не половину. Мы, режиссеры театра, видели: получилось, весь спектакль был пронизан этим стремлением и этими поисками.

И вот наступил день, когда мы показывали нашу работу Политуправлению КБФ и Ленинградскому управлению по делам искусств.

Все до единого исполнители отдавали всю свою душу, все способности. Мы, режиссеры, смотрели на воскрешенную искусством подлинную жизнь наших героев с замираньем сердец и втайне счастливые...

На другой день состоялось обсуждение нашей работы. Вначале высказывались хорошие отзывы о пьесе, о самой постановке. Начальник Ленинградского управления по делам искусств Бурлаченко сказал, что не помнил такой силы потрясения от спектакля: после него он не спал ночь. А потом последовали замечания и предложения. Претензии были обращены и к нам, режиссеру и постановщику, но более всего к автору

пьесы. Мы были артистами военными, зритель наш тоже был военный, и начальство наше справедливо считало, что и герои должны выглядеть настоящими военными, четко соблюдающими требования уставов. Но это мешало автору пьесы в иных случаях выполнить его замысел — показать в первую очередь психологию защитников города. Однако Всеволод Вишневский начал упорно работать над замечаниями. Он очень дорожил пьесой и не мог представить, что будет, если она не пойдет на сцене. Наконец Всеволод Витальевич принес исправленный вариант. Мы, конечно, видели, что многие места в спектакле получились сдержаннее, строже, даже суше...

Стал ли спектакль лучше, чем в первом варианте? Мне трудно было бы ответить на этот вопрос. Наверное, оттого, что режиссерам всегда особенно дороги их первые варианты...

И вот снова просмотр на сцене Выборгского Дворца культуры.

На зрителей пьеса производила незабываемое впечатление. Это и понятно: она была обращена к сердцам ленинградцев. А. Крон, посмотрев «У стен Ленинграда», писал о своих впечатлениях:

«Вещь большая, заражающая своим темпераментом, беспокойно ищущей мыслью, мужественной интонацией, смелостью».

Сценическая жизнь спектакля могла бы быть долгой, но в нем был занят почти весь личный состав театра. А требовалось продолжать деятельность концертных бригад, выступления джаз-оркестра, поездки наших ведущих артистов на корабли и в части флота. Это тоже были наши военные будни...

В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ...

Новый, 1942 год

Новый, 1942 год мы встречали в «Промке» (так в довоенные годы ленинградцы называли Дом культуры Промкооперации, нынешний Дворец культуры имени Ленсовета).

Где-то за месяц перед этим нас переселили туда из школы на Большом проспекте. Здесь было так просторно, что мы долго путались, разыскивая в огромном здании нужную комнату или репетиционную.

Встречали праздник просто. Как обычно, дежурные, назначенные от разных групп театра, ансамбля, джаза, навозили с Невы воды в бочках, поставленных на санки. Другая дежурная группа набрала дров на растопку: невдалеке стоял разбитый бомбой дом.

Ужинали при «катюшах» (так прозвали самодельные светильники: в гильзу наливалось машинное масло и вставлялся фитиль). А затем начальник театра капитан Гитцович собрал всех в большом репетиционном зале. Поздравил нас и пожелал, чтобы все мы остались живы и не теряли творческого задора.

— Родина нас, ленинградцев, нас, балтийцев, не забыла. Перед праздником добавили нормы продпайка гражданскому населению и нам, а это уже доброе предзнаменование. Так что надо надеяться, ждать. А главное — работать! — сказал он нам.

И сообщил, что в январе нам предстояло выступить с творческим отчетом перед высоким начальством.

Я сидел рядом с мичманом Василием Ботовым. До войны это был здоровый крепкий мужчина. Как ни странно, до таких голод добирался быстрее... Однако

Ботов, несмотря на удобу и отечные ноги, бодрости духа не терял: его бас от всех трудностей и забот стал, казалось, еще гуще.

— Концерт, это можно,— сказал мне Ботов шепотом, который услышали все.

Безусловно, мичман выразил наше общее мнение. Но какими силами?

Война уже унесла от нас жизни тридцати наших товарищей. В сентябре ушли защищать город Ленина, на сухопутный фронт, многие музыканты ансамбля. Чуть позже — симфонический оркестр в полном составе. Хору и артистам балета могло аккомпанировать лишь трио баянистов — старший краснофлотец Василий Костин, главный старшина Владимир Коженков и старшина 2-й статьи Вячеслав Королев.

Но если с артистами балета дело обстояло относительно благополучно (он пополнился за счет призванных из запаса), то с хором положение сложилось трудное. Весь состав — тридцать человек, да и те рассыпались по «окопно-блиндажно-палубным ансамблям», как мы называли «пятерки» и «четверки», постоянно выезжавшие на корабли или в части флота. Был, правда, еще джаз-оркестр под руководством старшины 1-й статьи Михаила Зарха, но, хотя официально он числился в составе театра, по существу это был самостоятельный коллектив, со своими музыкантами и певцами, со своим репертуаром. Можно включить в концерт акробатов-краснофлотцев Василия Карелина и Ивана Минаева. Им, пожалуй, приходилось всех труднее: кроме мастерства, умения, их номера требовали силы. А откуда ее взять, если положенный им доппаек был невелик. Могли выручить нас кукольные Павел Гаврилов и Абрам Гак. Мастера своего дела.

Все это горячо обсуждалось в ансамбле.

Бескозырка! Ты подруга моя боевая,
И в решительный час, и в решительный день
Я тебя, лишь тебя надеваю,
Как носили герои, чуть-чуть набекрень... —

тихонечко пел я, а Мелихов стал подпевать, тоже тихонько, задумчиво...

— А что, Александр Викторович ничего не говорит о репертуаре?

— В общих словах. Все сетует — выход у него не получается пока. Самое начало. Но ты же знаешь Александра Викторовича — «не получается», это значит, что не получается на должном художественном и творческом уровне.

— Так, может, все-таки с «Бескозырки» и начать?

— Наверяд ли. Знаешь, Глеб, здесь нужна песня известная. Которая уже сегодня не только зовет, но и ведет людей в бой!..

Все бригады были отозваны с флота, с фронта. Репетиции шли полным ходом. Буквально «на разрыв» были баянисты.

Танцоры, голодные, истощавшие, репетировали под баян Вячеслава Королева. Старшина 1-й статьи Николай Трофимов, длинный и тощий, один вид которого вызывал невольную улыбку, отплясывал в таких снежно-белых поварском колпачке, курточке и брюках, что оставалось только гадать, откуда он взял их в эту пору:

— Эх, чумичка-невеличка,
Эх, чумичка-поплавок!
Зачерпни-ка ты, чумичка,
Для меня еще разок!..

В такт песне невольно стали отбивать чечетку солист ансамбля Александр Голубков, наблюдавшие за ним товарищи — Михаил Гордиенко, Яков Потапенко, Николай Иосифович и Виктор Сергеев.

...И вдруг мощное здание вздрогнуло от удара и из черной тарелки громкоговорителя донеслось:

— Граждане, говорит штаб местной противовоздушной обороны. Район подвергается артиллерийскому обстрелу...

Хотя нам предписывалось уйти в укрытие, мы этого не делали: слишком мало времени оставалось до концерта. Репетиции продолжались, несмотря на обстрел.

— Всем певцам в большую репетиционную! — командовал заглянувший к нам в комнату главный старшина Мелихов.

Холод там стоял жуткий. И как только наши балетные выдерживали? Но в длинном коридоре еще холоднее. Мы спешили поскорее добраться до репетиционной. Уже в дверях я столкнулся с басом старшиной 2-й статьи Дмитрием Бородкиным — он взглянул на меня с высоты своего роста и кашлянул: иди, мол! Следом за нами вошел баритон старший краснофлотец Михаил Былинкин, потом тенор старшина 1-й статьи Яков Зайончковский — всё солисты наши... Пройдут годы, они станут знаменитыми певцами.

А пока мы напряженно готовились к концерту, отработывали «по подразделениям» свои номера.

Наконец, на четверг, 15 января, назначена генеральная репетиция. Начальник театра капитан Гитцович, военком, батальонный комиссар Эпельбаум, главный режиссер театра Пергамент остались довольны результатом. Понравился концерт и присутствовавшему на репетиции члену военного совета флота бригадному комиссару Смирнову. Его приезд удивил нас: перед кем же мы будем выступать?..

День 17 января выдался хмурым, ненастным. После обеда я зашел в наш кубрик. Через двадцать минут снова на репетицию.

Но отворилась дверь и появился дежурный, свистнул в боцманскую дудку, скомандовал:

— Сбор на выезд!

«Вот оно!» — подумали мы, потому что после генеральной со дня на день ожидали этого приказа. Все, кто числился в дежурных группах, бросились к костюмерным, а оттуда с непосильно тяжелыми ящиками и чемоданами двинулись к выходу.

Едва вышел на Кировский проспект, леденящий сырой ветер полоснул по лицу. В один миг заоченели руки, ноги. К счастью, пять автобусов стояли рядом. Мы торопливо разместились и поехали, пробиваясь через сугробы снега и надолбы льда. В салоне автобусов было не теплее, чем снаружи, но без ветра.

— Едем-то куда? — спросил я Алексея Мелихова: мы, прижавшись друг к другу, устроились на передней скамейке.

— Не видишь, прямо по проспекту!.. — процедил он. Машины тяжело вползли на Кировский мост.

С моста свернули на набережную, налево. В щелочку заиндеветшего окна были видны корабли, впаянные в лед: «Молотов» и «Ермак». В иллюминаторы выставлены трубы, из которых сочился дымок: не иначе, буржуйки. С набережной взяли вправо, на улицу Чернышевского, а потом снова налево, на Воинова.

— Никак к Смольному? — удивленно спросил кукольник Павел Гаврилов, коренной ленинградец.

И точно, через несколько минут автобусы остановили на контрольно-пропускном пункте. В наш автобус вошли двое военных, одетых в белые полушубки и валенки, за ними — капитан Гитцович.

— Все свои? — спросили его.

Гитцович внимательно оглядел нас.

— Посторонних нет! — доложил он.

...Пока готовили сцену, мы заглядывали в зрительный зал.

В первом ряду, слева, сидел Андрей Александрович Жданов, с ним рядом, в форме бригадного комиссара, его заместитель Алексей Александрович Кузнецов. Чуть подалее — командующий фронтом генерал-лейтенант Иван Иванович Федюнинский.

— Смотри-ка, и Владимир Филиппович Трибуц здесь, и Николай Константинович Смирнов, — шепнул мне Алексей Мелихов...

Прозвенел, как в настоящем театре, звонок. И вот занавес открыт.

Начался концерт просто. Под звуки популярной в то время песни В. Соловьева-Седого «Играй, мой баян» на сцену выходили певец, аккордеонист и гитарист. Затем с разных сторон к ним присоединялись группами по восемь — двенадцать человек остальные участники концерта, в каждой группе был свой баян. Постепенно сценическое пространство заполнялось, выходил джаз, и вот уже все сто артистов-краснофлотцев дружно заканчивали песню:

...Что больше жизни
Мы Родину любим свою.

Потом шли чтецы, кукольники, акробаты, певцы. Завершалась программа выступлением хора.

В ожидании выхода я стоял за левой кулисой, смотрел в зал.

«Какое усталое лицо у товарища Жданова, — подумалось, — какая великая ответственность лежит на этом человеке, одетом в полувоенный костюм: за город и фронт, за флот и Дорогу жизни, за каждого из ленинградцев...»

А на сцене Аркадий Ващенко читал:

...И темные дома стоят без стекол,
Как люди,
Потерявшие глаза.

Но в то, что умер город наш —

Не верьте!
Нас не согнут
Отчаянье и страх.
Мы знаем
От людей, сраженных смертью,
Что означает:
Смертью
 смерть
 поправ.

Мы знаем:
Клятвы говорить непросто.
Но если в Ленинград ворвется враг,
Мы разорвем
 последнюю из простынь
Лишь на бинты,
Но не на белый флаг!

Тишина повисла в зале, за кулисами... Какое сильное, какое страшное стихотворение! Кто же автор? Ведь называл Аркадий. «Из писем на Большую землю» Юрия Воронова!

Пройдут годы, я познакомлюсь с журналистом и писателем Юрием Петровичем Вороновым и, к удивлению своему, узнаю, что написал он эти строки в двенадцать лет!

А пока — на сцене все идет по порядку: Иван Дмитриев и Даниил Коган исполнили скетч. Балетные под баян отбили «Яблочко» и флотскую чечетку. Джаз-оркестр под управлением Зарха завершил программу любимыми песнями из «Веселых ребят», из «Волги-Волги» и под конец — «Краснофлотская улыбка», которую лихо спели краснофлотцы Михаил Курдин и Герман Орлов...

Завершалась программа выступлением хора. Солировал Иван Кравцов, одетый Дедом Морозом. Известная русская песня «Ах ты, зимушка-зима» получила новый текст. За первой строкой следовало:

...Немца сводишь ты с ума!

К концу песни Дед Мороз сбрасывал шубу, шапку, снимал бороду и оказывался в костюме бойца морской пехоты:

Но немецких тех господ
Не мороз, а вот кто бьет:
Бьет их армия и флот,
Бьет их русский наш народ,
А мороз лишь поддает.

На следующий день к нам снова приехал член военного совета флота бригадный комиссар Н. К. Смирнов. Всех собрали в Малом зале.

— Городской комитет обороны, командование благодарят артистов,— сказал Николай Константинович.— Экзамен, строгий экзамен, вы выдержали на «отлично». Теперь все, что театр показал в Смольном, должны увидеть воины фронта и флота...

К центру Земли

Весна сорок второго приходила в город трудно: с крепкими утренними морозами. Но днем солнышко пригревало все сильнее, и язвы страшной зимы обнажались из-под льда и снега.

Однажды в марте нас собрали в Малом зале.

Единственная электролампа, висевшая над столом, установленным на сцене, едва-едва пробивала тусклый свет сквозь чад буржук.

— Товарищи,— сказал батальонный комиссар Эпельбаум.— Городской комитет обороны, горком партии поставили перед всеми ленинградцами архиважную задачу. Фашисты рассчитывают на то, что с наступлением теплых дней в Ленинграде начнутся повальные инфекционные болезни, которые довершат то, что начали голод, обстрелы и бомбежки... Партия сказала: «Нет, не бывать этому!» Итак, имеется решение об очистке дворов, улиц и площадей города. В его выполнении будут

участвовать все — гражданские и военные. В том числе — личный состав нашего театра. Надо очистить все дворы Дома культуры Промкооперации и улицы — Кировский проспект и проспект Щорса...

Поднялся начальник театра капитан Гитцович и объяснил, когда, где и что должен каждый из нас делать. Женщинам доставалась вся внутренняя служба и камбуз, мужчинам — ломы и лопаты. Впрочем, и женщины участвовали во «вспомогательных работах»: оттаскивали снег и лед, помогали грузить их на автомашины и подводы.

Работали и все фронтовые бригады до и после своих поездок.

Ансамблю, а точнее, нам, певцам, выделили два объекта: двор, что перед воротами, выходящими на проспект Щорса, и еще кусок Кировского проспекта.

Впервые, наверное, за всю блокадную зиму стало по-настоящему страшно, когда приходилось откапывать погибших прямо на улице людей.

Работали сначала во дворе, группами. В нашей — тенор-солист Иван Ларичев, среднего роста парень и большой шутник, никогда не унывающий человек. Он и здесь, когда мы вконец изнемогли от мороза, но главное — от неподъемного стального лома, нашелся:

— Держитесь, мужики! Со школьной скамьи знаете, что чем ближе к центру Земли — тем выше температура. А мы идем к нему, сквозь лед и снег, к теплу идем!

Другой тенор, Сергей Матвеев, — после войны он станет солистом Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова — сердито смотрел на шутника.

Третий, тоже тенор, Николай Соколов, вздохнул и заметил, что при такой-то работе неплохо получить хоть какой-то допнаек. Иначе до центра планеты не добраться...

Так, от завтрака до обеда, мы трудились, чтобы вечером упасть на койку и провалиться в сон, из которого

утром нас «выводил» дежурный. Боцманская дудка не помогала: приходилось стаскивать с каждого одеяло...

К нашему удивлению, со всеми дворами мы закончили дней за восемь. К одиннадцатому апреля мы расчистили тротуары, асфальт на Кировском проспекте. Из-под льда и снега появились трамвайные рельсы.

К этому времени мы втянулись в работу — лом уже не был неподъемным, и лопата тоже... По рельсам откуда-то подогнали грузовые трамвайные вагоны, и мы вместе с женщинами грузили на них остатки снега и льда.

Дрова

Весной нам дали новые «квартиры» на площади Труда. Помещение называлось «Клуб 1-го Балтийского флотского экипажа» (сегодня это «Матросский клуб»).

Клуб имел отдельный от экипажа вход, настоящий «парадный подъезд»: несколько ступенек кверху — массивные дубовые двери, двойные, с небольшим тамбурочком между ними. Потом шло фойе: цементный пол в крапинках мрамора, справа — широкая лестница на второй этаж. В фойе дежурил дневальный, артист-краснофлотец. Военская часть, посторонним вход воспрещен!

Переезду радовались: клуб больше подходил нам — жилые помещения, репетиционные, два зала, большой и малый. Но главное, он отапливался печками. На это мы сразу обратили внимание.

Однажды вечером в июне сорок второго вызывает меня, как заместителя по ансамблю, начальник театра, капитан Гитцович в свой кабинет и говорит:

— Поручается вам, товарищ Веретенников, ответственнейшее дело. Более того, буквально вопрос жизни и смерти: дрова.

Оказывается, надо договориться с леспромхозом и раздобыть для театра триста пятьдесят кубометров дров не позднее чем к первому сентября...

— Документ для хождения по городу получите, — сказал в заключение Гитцович. — Так что завтра с утра — действуйте...

В леспромхозе меня встретили приветливо.

— Выход есть один, — посоветовали, — ваши артисты включаются в лесорубную работу, театр сам себе заготавливает дрова...

Нам выделили делянку, но с условием: театр «в ответ» должен обеспечить культурное обслуживание лесорубов, и не только на участке Пери. Обрадовало нас, что военным положен дополнительный паек лесоруба. В Пери я нашел начальника участка.

— Артисты? — переспросил он. — Это хорошо. Только учти, тут мы все артисты — в своем деле. Ты топор лесорубский хоть раз в жизни в руках держал?

Пришлось признаться, что нет.

— Так куда я тебя на лесоповале-то поставлю?.. Кстати, а кто они, твои артисты, мужики?

— Только. Будет пятнадцать человек. Краснофлотцы.

— Вот и ладненько. Раз мужики, да к тому же так много, и еще краснофлотцы... Как это там у вас поется: «Краснофлотцы, недаром песня льется...»?

— И на земле поется, что мы на море сильны... — подтянул я.

— Во, самое верное дело для сильных — вагоны лесом грузить. Ну, а лесоповалом мои девчата заниматься станут. Ну, а по поводу жилья и там прочего, найди военного коменданта. Спроси, где здесь командирские курсы. Там вас устроят, — он махнул мне рукой и ушел, большой и шумный, оказавшийся отличным организатором...

Под жилье нам выделили большой деревянный дом

в два этажа. В верхнем — постели. В нижнем этаже — камбуз, столовая и она же красный уголок. Необходимое привез из театра наш Василий Тихонович Кузнецов (после эвакуации Ханко Политическое управление отозвало Кузнецова из отряда морской пехоты, которым командовал капитан Борис Михайлович Гранни). Василий Тихонович, как и я, был откомандирован в Пери на весь срок — здесь он трудился и как комендант нашего дома, и как завхоз. Но более всего — как про-раб. И все у нашего секретаря партийной организации получалось основательно и крепко. К тому же он отлично знал людей. Настоящий комиссар!.. Уже потом понял: без Кузнецова у нас было бы немало сложностей в работе. Василий Тихонович практически весь день был на погрузочной площадке. Он не мог и не умел руководить «голосом», а только личным примером.

Работа давалась тяжело: нагрузить вагон трехметровыми бревнами, не имея на то опыта и сноровки, не так уж просто. Особенно людям, не привыкшим к тяжелому физическому труду, ослабшим за зиму.

Конечно, из театра в Пери посылали все больше молодежь, краснофлотцев и старшин срочной службы... Артисты балета — Яков Потапенко, Николай Иосифович, Борис Лопатин, другие ребята быстрее приспосабливались к работе, они привыкли к тяжелым физическим нагрузкам... Нам «балет» очень помогал в погрузке дров.

Работали по-разному. Чаше — «на урок»: на площадке имеется столько-то кубометров дров и столько-то вагонов. Как все погрузим, так свободны... Вместе с нами работали красноармейцы тыловых частей, школьные учителя с немногочисленными учениками, врачи и медсестры... Кого только не было на погрузочной площадке! Даже пожарные...

Через две недели смена менялась. И вот — вторая неделя идет, мы уже втянулись в работу, а вечером играет у нашего дома гармошка, тихонечко напевает под нее Дима Бородкин:

Споемте, друзья,
Ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман...

И стоят рядом, слушают девчата-лесорубы: в брезентовой робе, в сапогах из кирзы, насквозь просмоленные и густо пахнувшие хвоей. Розовощекие и задорные — как будто и не было у них тяжкого трудового дня в лесу, точнее — на лесоповале.

А затем, после песен и танцев, все спешат на песчаный карьер купаться.

Отъезд. Каждый рад был бы остаться еще на одну смену, но завтра приедут другие ребята... А пока тоскливо проходят мимо нашего дома девчата-лесорубы: целую неделю без песен!

...К концу августа во дворе нашего клуба, выходящего на набережную Крюкова канала у самой площади Труда, было аккуратно уложено больше трех с половиной сотен кубометров отличных дров.

Блокада прорвана!..

К концу сорок второго года наши ряды стали пополняться. Пришел новый художественный руководитель ансамбля профессор Ленинградской консерватории Константин Степанович Исаченко, который всю блокаду прожил в Ленинграде... Увеличились и хор, оркестр, танцевальная группа. Многие приехали из Москвы. (Там был расформирован Ансамбль пяти морей, состоявший при Главном политуправлении Военно-Морского Флота.) Возвращались и многие артисты нашего ансамбля песни и пляски, отозванные в столицу перед войной. И

среди них — балетмейстер Валентин Андреевич Смирнов, много лет работавший у нас и отлично знавший «краснофлотский репертуар». Из «Пяти морей» пришли к нам отличный балалаечник Павел Нечипоренко (он стал руководителем оркестра ансамбля), известный чтец Эдуард Велецкий, многие другие...

В конце декабря ансамблевая группа театра в полном составе была направлена на Оранненбаумский участок фронта, при этом нашим опорным пунктом стал форт Красная Горка. Здесь вместе с нашими боевыми друзьями-моряками мы встретили новый, 1943 год... И вот 19 января 1943 года мы даем концерт на форту Серая Лошадь. Все идет по порядку, и вдруг... на сцене появляется заместитель командира форта по политической части:

— Товарищи, слушайте сообщение Совинформбюро о прорыве блокады Ленинграда!

Все поднялись и, затаив дыхание, слушали слова лаконичного сообщения...

**Из письма артистки балета
Ансамбля песни и пляски КБФ
Антонины Кашкан**

«На площади Труда, в клубе моряков, мы репетировали с балетмейстером Обрантом одну из его новых сют. Я танцевала мазурку с Мишей Гордиенко... И вот в самый разгар репетиции кто-то крикнул: «Братцы, блокада прорвана!»

Что тут началось! Мы стали кричать, прыгать, обниматься, даже плакали от счастья. А Миша подбежал ко мне и говорит: «Давай, Нина, пройдемся мазуркой по городу!»

Актеры ансамбля, которые были в это время в клубе, высыпали на улицу. Миша предложил мне руку, как это и положено в мазурке, краснофлотец Борис Петров растянул мехи баяна, и под его музыку, подпевая себе,

легким танцующим шагом мы устремились в сторону Театра оперы и балета имени Кирова по заснеженной и морозной улице... Помню, люди вокруг радостно смеялись, хлопали в ладоши, а мы неслись торжественно и легко, не замечая ни выбоин мостовой, ни своей слабости: ведь этого дня мы, все ленинградцы, так ждали... Только на Поцелуевом мосту мы слегка приостановились перевести дух. И увидели, что навстречу нашей процессии идет наша балерина Валя Сухоцкая. Узнав о причине нашей радости, она тоже протянула руку Мише, и уже втроем мы помчались до самого Кировского театра в легкой мазурке. Как у нас хватило дыхания, сил в ногах, как выдержало сердце такой путь — не знаю.

Уж очень велика была наша радость, от этого, наверное... Возле театра мы стали обниматься друг с другом и со всеми, кто подходил к нам... Этот день сохранится в моей памяти на всю жизнь».

После освобождения столицы Эстонской ССР в Таллине базировался с января 1945 года и наш коллектив. Ансамбль и театр разделились и, как в довоенные годы, вновь стали самостоятельными творческими коллективами. Снова возглавил Ансамбль песни и пляски КБФ профессор Борис Орликович Нахутин.

...День Победы коллектив нашего ансамбля встретил в Таллине — мы только что вернулись из гастрольной поездки по городам освобожденной Прибалтики и по Финляндии.

Начались мирные будни. За 1418 дней Великой Отечественной войны силами артистов нашего ансамбля на фронтах, на кораблях и в блокадном Ленинграде было дано более двух с половиной тысяч концертов.

ТОЛЬКО ТРИ МАРШРУТА...

Азбука Морзе

К поездке на кронштадтские форты готовились долго и тщательно: отбирали репертуар, пересматривали состав. Наконец все было готово. И все-таки мне казалось, чего-то не хватало... Чего? Кто мог ответить на этот вопрос? Разве что главный режиссер театра старший политрук Пергамент, мой непосредственный руководитель. Александр Викторович никогда не «давил авторитетом» и всегда мог дать полезный совет.

За советом я и пошел к главному. Мы сидели возле буржуйки в небольшой комнатухе, которую Пергамент занимал в Доме культуры Промкооперации. Смотрели на огонь, грелись...

— Что я могу посоветовать? — пожал плечами Александр Викторович. — Нужен образ ведущего, человека, привычного для моряков. Острослова, но мудрого. Знающего флот, понимающего шутку...

Пярн Михаил Александрович в 1935 году закончил Ленинградское театральное училище. Работал в Реалистическом театре в Москве. В 1936—1937 годах — режиссер Киностудии детского фильма, затем — режиссер госцирка.

С 1939 года — артист и режиссер Театра КБФ. Член КПСС с 1942 года.

Участник советско-финляндского вооруженного конфликта и Великой Отечественной войны.

С 1945 по 1953 год — режиссер Русского драматического театра в Риге. С 1953 по 1956 год — режиссер Рижского театра музыкальной комедии. С 1956 года — режиссер телевидения.

Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

Заслуженный артист Латвийской ССР.

— Боцмана, что ли?

— Можно и боцмана,— оживился он.— Мудрого и немолодого. Вы же из старшего поколения нашего театра— вам и быть боцманом. Но еще необходимо имя. Такое, чтобы «стреляло» без промаха. Решили?

— Решили,— ответил я и улыбнулся, вспомнив боцмана Помпея из рассказа Леонида Соболева «Индивидуальный подход».

— Вот такой Помпей нам и нужен,— тоже улыбнулся Пергамент.— Только без «полупочтенных слов». И— имя, имя!..

Долго подбирал я имя нашему герою. «Нашлось» оно совсем, как говорится, не там, где искал. Однажды кто-то из товарищей рассказывал, как побывал дома, у родителей, передав им несколько сухариков и кусочков сахара. Поразило его тогда, что родители пекли лепешки из горчицы, вымоченной в воде. Из сухой горчицы...

Так появилась у моего боцмана фамилия: Горчица. А имя его я нашел в газете, редкое в наши дни имя— Никодим. И сразу дело пошло. Легко писал вступительное слово в духе раешника.

Бригада наша была небольшая— семь человек. Иван Мякишев— баян, художественное чтение— Софья Прусиновская, Абрам Гак и Павел Гаврилов работали с куклами, Николай Вязьмин исполнял соло на балалайке да еще певец Владимир Лубо. А бригадиром— я, старшина 1-й статьи Михаил Пярн, он же ведущий— боцман Никодим Горчица. Как раз в концертах на кронштадтских фортах и стали мы «обкатывать», как говорят у актеров, этот образ. Принимали его хорошо.

И вот последнее выступление на самом большом из северных фортов (теперь его можно назвать, это форт Обручев). Владимир Лубо спел «Я в ночь перед боем...». Мы с Павлом Гавриловым исполнили смешные куплеты «Клюет иль не клюет».

Отработали. Уходим в Кронштадт на небольшом ка-

тере — «казмке» уже в сумерках. Конец ноября, на заливе дуют пронзительные ветры. Но ничего, думаем, минут пятьдесят — пятьдесят пять, и мы в Кронштадте, переночуем в Доме флота, а завтра в ночь — на Лисий Нос. А там уже без проблем! Наши попутчики, полковые комиссары, проводившие в форту проверку, остались довольны концертом, и старший из них сказал, что заказал для нас автобус от причала в Лисьем Носу, который довезет всех до города.

На шире проводить катер приехали командир форта и военком.

И вот прямо с верхней палубы по одному спускаемся в кают-компанию. Я оказываюсь последним. Оглядываюсь, и становится не по себе: повалил густой мокрый снег, видимости почти вовсе не стало. Неужели не поедем? Однако мотор набрал обороты, катер дрогнул. Отошли...

После ужина дремалось хорошо. Проснулся я оттого, что вдруг наступила тишина — она разбудила не только меня.

— Ну вот и Кронштадт, — радостно сказал один из полковых комиссаров. Потянулся и взглянул на часы. — Товарищи, мы же шли два с половиной часа, а говорилось, тут всего полчаса от причала до причала!

В неярком свете небольшой лампочки я увидел, как помрачнели лица окружающих. Вдруг открылась дверь кают-компании. Пригнувшись, вошел командир катера, главный старшина, и тихо проговорил:

— Заблудились мы, встаем на якорь.

— У вас что, компас неисправен? — спросил старший из политработников.

— У нас компаса нет, и идти дальше нельзя, можно мимо Кронштадта и прямо к фашистам...

Все переглянулись: ситуация!

Володя Лубо от огорчения даже трубку изо рта вынул. Это было для него необычно.

К полуночи ветер стих и снег прекратился... Я вышел на палубу, подошел к рубке — возле нее стоял главный старшина. Вокруг — полная тьма.

— Если до утра здесь простоим, фашисты нас наверняка заметят? — почему-то спросил он меня. Стыдно ему, что ли, было: моряк, а заблудился?

«Совсем мальчишка», — подумал я, взглянув на его сконфуженное лицо.

Я по-прежнему всматривался в темноту. Вдруг заметил: вдали мигнул огонек!

— Мигалку видишь? — обрадованно спросил командира.

— Вижу, сигналият. Только не пойму что.

— Дай-ка бинокль.

— Держи!

Взял, приложил к глазам, покрутил, нашел мигалку и вдруг совершенно ясно прочитал: «Я — Ф-0, КС-13, КС-13, Я — Ф-0».

— Слушай, друг, ты читал, что они сигналият?

— Да нет, — смутился он, — я только семафор на флажках знаю.

Сказал ему, как говорится, крепкое словечко, а потом про «Ф-0» и «КС-13».

— Так это же мы, КС-13, наш катер! А Ф-0, это форт «0»!

— Значит, нас ищут?

— Выходит...

Ситуация требовала срочно принимать решение. Но какое? А вдруг это нас подманивает враг? Но откуда ему знать наш бортовой номер? Эх, хоть бы звезды проглянули: курс норд был бы для нас не опасен, даже если наскочили бы на мель или камни, — он вел к нашему берегу.

Спустился в кают-компанию, доложил старшему из политработников свои соображения.

— Если станем ждать рассвета, нас заметит про-

тивник с южного берега. А тут — шанс. Разрешите следовать в направлении мигалки.

Получив «добро», вышел через рубку на палубу, поднялся на мостик.

— Ну что сказала начальство? — уныло спросил неудачливый командир.

— Во-первых, приказало не дрейфить. Ну, а во-вторых, идти на свет. Так что прикажите разогреть мотор и дать питание на сигнальный прожектор.

— Фара у меня, не прожектор.

— А-а, все равно.

Мотор запустили раза с пятого, и это отняло, наверное, слишком много энергии у аккумулятора: фонарь горел еле-еле, на мои попытки дать сигнал морзянкой (пришлось взять шапку и ею прикрывать и открывать стекло) никакой реакции не последовало. С десятков раз повторив: «Я — КС-13», «Я — КС-13», уж было потерял надежду, как вдруг снова мелькнули наши позывные.

— Рули на прожектор, прямо!

Мы шли прямо на огонь, он становился все лучше виден. Не помню, сколько времени мы так двигались, как вдруг два острых прожекторных луча отсекали нас справа и слева. Когда до берега оставалось метров двадцать пять, мы услышали громкое «ура!». Еще несколько минут, и мы стояли у такого знакомого, освещенного синими фонарями причала, на котором собрался весь экипаж форта во главе с майором Алексеевым.

Оказалось, что никто из них в эту ночь не сомкнул глаз. Через час после отхода катера майор Алексеев позвонил по телефону в Кронштадт. И можно представить беспокойство, овладевшее им, когда оперативный дежурный ответил, что КС-13 не приходил.

— Теперь, пока пути не будет, с форта не отпущу! — серьезно сказал нам майор.

Пути ждать пришлось долго: наутро мороз схватил поверхность воды так, что ни пешком, ни на катере уже было не выбраться. Пришлось задержаться у гостеприимных хозяев на целые три недели.

Вот так пригодилось мне, режиссеру, военному артисту, знание азбуки Морзе, полученное еще в молодые годы, когда служил на телеграфе.

В крепости Шлиссельбург

В Великую Отечественную крепость Шлиссельбург стала ключом к Дороге жизни, передним краем обороны города.

До берега, занятого фашистами, было каких-нибудь полторы — две сотни метров, но врагу не удалось сломить бастион. Крепость преградила ему путь на правый берег Невы и разрушила план завершения окружения Ленинграда.

Гарнизон крепости состоял из пятидесяти матросов-батарейцев капитана П. Н. Кочаненкова и трехсот морских пехотинцев капитана Н. Б. Чугунова. Моряки флотилии доставили в крепость четырехорудийную 45-миллиметровую батарею да отремонтировали извлеченные из-под обломков две 76-миллиметровые пушки. Но и с таким вооружением артиллеристы наносили врагу ощутимый ущерб. Отлично стреляли снайперы, даже у кока были там свои точки-секреты.

Но и враг обрушивал на крепость всю свою огневую мощь. Каждый метр в крепости был пристрелян. Над переправой, соединявшей гарнизон крепости с Большой землей, огненным пунктиром проносились скрещивающиеся трассы пулеметных очередей.

И все же каждый день краснофлотцы Шкляр, Сергеев, Колбасин, Мокрицкий, Снетков, Пахомов переправлялись на наш берег, доставляя в крепость продовольствие и боеприпасы. Таким же образом доставили

в крепость и нашу концертную бригаду. Нас семеро — С. Прусиновская — чтение, В. Лубо — певец, Н. Вязьмин — балалаечник, П. Гаврилов и А. Гак — кукловоды, И. Мякишев — баянист и я.

Сентябрьские сумерки перешли в темноту. На наше счастье, небо облачное. При посадке в лодку старшина-рулевой предупреждает гребцов: «Веслами не очень шлепайте» — и тут же дает нам инструкцию: «Если шлюпку обнаружат раньше, чем проскочим на середину, и накроют перекрестным огнем, не ждите приказа — прыгайте в воду. Течение отнесет до троса, он натянут между берегом и крепостью. Хватайтесь за трос и добирайтесь сами».

И вот мы с опаской плывем в темноте по нашей Неве. Вдруг в разрыве облаков показалась совсем ненужная нам сейчас луна. Она ярко осветила все вокруг — хоть читай!

— Нажми, братцы! Вперед, еще вперед! — торопит рулевой. И тут же два трассирующих пунктира: накрыли? Нет, мы уже вышли из зоны огня и находимся под прикрытием крепостных стен.

Шлюпка ткнулась в берег. Нас встречают — хватают буквально за шиворот и бегом тащат в укрытие.

— Скорее, сейчас минами закидают!

Земля вздрагивает от взрыва, но мы уже в укрытии, приходим в себя, разглядываем наших хозяев. Знакомимся с командиром Петром Никитичем Кочаненковым и комиссаром младшим политруком Алексеем Григорьевичем Морозовым. Перед поездкой мы узнали, что они и еще одиннадцать героев крепости награждены боевыми орденами и медалями. Я попытался сочинить экспромтом приветствие защитникам крепости.

Незабываемые дни прожили мы там, познакомились и подружились с бойцами ее гарнизона, с матросами, пехотинцами, которые сроднились, стали одной боевой семьей. Наши концерты проходили в казематах, при

тусклом свете коптилок. Краснофлотцы рассказали нам, что незадолго до нашего приезда фашисты предприняли попытку покончить с гарнизоном крепости. На нее обрушился шквал огня. Пять часов длилась бомбардировка крепости, а тем временем в казематах ее под две мандолины и гитару открылся вечер краснофлотской самодеятельности. Под гул канонады гремело матросское «Яблочко». Когда же дозорные сообщили о начавшемся наверху пожаре, краснофлотцы сделали антракт и бросились тушить огонь, спасти боезапас. Два дня они ликвидировали разрушения, откапывали засыпанные землей пушки, но через два дня крепость снова вела огонь, чтобы поддержать части Красной Армии, ведущие бой в районе Синявина.

В своих воспоминаниях вице-адмирал В. С. Чероков, командующий Ладожской военной флотилией, привел письмо эсэсовца обер-ефрейтора Августа Вормехера, которое было найдено в освобожденном в январе сорок третьего года Шлиссельбурге (ныне Петрокрепость).

«Я не могу больше переносить этот кошмар. Уже неделю над нами бушует ураган огня и стали. Мы совсем потеряли голову... Из крепости (видимо, имеется в виду Шлиссельбург.—В. Ч.) они бьют прямой наводкой, как из винтовок...

Они, а не мы хозяева положения... Какое ужасное слово — Ладога!»

А для нас это было родное слово, более того, для жителей осажденного Ленинграда оно было символом жизни.

По торосам Ладоги

Не пробыв в Доме культуры Промкооперации и десяти дней, получаю назначение бригадиром во вновь

сформированную концертную бригаду, отправлявшуюся на Ладогу. Зима сорок первого выдалась холодная. День, когда выдавалось минус двадцать пять, считался теплым. В основном минус тридцать пять, тридцать восемь, сорок... А у нас — шинели на «рыбьем меху» и нет валенок. На Ладожском озере, понятно, было еще холоднее.

Одежду стали собирать у наших товарищей, чтобы потом по возвращении вернуть.

Ехали сначала поездом от лежащего в развалинах Финляндского вокзала до Осиновца. В вагонах было ненамного теплее, чем на улице. Сидели, тесно прижавшись друг к другу. Драматические артисты Александр Княжецкий и Леонид Головкин устроили между собой Евгению Церебилко, одетую, как и все, в краснофлотскую форму. Напротив них на скамейке расположилась наша четверка — аккордеонист Александр Чухонин, тещ Павел Врабец, замкнутый и хмурый, старшина 1-й статьи тенор Николай Петухов и я. Добравшись до Осиновца, пришли доложиться в комендатуру.

— Артисты — это хорошо! — весело встретил нас находившийся там подполковник. — Вас ждут! Только вот с жильем у нас тут сложновато. Во-первых, народу пропасть: шоферы, рабочие, что на погрузке, водолазы (они достают из-под льда провалившиеся машины и их груз)... Да мало ли?

Конечно, угол мы вам выделим, — размышлял вслух подполковник. — Но ведь у вас работа тогда, когда у других отдых. Так что в общую казарму... — решил он. Но тут же рассмеялся, видно, ему пришла в голову другая мысль: — А устрою-ка вашу бригаду, товарищ старшина 1-й статьи, на гауптвахте. Точнее в карцере. Мест хватит, для дамы даже найдется закуток, и с питанием тут все куда проще. Видите, как хорошо получается для вас: нарушителей дисциплины нет, а помещение свободное есть.

Напрасно я расстраивался: землянка под карцер была довольно большая, печка в ней стояла отличная. Так что две недели мы давали по три концерта в день без помех. И имели возможность отдохнуть в свободное время.

На пятнадцатый день получил приказ перебраться на восточный берег Ладожского озера, в Новую Ладугу.

Мы выехали из Осиновца морозным утром 30 декабря на открытой машине-полупортке. Шофер, пожилой красноармеец, оглядел нас и покачал головой: не могли получше экипировать? Потом сбегал куда-то, принес два куска брезента и старый, порванный полушубок.

— На него ляжете, один брезент под низ. Другим укроетесь. Только не с головами — голова снаружи. На случай, ежели машина, того... Ну, того, — повторил он и жестом показал. Мы поняли: провалится под лед. — И винторезы не убирать, могут пригодиться, ежели «мессера» пожалуют... Ну, а ты, девонька, — обратился он к Жене Церебилко, — давай в кабинку. Только учти, мы туточки все с открытыми дверцами работаем, на всякий случай. Так что, если случится, так ты уж не зевай, прыгай на лед-то плашмя.

Поехали. И сразу же начали удивляться: каждый из ленинградцев многое слышал о Дороге жизни. Но никак не думалось, что похожа она не то на широкий проспект в большом городе, не то на шоссе с напряженным движением. Идут машины на больших скоростях в Ленинград и обратно. По обочинам дороги — зенитные орудия и пулеметы. Регулирующие в полушубках и валенках, в наглухо завязанных шапках-ушанках указывают флажками пути объездов воронок — последствий бомбежек. Но вскоре мы потеряли интерес к окружающему. Безжалостный мороз пробирался под брезент, под шинель и бушлат, «добавленный» для тепла, под суконку и тельник, под теплое белье. Казалось, еще немного — и до души доберется. Остановиться, погреть-

ся негде, да и нельзя. Заснуть тоже нельзя — сонному замерзнуть проще простого. Поэтому лежали, прижавшись вплотную один к другому, толкались, чтобы хоть немного согреться.

Когда мы вошли в жарко натопленную комнату начальника базового клуба в Новой Ладоге, просто не верилось, что переезд остался позади, что больше нет ветра и ледящего сердце мороза...

После двух-трех выступлений в Новой Ладоге мы получили задание дать концерты на кораблях, которые стояли, вмерзнув в лед озера.

Нам рассказывали, что когда нависла страшная угроза окружения Ленинграда вторым кольцом, было принято решение увести часть кораблей Ладожской военной флотилии на западный берег озера, в Осиновец, в Морье. Но добраться туда смогли не все из них: Ладога заштормила, ударили страшные морозы. Среди льдов и торосов, километрах в двенадцати от Новой Ладоги, застряло несколько канонерских лодок и буксиров, спасатель. Были приняты все возможные меры для того, чтобы обеспечить оборону этих кораблей — стояли они во льду примерно в полкилометре друг от друга. Это позволяло им держать взаимную оборону во время налетов авиации фашистов. Кроме того, бомба, сброшенная на один из кораблей, не могла причинить повреждения соседним.

— Вышли мы на лед с рассветом. Еле заметная тропинка между торосами иногда и вовсе терялась, но у нас был провожатый, старший политрук из политотдела флотилии. Он отлично знал дорогу. Где-то к полудню увидели первый корабль.

— А что, товарищи, если мы начнем не отсюда, а с самого дальнего? — спросил старший политрук.

Согласились с ним, хотя понимали — придется пройти еще километра три-четыре, на таком-то морозе, да «при полной выкладке»: у каждого оружие, музыкаль-

ный инструмент или вещмешок с реквизитом. Так что похарчили на льду сухим пайком, пошли дальше. И вот наконец дальний корабль. Взбираемся по трапу на палубу. Встречают нас радостно. Сразу ведут в каюткомпанию, где готов уже горячий чай. Немного погода ужин. После него — в носовом, самом большом, кубрике собирается экипаж и...

Бойцам, командирам и политработникам,
Творцам невиданных, славных побед,
Артисты Театра Краснознаменного Балтфлота
Шлют боевой, краснофлотский привет! —

открываем нашу программу.

Выходит вперед боцман Никодим Горчица:

Фюрер очень удивлен:
— Я почти Наполеон,
Я галопом по европам
Победителем протопал.
Смотрел на всех я свысока,
Имел я грозные войска,
Войска непобедимые,
Как дети, мной любимые...

Бросил я их на Восток,
Приказал — в короткий срок
Победить СССР...
Но.. Спасибо! Данке зер! —
Обратно покати-кати-ка,
Утти-тутти, перевернутти,
Доннер веттер, либер готт —
С блицем фрицам не везет!

Никодима играл я, за «фюрера» подпевал старшина 1-й статьи Николай Петухов. Краснофлотцы смеялись от всей души...

Потом Александр Княжецкий с Евгенией Церебилко сыграли одноактный водевиль «Родная кровь» Л. Левина, рассказывавший о том, как парикмахерша Груша отдала свою кровь раненым и перелили ее боцману Брындзе.

На каждом из кораблей мы задерживались на день-два. Мы видели, сколь нелегок ратный труд моряков: хотя враг был отброшен от Волховской ГЭС, был освобожден Тихвин, налеты фашистских самолетов на корабли флотилии не прекращались.

Нелегок был и их быт — чтобы поддерживать жизнь на кораблях, требовалось топливо. Через торосы пробирались краснофлотцы к берегу, ходили в лес, пилили деревья, грузили дрова на сани, тащили эти сани на корабли.

Мы старались от души порадовать этих мужественных людей, и, кажется, нам удавалось это сделать. Во всяком случае, нас благодарили от всей души.

«ЭТО НАДО БЫЛО ПЕРЕЖИТЬ...»

Ноябрь 1942 года. Наша недавно сформированная бригада — «семеро смелых», как мы себя называли, — выезжала на Ладогу. Спешно подбирали мне флотскую форму (у меня к тому времени ее еще не было): кто-то дал китель, кто-то шинель, кто-то брюки... В кладовой удалось отыскать более-менее подходящие валенки, а шапку вручил Александр Викторович Пергамент. Напутствуя нас, пожелал работать дружно, помогать друг другу и, по возможности, сообщать о себе.

После эвакуации Лены Егоровой, с которой мы ездили вместе с начала войны и очень подружились, я осталась единственной женщиной в бригаде. Приходилось, конечно, сложно: такой же краснофлотец, как и другие члены нашей бригады, я должна была наравне с ними делить все трудности фронтовой работы.

Помню, как из последних сил старалась не отставать от ребят в пути и все-таки отставала: идти мешали

Церебилко Евгения Георгиевна в 1937 году закончила Ленинградское театральное училище имени А. Н. Островского, работала в Новом театре (ныне — Театр имени Ленсовета). В 1939 году пришла работать в Театр КБФ.

Участница Великой Отечественной войны.

С 1956 года — артистка Ленконцерта, с 1958 года — Петрозаводского музыкально-драматического театра. С 1961 года — преподаватель Ленинградского государственного института культуры имени Н. К. Крупской.

Награждена орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и другими.

Заслуженная артистка Эстонской ССР.

большие валенки, шапка, то и дело наползавшая на глаза.

— Ничего-ничего, старуха,— подбадривал меня Саша Княжецкий. — Все равно они нас будут ждать, наши балтфлотцы, куда им без нас?

Александр Княжецкий — среднего роста блондин с огромными голубыми глазами — был очень интересным, своеобразным человеком, талантливейшим актером. Необыкновенно добрым и отзывчивым товарищем.

Мы уже проделали огромный путь по Ладоге от корабля к кораблю, и всё пешком. И вот наша последняя «точка» — аэродром в Кобоне. К летчикам попали в последний день сорок второго года и сразу почувствовали, что наш приезд нехстати. Они тяжело переживали гибель товарищей, не вернувшихся с задания.

— Что же нам делать? — спросили у политрука. — Будут ли нас слушать? Но с другой стороны, Новый год приближается...

Решили все-таки выступить. Сомнения у меня были только с очерком Лидова «Таня». 27 января 1942 года в «Правде» было напечатано о гибели партизанки, и я поняла, что должна включить очерк в свою программу. Читала его и в Кронштадте, и на фортах, на островах, куда мы выезжали. Почувствовала, что надо прочитать его и здесь, у летчиков, и именно теперь...

Концерт наш приняли хорошо. А после выступления подходили ко мне наши зрители, благодарили, жали руки так, словно видели во мне ту семнадцатилетнюю девушку, совершившую подвиг.

— Вы молодец, что прочитали им «Таню», — сказал мне политрук...

Новый год мы встретили, устроившись у печки, в холодной комнате с разбитыми стеклами. В полночь поздравили друг друга, пожелали счастливого возвращения домой, терпения и выдержки. И конечно, Победы!

Часа в три ночи выехали в обратный путь — через Ладожское озеро по Дороге жизни в Ленинград.

— Следить за небом. Если что заметите — дайте знать, — предупредил нас водитель грузовика, когда мы устранились в кузове. Мы знали: самолеты врага с яростью рвались к ледовой трассе.

Ехали долго и изрядно закоченели, безуспешно пытаясь укрыться за кабиной от пронизывающего ветра. Вдруг в темном небе заметила что-то непонятное.

— Саша, посмотри, что там? — попросила Княжецкого.

Он постучал водителю. Машина остановилась. Вышел шофер, всмотрелся в ночное небо:

— Бой воздушный идет. Значит, рвутся к дороге, гады. Где-то близко машины с продовольствием идут...

Мы снова двинулись в путь. Машина то едва пробиралась среди торосов, то, вырываясь на простор, устремлялась вперед. И тогда становилось нестерпимо холодно. Хотелось думать о тепле, солнце, и вспоминалось, как в начале войны, жарким летом сорок первого, мчала вот так же нас машина к берегу Балтийского моря. Отсюда бригаду должны были доставить на остров Нарген. Но на береговой батарее шли учения, и нам пришлось задержаться до вечера. Зрелище было впечатляющим. Мы смотрели на артиллеристов, стрелявших из мощных орудий. Снаряды разрывались далеко в море. Казалось, такая мощь сокрушит любого врага...

Вечером нам дали небольшой катеришко, и он вскоре домчал нас до острова. Пока наши зрители были заняты на учениях, командир острова предложил и нам поучиться стрелять из боевых винтовок, а заодно показать, как обращаться с гранатами.

Управляться с боевой винтовкой оказалось непросто. И хотя я умела стрелять из пистолета, но, когда нажала на крючок винтовки, выстрела не последовало. Сержант, обучавший нас, сильнее надавил на мой палец,

лежавший на крючке, раздался выстрел. Пуля ушла в «молоко». Следующий выстрел я сделала уже самостоятельно. Взглянув на Елену Егорову, подумала: «Вот молодец! Уже и в цель попадает, а я...» Но результаты у меня оказались лучше: пули легли кучнее. Меня хвалили, и никто не верил, что впервые в жизни держала боевую винтовку в руках.

Перешли к бросанию гранат. Надо было перекинуть их за насыпь. Подошла моя очередь. Выдернула кольцо и испугалась: вдруг взорвется в руке? Размахнулась и с ужасом увидела, что граната летит в сторону, туда, где на насыпи находился человек. Все ахнули. Краснофлотец не растерялся, кинулся наземь и скатился под насыпь. Раздался взрыв. Когда увидела поднимавшегося человека, перевела дыхание: обошлось...

Но бросить гранату снова стоило мне огромных усилий. «Страх необходимо сразу преодолеть», — настаивал наш руководитель. Вторая моя граната полетела удачно.

От этих воспоминаний я даже чуточку согрелась. Машина остановилась — контрольно-пропускной пункт, проверка документов. И вновь дорога. На втором контрольно-пропускном пункте нас узнали:

— Когда же к нам, товарищи артисты?

— В другой раз, а сейчас торопимся домой. Почти два месяца в поездке!

У третьего контрольного пункта заминка. Люди с фонарями около машин. Оказалось, одна из них попала колесом в трещину и ее пытались вытащить тросом. Мы тоже вышли помочь. На руку был и злейший мороз. Машину удалось сдвинуть с места и выкатить на дорогу.

И опять в путь. Начинало светать.

— Смотрите, ребята! — закричал Саша Чухонин, показывая на что-то за нами. Мы вскочили и увидели огромную вереницу машин, шедших с зажженными фарами. Это везли в Ленинград хлеб!

Мы даже про холод забыли, не в силах оторвать взгляда от колонны. Но вскоре она свернула в объезд. А мы уселись в кузове, и холод вновь принялся донимать нас. Наконец за снежной равниной впереди показались очертания деревьев. Берег близко!

В Осиновце руководитель нашей бригады Михаил Пяри узнал, что вскоре на Ленинград пойдет поезд. Правда, товарный, но и это было удачей. Ехали в открытом тамбуре. Жестоким ветром в лицо и мороз за сорок градусов. А поезд еле тащился. Холод пробирал до мозга костей. Сначала мы толкали, тормозили друг дружку, но потом прижались друг к другу и стали рассказывать всякие истории, чтобы не заснуть. Мечтали. И все о том, какая она будет, победа?

Мне виделся театр с сияющими ослепительным светом люстрами и публикой, нарядной и веселой. И конечно, победный салют, торжественный, необыкновенный, яркий, нескончаемый...

Поезд наш снова после небольшой остановки пошел назад. «Нет, вряд ли сегодня доберемся до дому», — подумалось мне уже сквозь дрему. Сделалось тепло, легко, словно какая-то пелена окутывала меня. Казалось, я лечу и вижу огни. Еще немного — и растворюсь в необъяснимом блаженстве.

— Женя, опомнись, что с тобой, — сквозь забытье откуда-то издали донесся до меня голос Саши Княжецкого. — Да очнись же, старуха!

Вдвоем с Сашей Чухониным они изо всех сил трясли меня. С трудом открываю глаза. Зачем они меня трясут? Так хорошо согрелась.

— Ты же замерзнешь!— кричал Княжецкий.— Да проснись же!

Поезд снова остановился, и он вытолкнул меня с площадки:

— Бегай, иначе пропадешь!

Милый Саша, он сам спрыгнуть на платформу не мог: у него были обморожены ноги.

...Мы были в пути уже часов двенадцать и понимали, что до города предстоит ехать еще ночь. На таком морозе и ветре нам ночь было уже не выдержать. Поэтому, когда на одной из остановок выяснилось, что неподалеку разместился госпиталь, мы восприняли эту весть как спасение. Нас приветливо встретили, напоили кипятком, дали даже по кусочку хлеба. А потом разместили на ночлег. Девчата-медсестры уступили мне койку. В комнате было так тепло и уютно, такие приветливые лица окружали меня, что не верилось в реальность происходящего. С трудом приходила в себя после пережитого...

Госпиталь оказался палаточным, и на следующее утро мы решили обойти с нашими концертами как можно больше раненых. Успели выступить в пяти палатках, когда кто-то из медперсонала смог дозвониться до станции и выяснить, что на Ленинград вскоре пойдет пассажирский поезд. От всего сердца поблагодарили мы этих чутких, отзывчивых людей, оказавших нам гостеприимство. Добрались до Ленинграда на этот раз, как нам показалось, очень быстро.

Поездка на Ладогу была для меня одной из труднейших. И не только из-за суровой зимы, трудностей походной жизни. Переполняли впечатления, а холод и голод заставляли воспринимать увиденное особенно остро. Даже в снах долгое время после этого возвраща-

лась на ледовую дорогу, снова видела тех, с кем довелось встречаться на Ладоге.

Больше всего вспоминала об одной встрече. Из Новой Ладоги мы приехали в 6-ю бригаду морской пехоты. Разместили нас в просторной деревенской избе.

— Вот здесь и будете работать,— сказал сопровождавший нас политрук.

Мы посмотрели на него недоумевая.

— Для кого играть? Рядом ведь идет бой! Все там...

В избу доносился шум боя, шедшего, наверно, в километре от нас.

Подъехала машина, и из нее стали выходить раненые, помогая выносить из кузова тяжелых. Подошла медсестра. На лице ее была растерянность. Людей необходимо срочно перевязать, а она одна. Когда предложила ей свою помощь, сказав, что прошла курсы оказания первой помощи, она дала мне перевязочный материал и запасной халат. А раненые все прибывали. Мои коллеги тоже стали выносить людей из машины и уstraивать их в избе.

И вдруг из дальнего угла до меня донеслось:

— Ребята, ребята!

Пошла на зов, и вдруг узнала в лежавшем на полу красноармейце Анатолия Татарониса, контрабасиста из нашего оркестра. В первые месяцы войны мы работали с ним в одной бригаде.

— Толя! — бросилась я к нему, нагнулась и обняла его. Подозвала ребят. Все окружили товарища.

— Ну вот и встретились,— грустно сказал Толя и вздохнул.

На его обмороженные, распухшие до невозможности руки страшно было смотреть. Я пошла к медсестре попросить какой-нибудь мази, чтобы хоть как-то облегчить его страдания.

Подошел политрук и попросил нас начинать концерт.

— Как? Сейчас? Для этих только что вышедших из боя людей?

— Да, для них.

И наш певец Петров запел задушевную песню. Саша Чухонин играл на баяне, а я читала стихи. Потом Саша Княжецкий показал смешную пародию на Гитлера, и бойцы смеялись, поморщиваясь иногда от боли. Показали и мы с Леонидом Головко юмористическую сценку. А закончили снова песней, и нам подпевал кое-кто из раненых.

Когда подошли попрощаться к Толе, он взволнованно проговорил:

— Спасибо, ребята, спасибо за счастливые минуты, которые я провел с вами.

— До свидания, Толя, выздоравливай скорей!

— Всем желаем скорейшего выздоровления!

— До свидания!

Да, война вошла в наши судьбы суровым испытанием. Сколько трагических и одновременно героических страниц открылось нам за это время!

Вспоминая своего военного зрителя, ловлю себя на мысли, что часто мы судили о том, как он воспринимает нас, не по аплодисментам. (Да и не всегда наши зрители могли ответить нам ими.) Мы внимательно ловили сверкнувший слезой взгляд, каждый сдерживаемый вздох, промелькнувшую улыбку, какое-то особое состояние размягченности, которое замечали неожиданно на замкнутых, словно окаменевших лицах. Искусство возвращало людям то, что жестоко пыталась стереть война.

Помню, в наш первый концерт в Новой Ладоге я тоже читала «Таню». И когда произнесла последние слова, сказанные моей героиней перед казнью, зрители, слушавшие их затаив дыхание, вдруг все встали и дол-

го-долго стояли молча. Я тоже, взволнованная таким приемом, продолжала стоять на сцене клуба. Потом низко поклонилась. И только тогда раздались аплодисменты, неуверенные, робкие, словно людям было неловко потревожить это святое молчание.

Подобное, когда никакие слова не могли выразить глубочайшего впечатления от увиденного, я пережила уже как зритель, а не актриса на премьере пьесы Всеволода Вишневского «У стен Ленинграда», поставленной в нашем театре.

Задолго до начала спектакля начали собираться зрители. Мы (я и артистка балета Евгения Блажевич) стояли на высоком крыльце Выборгского Дворца культуры и наблюдали, как собираются ленинградцы на нашу премьеру.

Подъехала машина с краснофлотцами, подошли строем пехотинцы, поодиночке и группами приходили горожане. Прошел отряд морских пехотинцев. Это ведь о них, краснофлотцах, защитниках нашего города, пьеса Всеволода Вишневского.

Прошли в зал. Он был переполнен до отказа. Стоял шум: люди радостно приветствовали знакомых, подходили друг к другу с расспросами. Прозвенели звонки. Начинаясь спектакль. На просцениум вышел краснофлотец и обратился к сидящим в зале зрителям — жителям и защитникам города, где в октябре 1917-го впервые в истории была провозглашена власть Советов:

«Гитлер хотел ворваться в город на Неве, уничтожить его население, в ключья порвать его знамена и истребить саму память о делах этого города...

Вал гитлеровских дивизий подкатывал к самым окраинам Ленинграда, к последним рубежам обороны. Войска Ленинградского фронта вели напряженные бои. Моряки Балтийского флота сошли с кораблей, чтобы помочь армии.

Нам приходилось отступать...»

Медленно, будто в раздумье, отодвигал он занавес и уходил за кулисы.

А на открывшейся перед нами сцене — казарма флотского экипажа. Сводчатые потолки, слева — нары, справа — стол, за которым писал что-то писарь Фетисов. Около стола бак с водой.

В казарму вошел краснофлотец в плащ-палатке, подошел к баку, с жадностью выпил воду, потом, оглянувшись, лег на нары. Вошел второй краснофлотец и упал, поднялся, опираясь на винтовку, и, едва добравшись до нар, повалился на них, засыпая.

Один за другим, группами, поддерживая раненых, входили в казарму краснофлотцы. Постепенно нары заполнились, кто-то устраивался прямо на полу. Это — бойцы отряда морской пехоты, измученные боями и отступлением.

Так начинался спектакль.

Почувствовав правду жизни, зал замер.

...А на сцене — капитан 3-го ранга Горбунов (артист В. И. Честноков). Это новый командир отряда. Он всматривается в лица спящих бойцов. Ему жаль будить их, но уставшие должны сделать еще одно усилие. Раздался сигнал побудки. Краснофлотцы бросились строиться, подходили еще и еще бойцы, рабочие-добровольцы с Путиловского — Кировского завода. Отряд наполнился свежими силами.

К строю обратился контр-адмирал, представитель командования Ленинградского фронта:

— Мы сейчас, употребляя выражение Ленина, в центре бешеной атаки... Идет кольцевой штурм города. Понятно? Видели — зарево кругом?.. Сейчас критический момент... Готовится большая операция Ленинградского фронта, и моряки примут в ней активное участие. Тут надо напрячь все силы, отдать все... Вы пойдете на один из решающих участков. Честь эта дается самым отважным. Вы будете драться за город Ленина. Это

город, который никогда, никем не был взят... И не будет взят!..

И зал зааплодировал, взволнованный, присоединяясь к этому напутствию.

...А отряд уже направлялся к выходу, зазвучала песня:

Тучи над городом встали,
В воздухе пахнет грозой...

Последние ее слова заглушил взрыв аплодисментов. Зал гремел овацией нескончаемо долго. Многие плакали и не пытались скрыть своих слез.

Мы с Женей тоже не скрывали слез. На антракт уходили из зала молча. Люди обменивались взглядами, которые о многом говорили, иные стояли задумавшись. Не хотелось сразу делиться впечатлениями. Потрясенные люди, казалось, вслушивались во что-то внутри себя.

Антракт показался затянувшимся. Хотелось скорее в зал, смотреть дальше. И все, а особенно занятые в спектакле артисты, боялись, что начнется бомбежка и прервет действие. Но опасения были напрасны. Прозвонел звонок, и зрители заторопились в зал.

Сопереживая происходящему на сцене, я невольно думала о пережитом нами, военными артистами, и в осажденном городе, и в наших бесконечных поездках на фронт. Знала, что это пережитое стоит сейчас перед глазами каждого моего товарища, выливаясь в чистую, светлую ноту скорби и оптимизма. «Во имя Победы!» — слышалось в каждом слове этой пьесы.

Взволнованная, я понимала, что это — высшая ступень нашей работы за годы войны. Это — наша память о погибших товарищах, о всех, кто защищал наш родной город.

«ВАМ ОТ МЕНЯ ОДИН ПОДАРОК НУЖЕН...»

В группе писателей, работавших при Политуправлении Краснознаменного Балтфлота, был капитан Илья Бару. С самого начала войны служил он в 3-м гвардейском истребительном полку авиации. Илья Бару решил написать пьесу о своих боевых друзьях — балтийских летчиках. И назвал ее «Земля подтверждает...»

Было такое правило на войне: когда летчик сбивал в воздушном бою вражеский самолет, то представители флотской службы наблюдения и связи и службы воздушного наблюдения, оповещения и связи должны были не только зафиксировать сам факт, но и доложить по команде: «Земля подтверждает — наш истребитель, бортовой номер такой-то, сбил в воздушном бою...» — и далее — время и координаты точки, где это произошло.

Мы знали, что прототипом Ельникова был настоящий ас балтийского неба Герой Советского Союза гвардии капитан Костылев. Сорок три раза одерживал он победы в воздушных боях, сорок три вражеских самолета сбил он в групповых боях и лично. И каждый раз в 3-й гвардейский истребительный полк авиации КБФ приходило донесение: «Земля подтверждает!»

Макарова Людмила Иосифовна в 1941 году закончила студию при Большом драматическом театре имени М. Горького.

Участница Великой Отечественной войны. Работала во фронтовых бригадах, с апреля 1942 года — артистка Театра КБФ. С мая 1945 года — артистка Государственного академического Большого драматического театра имени М. Горького. Член КПСС.

Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

Народная артистка СССР.

Человек неординарный, сложный, противоречивый в своих поступках, он всегда был как бы «нацелен» на бой. Об этом рассказывали те, кто хорошо его знал. Судьба его была достаточно сложной и необычной.

Нашим мужчинам-актерам достались большие и трудные роли. Чтобы легче было «вживаться в образы», определились на небольшом аэродроме Бычье поле в Кронштадте. Поселили наших актеров в одном доме с летчиками — выделили им комнату, и в столовой сидели наши старшины 1-й статьи Иван Дмитриев, Александр Княжецкий за одним столом со знаменитыми асами. Наблюдали этих людей, слушали их рассказы в дни, когда была нелетная погода. Александр Княжецкий готовил роль комэска Голубева, Иван Дмитриев — его ведомого Ельникова.

Потом они уже нам, своим товарищам по театру, рассказывали о своей аэродромной жизни, о летчиках. И более всего — о Георгии Костылеве. Рассказывали, как понимали его, каким увидели.

Человек это был, как уже говорилось, непростой. Рассказывали случай, когда вылетели на патрулирование командир эскадрильи со своим ведомым Костылевым. И вдруг — вражеский самолет. Завязался воздушный бой. В какой-то момент комэск увидел, что остался в воздухе один: Костылев не выдержал, ринулся сам в атаку и сбил фашиста. Потом погнался за вторым — подбил его... В горячке боя не заметил, что на ведущего наседают «мессеры», и он в одиночку еле отбил.

Разбирались с Костылевым. С одной стороны, за то, что сбил самолеты, награда полагается, а за нарушение дисциплины — наказание. Пришлось герою идти на гауптвахту, предварительно сдав ордена и медали в штаб... Понуро стоял перед боевыми товарищами Георгий Костылев: бросил в бою ведущего, своего командира и товарища! Летчиков было мало, и поэтому арест свой отбывал Георгий Костылев ночью да в нелетную

погоду, а в остальное время летал на патрулирование. Ему бы проявить себя, показать, что понял свою ошибку, так нет же — улетел на патрулирование и пропал. По времени бензин у него уже кончился, а самолета все нет. И вдруг слышат товарищи — летит. Прилетел, зашел на посадку, спокойно сел. Подбежали все, а он — вот он, живой, невредимый, и даже машина без царапины.

— Что случилось? — начальство спрашивает.

— Подлетел к северному берегу — там по железной дороге, вижу, грузовой поезд идет. И машинист в окошко глядит, в черном пиджаке и при галстучке-бабочке. Ну я и дал по паровозу. Тот с рельсов, а за ним и вагоны...

Можно только представить себе, на какое расстояние надо было к поезду подлететь, чтобы «бабочку» у машиниста увидеть! Но начальство этот случай рассудило по-иному: самовольный полет к северному берегу залива. Костылев ждал уже продления своего пребывания на гауптвахте, но, к его счастью, вошел дежурный по полку и доложил: «Земля подтверждает факт — истребитель борт номер... сбил Ю-88». И как раз у северного берега залива... Обошлось.

Наши артисты впитывали в себя такие рассказы, как губка... Поэтому, наверное, когда спектакль пошел на сцене, краснофлотцы, старшины, офицеры узнавали в Ельникове Героя Советского Союза Костылева!

В жизни была у Георгия Костылева боевая подруга. В пьесе ее звали Тамарой и служила она на аэродроме метеорологом. Роль эту, довольно сложную, поручили мне, молодой еще актрисе. Хотя перед самой войной успела закончить студию Большого драматического театра и сыграла несколько ролей героинь в спектаклях фронтовой бригады Дома флота (в «Шутниках», «Свои люди — сочтемся» А. Островского). А потом получила от главного режиссера Александра Викторовича Перга-

мента приглашение в театр. Но не сразу получила большую интересную роль. В день рождения, на 19-летие, возможно, чтобы поддержать меня, Александр Викторович написал мне шутивное четверостишие:

Вам от меня один подарок нужен,
Я знаю что, ей-ей!
Но ваш худрук давно уж тужит,
Что нету у него ролей...

Не то чтобы ролей не было вовсе: были эпизоды в программе концертных бригад, была и серьезная роль Агнии в пьесе А. Островского «Не все коту масленица». Но хотелось настоящей роли в пьесе на современную тему, о войне. И хорошо бы в комедии, ведь смех очень нужен людям. Это был «эликсир жизни».

Ставили мы водевили. Смотрела со сцены в зал, видела лица моряков, радостные, просветленные, и думала, что не только мы дарим им радость, но и наши зрители дарят ее нам... Как раз в то время Александр Штейн и Захар Аграненко написали специально для нашего театра комедию «Добро пожаловать». Главную мужскую роль в ней поручили заслуженному артисту РСФСР Владимиру Честнокову, а главную женскую — мне.

В сюжете пьесы было что-то от «комедий ошибок». Приезжает в прифронтовой дом отдыха девушка со станции Ерофей Павлович (не сразу я узнала, что названа она так в честь Хабарова), привозит от сибирских девчат письма героям войны и никак не может понять, откуда и почему тут вместо героев-моряков «отдыхающие в тапочках»? Но героев она все же находит. Спектакль получался веселый, в нем было много смеха, юмора. И роль мне нравилась, хотя и давалась нелегко.

И вот работа над новым спектаклем «Земля подтверждает...» — о верности и долге, о дружбе и взаимной выручке в бою. Обсуждая поступок Ельникова, бросившего в бою ведущего, комэска, который уверен, что его

надежно прикрывает боевой товарищ, друзья без обиняков говорят ему о том, что талант не дает летчику права на зазнайство, которое привело к предательству товарища в бою. Иначе такой поступок назвать нельзя... А потом его встречает любимая девушка — эту роль, как вы помните, доверили мне. (Признаться, я тоже была на аэродроме и видала ту, с которой Илья Бару писал Тамару.) Невысокого роста красивая девушка была полной противоположностью угловатому и внешне и по характеру Георгию Костылеву. И она старалась остерегать любимого от необдуманных поступков. Я пыталась во всем походить на нее.

Роль Тамары тоже давалась мне нелегко, но я до сих пор считаю ее одной из этапных в моей творческой биографии.

Премьера пьесы «Земля подтверждает...» проходила в Кронштадте, у летчиков, в их клубе. В тот день, на наше счастье, была нелетная погода и весь 3-й гвардейский истребительный полк собрался в не слишком просторном помещении.

Успех пьесы превзошел все ожидания — и на премьере, и на всех спектаклях, без исключения (а ставили мы «Земля подтверждает...» несколько десятков раз).

Потом была напряженная работа над постановкой пьесы Всеволода Вишневского «У стен Ленинграда».

...Клуб 1-го Балтийского флотского экипажа. Мы все — артисты театра, ансамбля и джаз-оркестра — собрались в холле перед зрительным залом — большим помещением с высокими потолками и окнами. В центре поставили стол. Ждали — сейчас придет писатель Всеволод Вишневский и станет читать нам новую пьесу. Пьесу, которую он давно обещал театру.

И вот вошел Всеволод Витальевич, коренастый и плотный, с горящими глазами, размашистой походкой направился к столу... И началось чтение, нет, «чтение» — это неточно. Мы словно стали свидетелями событий, ко-

которые происходили у стен Ленинграда 16—17—18 сентября 1941 года, в эти самые трудные дни его обороны. Вишневский читал пьесу, а мы, артисты военного театра, пережившие два с половиной года войны и блокады, прошедшие с фронтовыми концертными бригадами по блиндажам и окопам переднего края с сорок первого по сорок третий год, воочию, казалось, видели лихие атаки балтийских моряков, слышали разрывы бомб и снарядов, ручных гранат. Стрельбу орудий и пулеметов, винтовок и автоматов...

Всеволод Витальевич читал «на голоса»: человек эмоциональный, он плакал по-настоящему, горячими слезами, когда гибли в бою его герои, и загорался гневом, когда рассказывал о враге... Дочитав до кульминации — атаки моряков, — неожиданно для всех нас Вишневский выхватил из кобуры свой именной наградной пистолет, и настоящий выстрел разорвал тишину, с потолка брызнула штукатурка, осыпая нас осколками...

Мы, артисты, сидели потрясенные и безмолвные. Каждый мечтал лишь об одном — о том, как бы получить хотя бы маленькую роль в этом спектакле!

Потом мы ходили провожать Всеволода Витальевича к гостинице «Астория», где он в то время жил. Здесь всегда останавливались известные писатели, поэты, композиторы, когда приезжали в блокадный Ленинград, к нам в театр. Мы встречались со многими из них — с Константином Симоновым, с Александром Кронем, которого я отчего-то страшно боялась, хотя относился он ко мне неплохо, с композитором Георгием Носовым... Все они приходили к нам в театр, в клуб I-го Балтийского флотского экипажа, и беседа начиналась без чинов и званий. Случалось, что тут же на листке бумаги записывали новую песню. А через час она уже исполнялась кем-нибудь из солистов ансамбля. Такое было время!

Мне повезло: в пьесе «У стен Ленинграда» главный режиссер театра Александр Викторович Пергамент нашел роль для меня — девушка Таня, санитарка в морской пехоте. У нее был парень, которого она любила и кем была любима, бывший беспризорник, отчаянная душа, краснофлотец Сергей Бушков. Эту роль исполнял старшина 1-й статьи Иван Дмитриев.

На сцене шли бои и атаки. А в минуты затишья наши герои говорили о любви и о победе. И это в те суровые дни! Оба надеялись дожить до победы и мечтали о жизни, которая будет после войны... А потом снова отчаянная краснофлотская атака. Ее постановку осуществил известный балетмейстер Александр Обрант. И снимут моряки бушлаты и фланелевки, в одних тельняшках пойдут на врага... Через завалы и заграждения, через колючую проволоку. И тогда погибнет краснофлотец Сергей Бушков: обвязавшись гранатами, бросится он под фашистский танк, ценою собственной жизни уничтожит его, остановит гитлеровцев... И я буду плакать на сцене настоящими горькими слезами, не в силах сдержать этих слез и рыданий, ибо мне будет казаться, что погиб не один из героев пьесы, а настоящий мой любимый!..

В Театре Краснознаменного Балтфлота я проработала до 1945 года — было у меня еще много ролей во многих других спектаклях, которые мы давали в воинских частях, ставили на сценах в Ленинграде, Таллине, Хельсинки, Турку...

А после Победы в Ленинград возвратился мой родной драматический коллектив, в котором начинала путь на сцену, и я вернулась в Государственный Большой драматический театр имени А. М. Горького, где и работаю по сей день. А память о Театре КБФ — это память о нашей молодости, о военной поре, о товарищах-артистах, с которыми работала в те годы!

ВСПОМИНАЯ О НЕМ...

Почти одновременно с приходом в наш театр Владимира Ивановича Честнокова в «Правде» началась публикация пьесы К. Симонова «Русские люди». И сразу же новую пьесу взяли в работу три ленинградских театральные коллектива — агитвзвод при Доме Красной Армии имени С. М. Кирова, так называемый Блокадный театр (ныне Театр имени В. Ф. Комиссаржевской) и мы. Я видел все три постановки (в нашей участвовал), и наша, на мой взгляд, очень отличалась от двух других. По моему убеждению, прочтение пьесы в нашем театре больше отвечало духу того героического времени. Здесь сказалась и яркая актерская (можно, наверное, сказать — и человеческая) индивидуальность Владимира Ивановича, оказавшая большое влияние на характер этой, да и последующих наших постановок военного времени. Его романтический талант, получивший признание еще в предвоенные годы, когда на сцене Ленинградского театра имени Ленинского комсомола он бли-

Девяткин Михаил Константинович в 1938 году закончил Ленинградское центральное театральное училище, был призван на Краснознаменный Балтийский флот и направлен в Театр КБФ.

Участник советско-финляндского вооруженного конфликта и Великой Отечественной войны.

С 1956 года — артист Петрозаводского музыкально-драматического театра, с 1961 года — артист Ленинградского академического театра имени Ленсовета.

Награжден орденом «Знак Почета», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и другими.

Заслуженный артист Эстонской ССР и РСФСР.

стательно сыграл Незнамова в «Без вины виноватых» А. Островского, Сирано в «Сирано де Бержераке» Ростана, достиг в годы войны еще большего звучания. Героическое время требовало героического характера.

Например, в довоенной пьесе «Парень из нашего города» Константина Симонова был эпизодический персонаж — шофер Сафонов, который тайно приезжал в госпиталь за своим любимым командиром Лукониним, чтобы привезти его обратно в часть. Этого-то Сафопова Симонов сделал главным героем своей новой пьесы. Во всех виденных мной постановках исполнители этой роли невольно играли его тем простым парнем, с которым познакомился зритель еще в довоенные годы. А между тем в «Русских людях» Сафонов предстает уже зрелым человеком, командиром автобата. Таким и играл его Честноков. Он намеренно ушел от излишней детализации биографии своего героя. Для него важна была гражданская позиция этого человека. А потому, оставаясь реальным и достоверным персонажем, его Сафонов как бы «сокрушал четвертую стенку» между собой и зрителями, обращая к ним свои слова как гражданин, патриот.

А слово Владимира Ивановича всегда было выпукло, эмоционально. Он удивительно владел им!

Помню, во «Фронте» А. Корнейчука командующий армией Огнев (эту роль исполнял В. И. Честноков) разрабатывал свой план операции. На сцене нас было двое — Честноков и я, исполнявший роль командира кавалерийской группы Колоса. Ему-то и рассказывал Огнев о своем плане. У меня было такое ощущение, что вся эта сцена длилась минут пятнадцать (для сценического времени очень долго!). Весь текст был в основном у Владимира Ивановича. Практически, монолог на три страницы, с большими смысловыми кусками, где от точки до точки актеру приходилось добираться через многочисленные придаточные и вводные предложения.

И надо было слышать, как легко, от мысли к мысли, вел его Честноков. Да простит меня Станиславский, но частенько я «выходил из образа» и по-человечески восхищался мастерством Владимира Ивановича.

Сколько лет прошло, но до сих пор звучат во мне интонации Честнокова, произносившего ударные фразы в финальных сценах картин в «Русских людях»!

«Ты видал или нет, писатель, как русские люди на смерть идут?!»

Казалось, Честноков—Сафонов обращался не к своему партнеру и даже не к зрителям в зале, но к потомкам.

А финал спектакля! Когда у Сафонова, потрясенного гибелью людей, расстрелянных в тюрьме, среди которых была и его мать, спрашивали, что с ним, он, угрюмый, тяжело ступая, шел прямо к публике:

— Ничего... Ничего... Ничего такого. Только очень жить я хочу. Долго жить. До тех пор, пока последнего, кто это сделал, мертвым не увижу. Самого последнего, и мертвым. Вот здесь вот, под ногами у меня!

Эти слова звучали у Честнокова как клятва.

Не ручаюсь за точность текста, но эмоциональная окраска его сохранилась в моей памяти именно такой, какой она была у Честнокова.

Ловлю себя на мысли, что намеренно называю фамилию актера, а не его героя. В этом тоже, на мой взгляд, одна из особенностей своеобразия таланта Владимира Ивановича. Он не был, что называется, характерным актером. Везде—будь то Незнамов в «Без вины виноватых» А. Островского или Огнев во «Фронте» А. Корнейчука, Сибирцев в «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского или Сафонов в «Русских людях» К. Симонова—даже грим у него был одинаковым. За исключением разве Сирано, где актеру по роли требовалось удлинить нос, весь грим Владимира Ивановича состоял

из паричка-накладки и «молодого тона», придававшего свежесть лицу.

Роль Горбунова в «Офицере флота» А. Крона была последней работой Честнокова в Театре КБФ (он проработал в нем с 1942 по 1946 год). Она как бы завершала галерею героических образов, созданных этим замечательным актером в годы войны. И в ней особенно явственно, на мой взгляд, прозвучала тема, определившая творчество Владимира Ивановича Честнокова в тот период. Ее можно сформулировать так: каждый человек отвечает не только за себя, но принимает на себя ответственность за все, что совершается рядом.

Тут мне необходимо сделать небольшую оговорку. Я был бы очень огорчен, если бы читатели поняли меня так, что Честноков определял лицо нашего театра в годы войны, что не будь его — не было бы и тех замечательных постановок.

Конечно, авторитет Владимира Ивановича был у нас в театре исключительно высоким. Мы, молодые актеры, очень любили его и ценили его талант. И наверное, не будет преувеличением сказать, что он оказал большое влияние на дальнейшую творческую судьбу многих из нас. Прежде всего тем, как он относился к своему актерскому труду. Думаю, общее мнение всех, кому довелось с ним работать, совпадет: это был очень добрый, мягкий, тактичный человек, что не мешало ему в творческих вопросах проявлять завидную твердость — уж если он был уверен в своей правоте, то никогда не сдавал позиций.

Но, повторяю, своеобразие нашего театра определяла даже не актерская индивидуальность Честнокова, а совсем иное. И чтобы ощутить это, мне хотелось бы обратиться к спектаклю той поры, оставившему большой след в биографии нашего театра. Это «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского.

В этой постановке, осуществленной А. В. Пергаментом, на мой взгляд, нам удалось достичь сочетания романтического и скрупулезно достоверного, помноженного на азарт сиюминутного творчества. Занятые в этом спектакле (а участвовали тогда в нем практически все: драматические актеры, оркестранты, певцы, кукольники, танцоры, вплоть до работников сцены) горели желанием рассказать суровую правду о защитниках Ленинграда, о самых тяжелых страницах его героической обороны. Этот спектакль не был похож ни на одно виденное мной — ни до, ни после — зрелище. Он мог родиться только во фронтовом городе и только в военном театре!

Уже в шестидесятых годах Александр Викторович Пергамент вновь осуществил постановку этой пьесы Вс. Вишневского на сцене Ленинградского театра имени Ленсовета, где он тогда работал. (Кажется, были сохранены многие мизансцены и даже декорации Софьи Вишневцевой.) И все же спектакль даже отдаленно не напоминал тот наш, военной поры. Чем это объяснить?

Думаю, само время изменилось. Тогда, в сорок третьем, в нашей эмоциональной памяти были еще слишком свежи впечатления о событиях, происходивших в пьесе, свидетелями и участниками которых были и мы сами. Первое действие, например, происходит в казармах флотского экипажа. А я сам хорошо помню, как размещали нас, краснофлотцев, прибывших после перехода из Таллина в Кронштадт...

Мы, актеры Краснознаменного Балтфлота, выходили на сцену со своим боевым оружием, винтовками, полученными еще в начале войны. До сих пор помню, как психологически трудно было мне перестраиваться, когда в уже послевоенной постановке в театре имени Ленсовета я брал в руки бутафорскую, казавшуюся непривычно легкой винтовку. Но дело, конечно, не столько в винтовке, сколько в самом настроении, владевшем на-

ми, когда мы готовили наш спектакль в Театре КБФ. Мы все считали святым долгом участвовать в этой пьесе. Долгом перед погибшими товарищами, перед родными, перед всеми защитниками Ленинграда.

Помню, как художница Софья Вишневецкая вместе с постановочной бригадой выезжала в только что освобожденные нашими войсками районы под Ленинградом. В результате этих поездок возник замысел декорации — разрушенный трехэтажный дом. Разместить ее мы могли только на сцене Выборгского дворца культуры. Надо было видеть, как в антракте почти все участники спектакля бросались помогать нашим малочисленным рабочим сцены трансформировать декорацию для следующего действия!..

Да, каждый актер, занятый в этом спектакле, чувствовал себя полноправным его создателем. Потому-то мы всегда говорили о нем и говорим — наш спектакль! Даже «массовка» в нем отличалась от обычной театральной. Не боюсь повториться, каждый из нас не просто «играл роль», а делился своим личным опытом, пережитым, рассказывая зрителям, чем жили, о чем мечтали, как боролись в те суровые дни защитники города. А все вместе взятое и породило уникальный, неповторимый спектакль, который производил и на зрителей, и на актеров, занятых в нем, незабываемое впечатление.

«ДО СВИДАНИЯ, ТЕАТР!»

Воскресенье, 14 декабря 1941 года, запомнилось мне на всю жизнь. На форту Красная Горка мы дали в тот день три концерта силами своей бригады из пяти человек. В нее входили баянист Василий Костин, тенор Вадим Никифоров и двое балетных, два Якова: Потапенко и я. Пятым был наш ведущий, куплеты поющий и неплохо чечетку бьющий, все на эстраде умеющий Миша Курдин.

Почему именно три концерта? Для сменявшихся с боевого дежурства комендоров.

Запомнилось то воскресенье ухой. Самой настоящей: свежей, густой, наваристой ухой из судаков, лещей, корюшки, юшки, которой каждый из нас мог съесть... сколько смог, что говорится, до отвала. Краснофлотцы наловили в заливе столько рыбы, что хватило всем — и нам, и на то, чтобы поделиться с жителями деревни

Корнблит Яков Михайлович в 1939 году закончил дирижерско-хоровое отделение музыкального училища при Ленинградской консерватории. По комсомольскому набору был призван на Краснознаменный Балтийский флот, направлен в Ансамбль песни и пляски КБФ.

Участник Великой Отечественной войны. С декабря 1941 года — комендор на линкоре «Октябрьская революция».

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и другими. Член КПСС.

Закончил музыкально-режиссерский факультет Ленинградской консерватории. Работал главным режиссером Хабаровского и Красноярского театров музыкальной комедии. С 1979 года — художественный руководитель Народного театра музыкальной комедии Дворца культуры и техники имени Первой пятилетки.

Дипломант всесоюзных фестивалей музыкальных театров.

Красная Горка, среди которых имелись исконные рыбаки (они-то и научили ребят с форта подледному лову).

Стоит ли говорить, что после такого ужина спали отлично. Хозяева нас долго не будили. В каземате было тихо, темно и тепло. Давно так не отдыхали...

На следующий день нашего бригадира, старшего краснофлотца Василия Костина, вызвал военком форта, поблагодарил бригаду за работу и сказал в заключенные:

— Сейчас от нас в Кронштадт «газик» пойдет. Так что самое время вам собираться. А чтобы на таком морозе, да еще с ветром, вам в кузове не замерзнуть, выделим мы вам от форта на дорогу два больших тулупа из овчины и еще в машину соломы подкинем...

Конечно, после того как мы разнежались в тепле, перспектива ехать в кузове, когда температура воздуха минус сорок градусов, была принята без особого воодушевления. Но это все-таки лучше, чем пешком пришлось бы добираться с нашим реквизитом, упрятанным в вещевые мешки, с баяном и с оружием. Поэтому наш бригадир ответил бодро: «Есть!» — и пошел собирать нас в дорогу. Отводилось на сборы сорок минут.

Мы уже были готовы, когда в каземат заглянул какой-то краснофлотец и громко крикнул:

— Эй, артисты, марш на камбуз уху хлебать!

Честное слово, его фамильярное обращение несколько не возмутило нас: уха — одно слово — того стоила!

...От Кронштадта до Лисьего Носа оказии не предвиделось, но был приказ: в ночь переправиться на северный берег своим ходом.

До Лисьего Носа где-то двенадцать километров по льду, по ветру и на страшном морозе. А там ведь еще надо до Ленинграда добраться, тоже неблизкий путь.

Как? Об этом мы старались не думать. Вдруг сил не хватит!

— А если прямо на Ленинград махнуть? — такое мог предложить лишь наш никогда не унывающий Миша Курдин.

— По снежной целине? Свои же из ОЗО подстрелят, как куропаток, — засомневался Костин.

— А это еще что такое? — спросил его Яша Потапенко.

— И темный же ты человек! Отряд зимней обороны, город от врага со стороны залива охраняет.

— Ты же в этом отряде был, на самой дамбе Морского канала, — вспомнил Потапенко. — Вот и знаешь. Сейчас другое важнее: снег глубок, не дойти.

— А от Кронштадта до «Промки», думаешь, дойдем?

— Обязаны дойти, если на материке не повезет, — подвел итог разговору Василий Костин. — Десять минут на личные дела, десять — на сборы. И — вперед, заре навстречу!

И ведь дошли, пешком. К полудню во вторник.

Когда пришли в «Промку», узнал, что многие наши ребята из ансамбля, из театра, из симфонической группы — «все вундеркинды» — ушли на фронт. С той минуты у меня не было покоя. Я комсомолец, и место мое на фронте — так думал. Но время шло. Продолжались репетиции, хотя голод давал о себе знать, и, танцуя под аккомпанемент баяна Славы Королева «Краснофлотский перепляс» или «Яблочко», понимал, что получается совсем не то, что раньше.

Вот на Красной Горке мы плясали так плясали! Как нас принимали там, считай, год назад? Стекла в клубе едва не выскочили от аплодисментов и криков «бис!», «давай!», «жарь!»...

Написал рапорт с просьбой направить меня на фронт в морскую пехоту. В рапорте указал, что имею

знак ГТО второй ступени и прилично хожу на лыжах.

На следующий день перед ужином в репетиционную заглянул дежурный по команде театра.

— Старшему краснофлотцу Корнблиту прибыть к военкому, — передал он приказ.

Балетмейстер Михаил Шпалютин удивленно посмотрел на меня. Ребята, похоже, не догадывались, в чем дело.

— Ваша просьба удовлетворена, — сказал мне батальонный комиссар Эпельбаум. — Сегодня в девятнадцать ноль-ноль можете убыть домой, к родителям. Вот документы. В команду — к восьми утра. И сразу же — в экипаж.

Несказанно обрадовался известию: на фронт ухожу, да к тому же у родителей побываю, наконец. Когда еще удастся свидеться?

Дежурный по команде театра, старшина 1-й статьи тенор Иван Кравцов, посмотрев на мой пропуск, сказал:

— Давай, топай домой. Только нос не отморозь — идти-то тебе далеко! — и дал мне на всякий случай фонарик-жужжалку. — Это, чтобы ты не свалился в яму какую.

Мы тепло попрощались друг с другом: Иван, как и я, пришел в театр с начала войны, и мы дружили...

Над Невой свирепствовал ветер, метались редкие снежинки... Чувствовал: еще немного — и сам превращусь в ледышку, упаду и буду лежать здесь, как человек, о тело которого я споткнулся на самой середине Кировского моста... А до дома было еще очень далеко. Но я знал, что надо дойти до 9-й Красноармейской улицы. В сумке от противогаза у меня лежало целое состояние: два больших черных сухаря, пять кусочков сахара и щепотка соли в бумажке. И еще целых тридцать граммов настоящего свиного шпига. Это ребята ски-

нулись, узнав, что я ухожу в лыжный батальон и отпущен до завтрашнего утра к родителям.

Родители обрадовались и удивились моему приходу. Я осмотрелся — в комнате было пусто: два стула, стол и шкаф.

— Буржуйка... — только и сказал отец, заметив мой взгляд.

Мебель и в нашем доме превращалась в топливо.

Оказалось, отец вернулся к своей дореволюционной профессии: работал слесарем в домоуправлении.

Начался разговор — конечно, о положении на фронте. Выждав момент, я перебил его:

— Ведь и меня завтра утром отправляют на фронт, на передовую. Так что конец танцам, хватит, — и, упреждая вопросы родителей, добавил: — Я сам рапорт подал.

Родители молчали. Потом отец вздохнул и ответил за обоих:

— Раз надо, значит, надо! — Мама кивнула головой.

В 1-й Балтийский флотский экипаж меня отвел главный старшина Глеб Веретенников: так полагалось, чтобы с сопровождающим. Через КПП у ворот, примыкающих непосредственно к Крюкову каналу, где у нас обоих проверили документы, мы вышли на набережную, с нее повернули под арку и попали в огромный двор. А во дворе полно народа — краснофлотцы, старшины. Одни шли в глубину двора с пустыми руками, другие возвращались обратно с валенками, полушубками, ватными брюками. Мы спросили, оказалось — комплектуется лыжный батальон. Какой-то краснофлотец показал нам второй подъезд. За дверями — небольшой тамбур и трап с каменными, вытоптанymi тысячами и тысячами ног ступенями. Поднялись на третий этаж в канцелярию.

— Старший краснофлотец Корнблит из Театра

КБФ,— как положено, доложил обо мне сопровождающий. — К вам, для направления в лыжный батальон,— и уточнил:— Согласно личному рапорту.

Писарь принял документы, пометил Глебу командировочное предписание и расписку.

— Можете идти,— сказал он ему и повернулся ко мне. — А ты жди. Сейчас прибудет дежурный по переходящей роте.

Я хотел проводить Глеба за дверь, но писарь снова повторил:

— Тебе приказано: жди тут!

Попрошались. Веретенников ушел. И я почувствовал, как с ним словно какая-то часть моей души оторвалась. Все-таки сжился я с театром, с товарищами за эти суровые годы.

Выдавали обмундирование повзводно, а у нас еще не набралось народу на взвод. По этому поводу нас заняли делом: драили полы в кубриках, скалывали во дворе лед. Так прошло пять дней.

Вечером, после ужина, раздалась трель боцманской дудки.

— Старшему краснофлотцу Корнблиту,— выкрикнул дневальный,— прибыть в кабинет командира роты!

В кабинете ротного сидел незнакомый мне командир с нашивками техника-интенданта первого ранга, что соответствовало старшему лейтенанту.

— Вы поступаете в мое распоряжение для дальнейшего прохождения службы. Беру вас в оркестр I-го Балтийского флотского экипажа. Можете гордиться!— сказал он мне.

— Не согласен!— сразу забыв все, чему меня учили на военной службе, по-штатски возразил я ему.

— А вашего согласия здесь никто и не думает спрашивать: приказ есть, он должен быть выполнен и будет выполнен!— это сказал уже ротный командир.

— Я писал рапорт с просьбой отправить меня на передовую, а не для того, чтобы перейти в экипаж!

— Вы, товарищ старший краснофлотец, забыли, что положено в военное время за невыполнение приказа! — повысил на меня голос ротный.

— Это вы тут передовой боитесь... — не выдержал я и увидел, как покраснело лицо ротного командира, но остановиться уже не мог.

А ротный между тем снял китель и начал стаскивать свитер, надетый под него, трикотажную рубашку. «К чему это?» — подумалось. Он повернулся ко мне спиной и то, что я увидел, заставило меня вздрогнуть: от верха левой лопатки, по диагонали, до самой поясницы спину старшего лейтенанта пересекал свежий, с неровными краями, лоснящийся красный рубец. Подумалось: нагнись ротный, кровь брызнет...

— Есть отправиться для дальнейшего прохождения службы в оркестр 1-го Балтийского флотского экипажа, — сказал я смущенно.

— Ну вот и хорошо, — спокойно заметил ротный. — А желание твое идти на передовую я учту...

В оркестре экипажа я пробыл недолго — в первых числах января 1942 года меня направили на линейный корабль «Октябрьская революция» в противоминный артиллерийский дивизион комендором, наводчиком 120-миллиметрового орудия.

Цели своей я достиг — воевал на настоящем боевом корабле на переднем крае обороны города Ленина. Здесь, на линкоре, стал коммунистом...

Но это уже не из воспоминаний артиста Театра Краснознаменного Балтийского флота.

И как многие мои товарищи, ушедшие на фронт, я верил, что, если останусь жив, вернусь в театр. И потому я не прощался с ним, а говорил: «До свидания, друзья! До свидания, театр!»

В СОСТАВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ФЛОТА

Белой июньской ночью сорок второго года конвой уходил на Лавенсари из Кронштадта. В полночь вышли за боновое заграждение, еще через час — за Толбухин маяк. Я стоял боевую вахту помощником вперёдсмотрящего у форштевня МО-142, так сказать, «для усиления»: ночь была белая, но пасмурная, туман стлался над зацветавшей водой. Как объяснил нашему бригадире командир малого «охотника» лейтенант Александр Обухов, это и хорошо и плохо: нас враг не видит, но и мы его тоже можем прозевать.

Катер шел в охранении с правого борта, прикрывая корабли с севера. В форте Ино с его крупнокалиберными орудиями находился враг. Но мы, вперёдсмотрящие, не столько наблюдали за этим направлением, сколько высматривали плавающие мины. Финский залив в ту пору буквально кишел минами (не зря его прозвали мо-

Гаврилов Павел Зиновьевич с 1934 года работал в концертных бригадах Ленинградского областного управления театров, с 1938 года — в Ленинградском областном ТЮЗе.

23 июня 1941 года призван на Краснознаменный Балтийский флот и направлен в Театр КБФ.

Участник Великой Отечественной войны.

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и другими. Член КПСС.

С октября 1945 года работал в Ленинградской областной филармонии. С 1947 года — на радио, а затем в газете «Ленинградская правда». Закончил Ленинградскую областную партшколу, газетное отделение (теперь ЛВПШ).

Впоследствии — директор и художественный руководитель Ансамбля песни и пляски учащихся профтехучилищ Ленинградской области.

ряки «супом с клецками»). Наша задача состояла в том, чтобы вовремя заметить опасность и доложить о ней командиру катера...

Так что артисты Театра КБФ шли на Лавенсари не как пассажиры, а как бойцы в составе кораблей действующего флота: каждому поручалось в походе определенное дело.

Из оркестра 1-го Балтийского флотского экипажа, куда я был определен по возвращении из прерванной войной гастрольной поездки по Белоруссии, в Театр Балтфлота меня привел краснофлотец А. Гак.

В экипаж приходили краснофлотцы, старшины, командиры и политработники — опаленные войной люди, тонувшие и горевшие на кораблях и в воде. Я тоже стал «атаковать» свое начальство рапортами: отправьте на фронт, на эсминец или катера.

На первый рапорт военный дирижер просто не ответил. На второй тоже. Когда же написал в третий раз, он меня вызвал и сказал:

— Вот что, Гаврилов. Сейчас я дам тебе книгу, в которой от корки до корки только про любовь. К утру изучишь ее и сдашь мне зачет по этой мудрой книге.

Подумалось: как это можно сдавать зачет по книге, в которой все про любовь? А дирижер тем временем достал из ящика письменного стола брошюру и вручил ее мне.

— Товарищ техник-интендант первого ранга, так это же «Дисциплинарный устав»! — удивился я. — Какая же тут любовь?

— К службе, товарищ Гаврилов.

Но хотя Устав я изучил от корки до корки, на мое решение это не очень повлияло, а, наоборот, еще больше укрепило после одной встречи.

Однажды к нам в музкоманду пришел краснофлотец и, заметив меня, удивился:

— Гаврилов, ты?

— Я,— отвечаю. А сам думаю, откуда он меня знает?

— У Любови Шапориной куклами занимался?

— Было...

Он назвался: Гак. Оказывается, тоже кукловод.

— А ты здесь в оркестре, значит... Не хочешь со мной в паре работать? — предложил неожиданно.

— Где?

— В Театре КБФ. Я там тоже с куклами. Но разве в одиночку хороший номер сделаешь?

Это предложение настолько отличалось от моих планов, что я разочарованно протянул:

— А-а, театр. Нет, это не для меня. Что твой театр, что мой оркестр — один черт. На фронт мне надо, фашистов бить!

— Так запросто придется: мы шесть дней в неделю на передовой. Ну, согласен?

— Согласен... — вздохнул я, успокоив себя, что из театра в действующую часть попасть будет проще.

Так я стал артистом Театра КБФ.

Как мы работали?

Прежде чем рассказать об этом, дам несколько пояснений. Сценические куклы были у нас двух видов: петрушки и мимирующие.

Петрушки свое название получили по имени главного героя русского народного театра — веселого, задорного, всегда одерживающего верх над глупыми и жадными.

Петрушка-кукла надевалась на руку артиста. И уже от профессиональных способностей его зависело всё: как персонаж будет двигаться, смеяться, плакать, драгаться. При этом лицо куклы всегда неподвижно. То есть перед актером стоит задача создать характер. Как это

делается? Не только за счет движения, но и голосовой характеристикой.

Мимирующая кукла труднее для работы. Тут уж артист должен одной рукой вести голову, а другой туловище. Глаза, нос, рот, уши, подбородок — все это у мимирующей куклы можно привести в движение. Но мимика должна быть естественной. Страх, ужас, растерянность... — различные эмоции может передать «лицо» мимирующей куклы. И при этом актер заставляет ее принимать необходимые позы, двигаться в соответствии с характером персонажа и, конечно, говорить, находя для этого какие-то особые для каждой роли интонации.

Гак взял на себя мимирующую куклу, а я — петрушек...

Показывали мы кукольный спектакль по пьесе Л. Ленча «Сон в руку». Несколько слов о ее содержании: расстроенный неудачами на советско-германском фронте Гитлер не может заснуть, ворочается и, наконец, засыпает. И снится ему страшный сон. До победы — как до горизонта: сколько к ней ни спешит, она все отодвигается. Подходит к Чудскому озеру и думает: «Кто бы мне помог советом?» Только подумал — навстречу средневековый пес-рыцарь, закованный в латы, покрытый тинной и илом.

— Не ходи ты, Ги-ты, на Русь. Еще князь Александр Невский говорил: «Кто... с мечом придет, тот от меча и погибнет!», — «загробным» голосом советовал пес-рыцарь бесноватому...

Не послушался Гитлер, прогнал рыцаря снова на дно Чудского озера, под Вороний камень... Смотрит: татарский хан ему навстречу, Мамай. И тоже советует:

— Не ходи. Меня на Куликовом поле крепко побил, еле до Сарая добежал... На Руси-то помнят Дмитрия Донского...

Не послушался Гитлер совета, прогнал и Мамай. И вот Наполеон навстречу.

— Сир,— Гитлер к Наполеону обращается.— Как быть, что делать?

— Вернись в свой Берлин подобру-поздорову. Не то россияне до Берлина, как в первую Отечественную до Парижа, доберутся...— урезонивал его Наполеон.— Вернись, пока не поздно!..

Всех троих петрушек — рыцаря, Мамаю и Наполеона — водил я. Для каждой куклы надо было найти голос и тон, даже национальность передать. Но была у меня в этой пьесе еще одна роль — главная. После появления этих советчиков, битых в разное время, в разные века русским народом, бесноватый фюрер, не внявший их словам, в отчаянии вопрошал:

— Что делать, кто мне может помочь, посоветовать?

И тогда я, успев снять с руки Наполеона, вставал над ширмой — в краснофлотской форме и лихо заломленной бескозырке:

— Балтийские моряки тебе помогут!

— Как? — Гитлер делал удивленные глаза.

— А вот так! — я брал дубинку и фюрера по голове — бах! Иной раз, не рассчитав, и Гаку по руке доставалось... Он, как артист, сносил это молча. И только, когда номер кончался, с укоризной говорил:

— Осторожнее же надо, Паша!..

Где только не приходилось выступать! В январе сорок второго — с отчетом в Смольном. На кораблях, на фортах, в крепости Орешек, у морской пехоты и летчиков... Да разве все перечислишь. Только за одно лето сорок второго наша бригада, в которую кроме нас входили Иван Мякишев, Николай Вязьмин, Софья Прусиновская, Владимир Лубо и наш бригадир Петр Любаров, четыре раза побывала на Лавенсари. Со старшиной 1-й статьи Петром Любаровым, обаятельным парнем, мы пели дуэтом «Клюет иль не клюет». К тому време-

ни Александр Викторович Пергамент уже знал мою творческую биографию: перед войной я работал в джазе в кинотеатре «Молния». Поскольку у меня уже был опыт ведущего, я мог петь под гитару и даже «бить четку», то все это очень пригодилось и, с легкой руки Александра Викторовича, было использовано в нашей бригадной деятельности.

И вот мы снова пришли на Лавенсари на катере МО-142. Катер встал на якорь в гавани.

— Ну а на прощание не дадите у нас концерт? — спросил командир катера лейтенант Обухов.

— Можно, — согласился Петр Любаров.

И вот в восьмиместном кубрике, хотя и самом большом на «охотнике», но все равно низковатом и тесном, мы даем концерт. Ширма так низко, что с куклами пришлось управляться лежа на палубе и немислимо изогнувшись. Казалось, шея вокруг перекручивалась. Не хватало голоса... Но справились со всеми трудностями — ведь для своих же боевых товарищей играли!

Да, всякое бывало на наших выступлениях. Их прерывали обстрелы вражеской артиллерии, налеты фашистских бомбардировщиков. Но в укрытия мы, как правило, не уходили — старались помочь бойцам: снаряды подносили, коробки с пулеметными лентами. Перевязывали раненых. А однажды на концерте...

Это произошло в клубе форта Серая Лошадь. Военком объяснил, что выступать наша бригада будет перед разведчиками, которые сразу же после нашего представления уйдут в тыл врага.

— Так что не надо смущаться их экипировкой, — предупредил нас.

Вряд ли к тому времени нас могло что-либо смутить в той обстановке, в которой работали.

И вот — разведчики прекрасно нас принимают. По-

следний номер концерта — «Сон в руку»... Доходим до заключительных слов Гитлера:

— Что делать, кто мне поможет, посоветует?..

И не успеваю я вынырнуть из-за ширмы, чтобы сказать свою фразу, как из зала раздается густой бас:

— Мы тебе поможем!.. — К ширме пробирается богатырского сложения краснофлотец, высоко в руке держа автомат ППД.

А что, если полоснет сейчас по кукле, как по живому Гитлеру, ужаснулся я и зашептал Гаку: «Скорей убери Гитлера, кончай немую сцену!..»

...Прошел тысяча девятьсот сорок второй год — второй год войны. А в феврале сорок третьего среди других артистов Театра Краснознаменного Балтийского флота мы, краснофлотцы, артисты-кукольники А. Гак и я, были награждены медалью «За боевые заслуги».

И тогда же коммунисты театра приняли нас кандидатами в члены ВКП(б).

...Война еще продолжалась, как продолжалась и наша служба в составе действующего флота.

ПРИКАЗ ЕСТЬ ПРИКАЗ!

В одно из воскресений июля сорок третьего мы выступали на крейсере «Киров». Корабль был ошвартован у набережной Невы, напротив дома, где сейчас находится Дворец бракосочетания. От площади Труда, где размещалась наша команда, идти до него было минут пятнадцать, но с корабля за нами прислали полуторку. Если я мог спокойно донести аккордеон, а Георгий Паули — гитару, то у краснофлотца Михаила Кошелева возникали трудности с доставкой контрабаса, а о Сан Саныче Козловском с его «барабанным комбайном» и говорить не приходилось. Нам четверым, как объяснил капитан Минх, предстояло работать в первом отделении концерта, второе давал корабельный оркестр.

День выдался солнечным и теплым. Артобстрел города (в нашем районе было тихо) продолжался недолго. Поэтому командир корабля капитан 1-го ранга Солоухин и его заместитель по политчасти капитан 2-го ранга Воспитанный приняли решение: концерт пойдет на полубаке. В случае тревоги все должны были занять свои места на боевых постах, нам же предписывалось с

Шахнов Юрий Владимирович в 1939 году закончил музыкальный техникум при Ленинградской консерватории и был призван на Краснознаменный Балтийский флот, служил в бригаде торпедных катеров. Участник обороны Ханко.

С декабря 1941 года — в Театре КБФ, затем — в джаз-оркестре под управлением Н. Г. Минха. С 1961 года — солист Ленконцерта. Участник Великой Отечественной войны.

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

помощью краснофлотцев из музкоманды перебраться со своими инструментами в клуб.

Все это замполит объяснил нам, едва мы ступили на покрытую толстыми бронелистами палубу крейсера.

— Ну, а теперь, товарищи, прошу в салон кают-компании офицеров. Посидите там немного, передохните, и — за дело!

Краснофлотцы из музкоманды помогли затащить наши инструменты на полубак, принесли сиденья-разножки. По корабельной трансляции раздалась команда вынести банки (так на флоте называют скамейки). Мы стали устраиваться, осматриваясь вокруг. Дома на набережной Красного Флота разрисованы под развалины. Крейсер выкрашен в самые фантастические цвета, накрыт маскировочными сетями и чехлами. У самого форштевня прикрыт ограждением из огромных тюков хлопка четырехствольный крупнокалиберный пулемет «Виккерс». Возле него дежурила смена краснофлотцев. Они внимательно оглядывали небо. На второй башне главного калибра, на крыше боевой рубки стояли зенитные автоматы, нацелившие вверх свои стволы. Возле них — краснофлотцы в стальных касках, с биноклями в руках. Это были минуты краткого затишья, мы понимали, что раздайся сигнал тревоги — и корабль готовится к бою, развернутся грозно башни главного калибра... Но по трансляции послышался приказ:

— Свободному личному составу собраться на полубаке на концерт джаз-группы Театра Краснознаменного Балтфлота.

Зрители собрались быстро. Мы тоже уже были готовы. Объявили первый номер:

— Музыкальный экспромт для аккордеона в сопровождении гитары, контрабаса и ударной установки. Автор — Борис Княнов!..

И начался наш обычный концерт. Сколько уже их мы дали к этому времени с ноября сорок первого года,

когда наша группа была образована в составе джаз-оркестра! Мы имели отработанную программу, в которую входили и произведения классического репертуара, и эстрадная музыка. И конечно, если появлялась хорошая новая песня, она не проходила мимо нас — этого не допустил бы прежде всего капитан Минх, руководитель джаз-оркестра.

Вот и на палубе крейсера «Киров» я вышел, чуть подыгрывая себе на аккордеоне, произнес слова из хорошо известной и всеми любимой песни М. Блантера:

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»...

На этом месте декламация заканчивалась и начинался тот самый вальс, который и послужил поводом к рождению песни «В лесу прифронтовом».

Концерт наш прошел успешно. Краснофлотцы долго аплодировали, и мы играли еще и еще на бис. Замполит, капитан 2-го ранга Воспитанный, подошел ко мне и пожал руку, поблагодарив нашу группу от имени всего экипажа. У самого волнореза с левого борта стоял краснофлотец небольшого роста, одетый, как и все, в белую парусиновую робу, но с буквой «Ю» на погончиках. Он спросил меня:

— А почему вы играете на аккордеоне? Я его еще ни разу в жизни не видал. Откуда вы его взяли, товарищ артист, и как на нем играть научились?

Все вокруг засмеялись и стали незло подшучивать над юнгой: мол, если спрашивать обо всем, чего юнги в своей жизни не видели, то разговора хватит до самого конца войны. Парень не обиделся и смеялся вместе со всеми.

— А ведь интересный вопрос! Об аккордеоне мы и на самом деле почти ничего не знаем. Так что уж расскажите, — обратился ко мне капитан 2-го ранга Воспитанный. Просьбу командира поддержали все зрители.

Я немного растерялся, но услышал голос Сан Саныча: «Давай, говори!» Снял аккордеон, поставил его на разножку и начал рассказывать...

Отец мой и дед были профессиональными артистами, но эстраду считали делом несерьезным. Когда мне исполнилось шесть, мама отвела меня в детскую музыкальную школу Ленинского района города, где занимался по классу фортепиано. В десять лет участвовал в конкурсе юных дарований. После музыкальной школы закончил техникум при Ленинградской консерватории. Ну а потом меня призвали на военную службу и направили, через 1-й Балтийский экипаж, в Кронштадт на торпедные катера. Я уже представлял себе, как помчусь по штормовому морю на стремительном катере. Однако все получилось иначе. Было решено создать небольшой — человек десять — экспериментальный ансамбль, туда меня и зачислили. А когда выяснилось, что профессиональное образование из всех имею только я, то меня и назначили руководить ансамблем. Служба шла своим чередом, как и у всех на флоте. Но одновременно занимались музыкой, готовили репертуар...

Однажды среди нас зашел разговор: а почему бы не приобрести аккордеон? Неплохо, конечно, подумал я, но ведь никто из нас этим инструментом не владел. Однако эта идея дошла и до начальника клуба.

— Аккордеон — вещь хорошая, но уж больно дорогая. Кто на нем играть станет? — спросил он нас.

— А Шахнов? — заговорили мои ребята, прежде чем я успел что-либо возразить. — Да он на фортепьяно виртуозно играет, что твой Паганини — на скрипке. Освоит и аккордеон.

Так начальник клуба и доложил начальству.

И вот проходит неделя, и меня срочно вызывают в клуб. Вхожу в кабинет начальника, вижу: весь команд-

ный состав базы собрался с командиром капитаном 2-го ранга Чероковым. Докладываю, как положено, а сам поглядываю на стол, где стоит новенький, «с иголочки», что называется, полный концертный аккордеон «Красный партизан».

— Товарищ краснофлотец Шахнов,— вдруг обращается ко мне радостный начальник нашего клуба.— Сыграйте.

Не знаю, что со мной было, когда услышал такое распоряжение. Сам ведь видел такой инструмент впервые в жизни. Что оставалось мне делать? Признался, что играть на аккордеоне не умею.

Наступила неловкая тишина.

— Не умеете, говорите,— повернулся ко мне капитан 2-го ранга Чероков.— Тогда вот вам приказ: аккордеон взять и освоить инструмент. Понятно?

— Так точно! — только оставалось мне ответить: на военной службе приказ командира — закон.

Прошла неделя. Однажды капитан 2-го ранга Чероков услышал, как кто-то исполнял на аккордеоне известную в ту пору песню композитора Георгия Носова «Парень кудрявый».

— Это кто же играет? — спросил он у встретившегося ему начальника клуба.

— Да наш Шахнов, товарищ капитан 2-го ранга.

— Ну вот, а еще говорил, что не умеет!..

Вот так и стал аккордеонистом, по приказу...

Вот эту историю и рассказал собравшимся на полубаке крейсера «Киров» краснофлотцам, старшинам и офицерам корабля. И тому самому юнге, который задал вопрос про аккордеон.

Мне аплодировали и смеялись. Даже ребята из нашей джаз-группы.

НА ОСТРОВЕ ЛАВЕНСАРИ

В мае сорок третьего года мы, артисты джаз-оркестра Театра КБФ, добирались ночью из Лисьего Носа в Кронштадт на тихоходном буксире. Через час подошли к острову Котлин.

Если ты служил в Кронштадте
И ходил в морском бушлате,
То, наверно, этот город
Не забудешь никогда!
Город племени морского,
Он стоит всегда сурово.
И красив, и не похож он
На другие города...
Нет, забыть нельзя Кронштадта
И свой юношеский пыл
Тем, кто в нем служил когда-то
И по Якорной ходил!

Эти стихи Василия Лебедева-Кумача вспоминались мне каждый раз при встрече с Кронштадтом. В 1934 году мой отец Тимофей Михайлович Орлов был призван в кадры Военно-Морского Флота. И в семье нашей на-

Орлов Герман Тимофеевич с 1939 года — юнга в Театре КБФ. Участник советско-финляндского вооруженного конфликта. В 1940 году направлен Театром КБФ на учебу в Ленинградский государственный театральный институт. В начале Великой Отечественной войны отозван в Театр КБФ. В годы войны работал в Театре КБФ и в джаз-оркестре под управлением Н. Г. Мишха. С 1945 года — артист Ленгосэстрады и Ленконцерта.

Награжден боевыми медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

Лауреат второго Всесоюзного конкурса артистов эстрады.

ступил «великий перелом»: из провинциальной подмосковной деревушки Рузино мы переехали в Кронштадт. Здесь я буквально «заболел» театром: смотрел все спектакли, знал актеров, в них занятых.

А в 1939 году был приглашен из драматической студии при Доме флота в Театр Краснознаменного Балтфлота...

И вот снова передо мной город моего детства. Быть может, удастся отпроситься в Кронштадтский военно-морской госпиталь? Там находился отец, получивший ранение в боевом походе. Но получится ли? Ведь не сегодня завтра наш джаз-оркестр должен уйти на Лавенсари... Конечно, «сегодня-завтра» понятие растяжимое: день выхода конвоя сохраняется в секрете. Так и получилось. Мы успели побывать у подводников, порадовать концертом юнг из учебного отряда, дали выступление в госпитале, а оказии все не было...

...Как был создан джаз-оркестр? В начале войны руководство театра пришло к выводу, что нужен веселый, жизнерадостный музыкальный коллектив, который мог бы работать как фронтовая бригада. А если учесть ту популярность, которой пользовался в довоенные годы оркестр Российской Федерации под управлением Леонида Осиповича Утесова, то понятно, почему начинание небольшой джаз-группы было поддержано.

Состав группы был сильным в профессиональном отношении. Тромбонист-виртуоз Валентин Ершов пришел из джаза Утесова. Саксофонисты Анатолий Маршак и Борис Попов. И замечательный трубач Израиль Атлас (его призвали на флот с четвертого курса Ленинградской консерватории). Руководителем группы назначили старшину 1-й статьи Михаила Зарха — он играл на рояле и аккордеоне, но вскоре его сменил прекрасный музыкант, который вместе с Ершовым работал в джазе

Утесова и снимался в фильме «Веселые ребята», — Николай Григорьевич Минх. Но о нем позже.

Общее руководство джаз-группой взял на себя главный режиссер театра, старший политрук А. В. Пергамент (в основном оно касалось репертуара). А художественное руководство поручено режиссеру Михаилу Михайловичу Королеву, хотя он и считал, что занимается в этом случае не своим делом.

Солистов в джаз-оркестре было несколько — певицы Любовь Нарышкина, Людмила Бушинская, потом пришли Ольга Нестерова, аккордеонист Юрий Шахнов.

Военный репертуар появился сразу, и в первую очередь у нас. Программу концертов открывали ведущие старшина 1-й статьи Михаил Курдин и я, старший краснофлотец Орлов. Очень хорошо встречали наши зрители сатирические куплеты, в которых высмеивались «гитлеровские волки».

Сидел в окопе Ганс фон Пуп,
Боялся нос поднять.
Почуял где-то носом суп —
Хотел он очень жрать.
Но снайпер тоже не зевал,
Он Гансу так сказал:
«Я снять вас желаю,
Не надо лишних слов!
Спокойно, снимаю! (слышался звук выстрела)
И Ганс фон Пуп готов!..»

Куплетов про фотографа было в этой песенке множество, и в зависимости от аудитории мы с Михаилом Курдиным меняли: «Спокойно, снимаю! И вражий танк готов!», «Спокойно, снимаю! И «мессершмитт» готов!»...

Принимали на ура...

Помню, как зимой сорок второго пришел в театр Николай Григорьевич Минх: в потертой, выдавшей виды шинели. При портуpee. В яловых сапогах. Мы уже зна-

ли, что он воевал на Ленинградском фронте, а до войны работал в оркестре Утесова, много писал для него, еще больше аранжировал. И все мы вспомнили другого Минха — экранного пианиста оркестра из «Веселых ребят». Высокий, белобрысый, сухощавый, он смахивал на латыша, хотя был коренным пермяком. Через дня два-три на вечерней поверке объявление:

— Сбор джаз-оркестра завтра в девять пятьдесят пять. Капитан Минх будет в девять пятьдесят семь...

Точно в назначенное время все сидели по местам — отсутствовал лишь один барабанщик. В девять пятьдесят семь отворилась дверь и вошли капитан Гитцович и капитан Минх. Начальник театра представил нам официально нашего нового начальника, затем нас ему, сказал несколько слов о творческих перспективах и ушел. Сейчас же дверь отворилась снова: вошел наш ударник.

— Кру-гом! За дверь, шагом марш! — приказал ему Минх.

— Круто! — шепнул кто-то.

Растерянный ударник исчез в коридоре.

Дни шли, мы приглядывались к капитану.

Минх держался просто: никого не выделял ни в лучшую, ни в худшую сторону. Со всеми только на «вы». Исключение Валя Ершов: они дружили еще с оркестра Утесова. Но и Валентину от Минха доставалось, если в чем бывал виноват. Здесь уж капитан не делал никаких скидок на дружбу. Требовательный и дисциплинированный руководитель вскоре сплотил вокруг себя дружный коллектив единомышленников, не удержались в оркестре единицы.

И вот — май сорок третьего, наш джаз застрял в Кронштадте, ждем оказию на островную базу Лавенсари.

Лавенсари — место беспокойное, остров находился в тылу врага. Поэтому постоянные налеты фашистской авиации, обстрелы с Кургальского полуострова. И добираться туда приходилось почти всегда под обстрелом. Наконец оказия подвернулась — выходили в ночь на торпедных катерах, которые сопровождали уходившую в боевой поход подводную лодку. А до этого успели дать еще один концерт.

Экипажи устроились на своих катерах, мы расположились на пирсе, куда катерники притащили скамейки. Я спел «Джемса Кеннеди», Миша Курдин — «Землянку», потом Ольга Нестерова — «Синий платочек».

Но концерт пришлось прервать: пришел приказ выступить в поход.

Добрались до Лавенсари в тот раз без приключений.

На острове мы давали по три-четыре «полномасштабных» концерта в день. На аэродроме, у зенитчиков, на дальнобойных морских батареях...

Однажды пришел сетевой заградитель «Онега», и его командир капитан-лейтенант Сапуров попросил нас выступить перед его командой.

И вот танцоры, старший краснофлотец Евгения Блажевич и старшина 1-й статьи Сергей Радлинский, исполняют коронный номер «Танго на лестнице». На сцене обычно ставилась лестница, и на ней артисты танцевали танго. Этот номер мы с Мишей Курдиным объявляли на флотский лад: «Танго на трапе» (так называют моряки лестницу). И конечно, если приходилось выступать на линкоре, крейсере, эсминце, сторожевике, тральщике или на сетевом заградителе, как на «Онеге», то вместо лестницы был уже настоящий корабельный трап. Да и зрители наши устраивались не в креслах: на пушках, торпедных аппаратах, других корабельных надстройках. Ольга Нестерова поет:

О любви не говори,
О ней все сказано...

Сердце, верное любви,
Молчать обязано!

О любви не говори,
Умей владеть собой...

О любви не говори,
А молчать не в силах — пой!

А затем мы с Евгенией Каретниковой, начинавшей перед войной сниматься на «Ленфильме», исполняли сатирические куплеты:

В веселом когда-то Париже
Жил скучный один старичок.
Потом переехал поближе к Виши,
К Виши, этот старый сморчок.
Мирантон-Мирантон-Мирантэн,
Старичок назывался Петен.
Старичок назывался Петен,
Мирантон-Мирантон-Мирантэн...

В этих куплетах предатель французского народа Петен получал по заслугам. Как случилось с ним впоследствии в жизни.

В Кронштадт возвращались на БТЩ, базовом тральщике. Встретили нас как старых знакомых: мы уже выступали перед экипажем этого корабля. Офицеры и личный состав потеснились — предоставили женщинам немногочисленные каюты, а нас разместили по кубрикам.

Конечно, как всегда в таком походе, каждому из нас определили задачу на случай боевой тревоги: один становился подносчиком снарядов к орудию, другой подносил патроны к пулемету, третий выполнял обязанности санитаря. Наконец, нужны были и наблюдатели за плавающими минами... Все это было для нас знакомо, привычно и не вызывало вопросов.

И все же в этот раз мы почувствовали неуловимую тревогу, сквозившую в глазах офицеров, командира

корабля. Настораживало и то, что нам запретили подниматься на ходовой мостик.

Ночь близилась к концу, и мы вышли на верхнюю палубу — посмотреть восход солнца над морем.

— Ну вот и остров Котлин,— показал рукой на узкую полоску земли с одиноко возвышающейся над ней башней маяка Новицкий.— Давайте все вниз собираться.

И как раз тут на левой реке БТЩ вспыхнул в лучах солнца поднятый на фале флажок.

— «Люди» до половины? — удивился Новицкий.— Но к чему сейчас поворот влево, не станем же мы брать на абордаж Толбухин маяк?

Тральщик на полном ходу развернулся, следом за нами повернули два других БТЩ и встали нам в кильватер... Теперь корабли шли на восток, вдогонку за отступающими предрассветными сумерками и навстречу врагу, который мог их увидеть и обстрелять — с форта Ино, с северного берега Финского залива.

— Артистам джаз-оркестра собраться в кают-компании офицеров! — раздалось по корабельной громкой связи.

— Товарищи,— объявил нам замполит.— Нашим кораблям приказано вернуться на остров для встречи подводной лодки Ш-303, возвращающейся из боевого похода...

В бухту вошел только наш тральщик, чтобы дать возможность нам сойти на стенку. Встречавший нас помощник начальника политотдела был серьезен и озабочен.

— Быстро забирайте свой реквизит, товарищи краснофлотцы, и в клуб. Принято решение — дать отдых личному составу джаза. Кино будем крутить.

— Мои людям известна причина возвращения на Лавенсари,— строго сказал Минх.— Так что ближе к делу...

Разместившись в клубе, мы посмотрели с удовольствием старый довоенный фильм «Дочь моряка».

Пужинали пшениным супом на первое и пшенной кашей на второе.

К этому времени мы уже знали, что лодка Травкина должна была уже давно вернуться. Все ощущали тревогу: экипаж Щ-303 был нам знаком. И капитан 3-го ранга Травкин, и его боцман старшина 1-й статьи Рашковецкий, многие краснофлотцы...

Прошел день. На обед снова было пшено на первое и на второе. И на ужин также. Репетиции шли плохо. Разве можно было петь веселые песни, когда никто не знал, что с лодкой. Стало известно: на минах подорвались два малых «охотника», из тех, кто встречал лодку, есть убитые и раненые. Командир ОВРа главной базы Кронштадтского морского оборонительного района капитан 1-го ранга Ладинский контужен.

Нет, лучше пшёнка четыре раза в день, чем такие новости!

Наконец отыскалась Щ-303! Вернулась с повреждениями и стояла у пирса. Маскировщики натягивали над ней сети. Подводников повели в баню, накормили, и мы дали им концерт, с удовольствием исполнив весь свой репертуар для многострадального экипажа Щ-303.

А потом смотрели вместе с ними «Дочь моряка».

Вечером на следующий день лодка снова ушла в поход. На сопровождавшие ее тральщики нас не взяли.

— Джаз-оркестру придется еще задержаться, — объявил пришедший на нашу утреннюю репетицию капитан-лейтенант, инструктор местного политотдела. — Концертов у вас пока не будет, отдыхайте. Но помните: оказия может представиться в любое время...

И снова репетиции, на завтрак, обед и ужин та же пшёнка. А вечером — фильм «Дочь моряка», который мы выучили наизусть и смотрели «задом наперед».

Наконец на остров пришел очередной конвой. На обратном пути взяли и нас до Кронштадта. И уже оттуда, снова на тихоходном тральщике, в Лисий Нос.

Из Лисьего Носа в Ленинград все артисты, кроме меня и старшины оркестра Новицкого, уехали на пригородном поезде. Для доставки инструментов и реквизита нам прислали машину-полуторку. Новицкий сел в кабину, а я устроился в кузове — благо денек выдался отличный. Вместе со мной забрался и старшина 1-й статьи Лев Самойлов, художник из газеты «Красный Балтийский флот» (он тоже застрял на Лавенсари и домой добирался с нами). На Каменном острове машина остановилась. Новицкий выдал нам командировочное предписание на двоих, и мы пешком отправились по городу.

Шли не спеша, вспоминали «Пшёнкосари», как окрестили остров ребята, «Дочь моряка» и состязание в написании эпиграмм, в котором победил наш саксофонист Коля Абрамов, сочинивший четверостишие по поводу очередной тотальной мобилизации в гитлеровскую армию:

В солдаты призван Вилли Брук.
У Вилли нет обеих рук,
Но врач сказал: «Солдат неплох,
Он не поднимет хенде хох!»

А Лев Самойлов сразу же нарисовал тогда три карикатуры, которые потом в Политуправлении Балтфлота размножили вместе с эпиграммой...

Так мы шли, весело переговариваясь, по Петроградской, по Васильевскому... Наконец мост Лейтенанта Шмидта и впереди нас — девушка-краснофлотец, которая несла тяжелый мешок. Конечно, мы тут же спросили разрешения пришвартоваться и, как два галантных кавалера, предложили помощь. Я взял мешок.

Разговорились. Выяснилось, что она киномеханик и несет фильм в свою часть.

— Приходите, мальчики! — предложила она и назвала адрес. — Фильм отличный: «Дочь моряка»!

Тяжелый мешок выпал у меня из рук. На нас напал безудержный смех, а девушка-киномеханик с удивлением и испугом смотрела на нас...

Это только один эпизод из нашей военной работы, работы артистов в погонах.

АРТИСТ — ВСЕГДА АРТИСТ!

Вся моя жизнь связана с песней. И во многом определила этот выбор, выбор певицы, мечтавшей об опере, работа во фронтовых концертных бригадах, а затем — в джаз-оркестре Краснознаменного Балтийского флота под руководством Николая Григорьевича Минха.

Когда началась война, меня, едва закончившую музыкальное училище имени М. П. Мусоргского певицу, включили в состав одной из формирующихся фронтовых бригад. Мы выезжали с концертами к воннам Ленинградского фронта, а затем работали в осажденном Ленинграде. Особенно трудно приходилось осенью и зимой сорок первого. Транспорта не было, и в холод, непогоду, под непрерывными обстрелами и бомбежками нам приходилось преодолевать огромные расстояния по заснеженному городу: от площади Труда до завода «Большевик», например. И вот мы кляли на саночки баян и таким способом продвигались от одной нашей концертной «площадки» до другой.

Много выступали в госпиталях перед ранеными

Нестерова Ольга Мартиновична в июле 1941 года окончила Ленинградское музыкальное училище имени Мусоргского. С конца 1941 года работала в Центральном ансамбле песни и пляски ВМФ, во фронтовых бригадах.

С 1943 по 1945 год — солистка джаз-оркестра КБФ. С 1945 года — солистка джаз-оркестра Ленинградского радио, артистка Ленгосэстрады и Ленконцерта.

Участница Великой Отечественной войны.

Награждена двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими. Заслуженная артистка РСФСР.

воинами. Помню, стою как-то в палате, пою, а сама думаю: только бы не упасть от голода! (Мы, артисты, получали такой же паек, как и все ленинградцы.) Едва допела, подходят ко мне из другой палаты и просят выступить у них: оказывается, там лежат тяжелораненые краснофлотцы.

— Неужели вы не споете для них?

Ну как могла я отказать в такой просьбе!..

В феврале сорок второго года вместе с баянистом Борисом Петровым мы выехали на Волховский фронт. Стояли злейшие морозы, а наши концерты проходили под открытым небом. Я выходила к зрителям в ватнике, стеганых брюках, шапке-ушанке и валенках. Это был самый удобный «концертный» костюм в то время — и в тех условиях. После выступлений ко мне подходили бойцы и командиры, беспокоились: а вы не боитесь потерять голос на таком морозе? Но разве о голосе думали мы, артисты, выступая перед людьми, которым предстояло идти в бой, людьми, готовыми не пощадить собственной жизни, но отстоять нашу Родину.

И что характерно (это отмечали многие мои коллеги), хотя мы не всегда имели возможность подсушить одежду, спали в палатках, в лучшем случае — в землянках, умывались снегом, никто тогда не болел. Возможно, укрепляла нас сама мысль о том, что мы разделяем вместе с нашими защитниками суровый фронтовой быт, помогаем им своим искусством бить врага. Невывалое нервное напряжение владело тогда нами. Хотелось отдать весь свой талант, все свое умение, чтобы укрепить их твердость, вдохнуть новые силы, снять нечеловеческое напряжение, дать возможность отдохнуть, перенестись мыслями к родным и близким. А хорошая песня всегда находила самый короткий путь к сердцам воинов!

Довелось мне побывать в то время и на Северном флоте, которым командовал адмирал А. Г. Головкин.

Наша бригада артистов Ансамбля пяти морей (в ней был и Николай Трофимов) выступала на военных кораблях. Мы встречались с прославленными воинами, одними из первых за войну Героями Советского Союза — Стариковым, Фисановичем, Луниным, Колышкиным.

Условия работы, пожалуй, были самые трудные за все время — приходилось добираться к краснофлотцам на труднодоступные сопки. Там, на Северном флоте, меня наградили первой боевой наградой — медалью «За боевые заслуги».

То есть ко времени поступления в оркестр Николая Григорьевича Минха за моими плечами остался большой, трудный, но интересный путь. Я хорошо знала работу во фронтовых бригадах, да и флотский зритель давно мне полюбился. С разных фронтов приходили мне треугольники писем моих зрителей-краснофлотцев.

«Здравствуй, дорогой друг Ольга!

Желаю вам наилучших успехов в творческой работе, воодушевляющей воинов Красной Армии и Флота к борьбе и победе над немецко-фашистскими насильниками и убийцами. Привет от моих боевых друзей. Не забыли тебя и твоих товарищей, даже больше того — многие часто поют «Песенку морячки» и тебя вспоминают...»

И все же именно джаз-оркестр КБФ я считаю своей «школой».

Шел сорок третий год. Я пришла на прослушивание в матросский базовый клуб на площади Труда. Сразу поделилась своими сомнениями с руководителем оркестра Николаем Григорьевичем Минхом: подойду ли, ведь я не жанровая певица!

— А какой у вас голос? — спросил Минх. И, услышав, что меццо-сопрано, ответил: — Всегда мечтал иметь в оркестре певицу с таким голосом!

Как сейчас помню, исполняла «Ночь» А. Рубинштейна. Аккомпанировал мне Николай Григорьевич. Затем он попросил спеть какую-нибудь песню.

— Может, «Полюбила я парнишку» Блантера? — предложила я.

Он кивнул и стал аккомпанировать.

Хотя прослушивание других певцов еще продолжалось, мне сразу же сообщили, что я зачислена в джаз-оркестр. Это был дружный, спаянный коллектив, и я как-то быстро и легко подружилась со своими новыми товарищами. Работать с Николаем Григорьевичем Минхом было очень интересно. Прошедший хорошую школу у Л. О. Утесова, он был необыкновенно творческим, необыкновенно требовательным к себе и окружающим человеком. Свою любовь к музыке, песне, представление о высоком звании артиста он старался привить и нам.

Артист не имеет права быть не в форме,— так учил он нас. Артист — пример для подражания и должен быть примером во всем: и в искусстве, и в быту, и в жизни. Надо очень любить свою профессию. Можно все время быть на высоте и лишь один раз оказаться не в форме — и зритель это заметит и запомнит. «Если идешь петь людям — то ты не имеешь права на слабости, болезни, переживания, — учил он меня. — Существуют только ты и песня. Ты — перед оркестром, ближе всех к зрителю, на тебя все его внимание. И он заметит все — и как ты поешь, и как одета, и как держишься...»

О Николае Григорьевиче я всегда вспоминаю с большой благодарностью и всю жизнь стараюсь следовать его правилу: быть всегда в форме, быть всегда артистом.

Очень тщательно мы работали с ним над каждой новой песней, и особенно над текстом. Что пела я в те годы? «Играй, мой баян!» В. Соловьева-Седого, «Катюшу» М. Блантера, «Синий платочек» Петербургско-

го, «Огонек» В. Никитенко, «Парень кудрявый», «В землянке» В. Носова и, конечно же, песни моего любимого композитора И. Дунаевского — «Дорогой широкой», «Песню Шуры» и другие.

Надо сказать, репертуар наш постоянно обновлялся. Стараясь, чтобы оркестр шел в ногу со временем, Николай Григорьевич мог ночью писать партитуру новой песни, с тем чтобы наутро она уже лежала на дирижерском пульте. Энтузиазм Минха был заразителен: нам тоже случалось репетировать ночи напролет, чтобы показать нашим зрителям песню, только прозвучавшую с экрана.

В 1943 году нас часто приглашали на Ленинградское радио. Мы постоянно выезжали с концертами на военные корабли, на форты, в Кронштадт, на Лавенсари.

Сразу же после освобождения Таллина он снова стал нашей базой. Еще дымились после боев улицы, а мы давали концерты воинам-освободителям, населению. Выступали в прифронтовом лесу, ночью, при свете фар машин. В этом была своя романтика. А мы были молоды и работали с полной отдачей. Чувствовали, что война приближается к завершению, к победе.

Продвигались все дальше на запад наши армия и флот, и мы продвигались вместе с ними. Выступать нам приходилось во всяких условиях. Нас ждали, любили, старались получше устроить. А как дороги были нам те знаки внимания, которые оказывали нам зрители-краснофлотцы: будь то специально сколоченная к нашему приезду сцена или маленькое зеркальце, заботливо укрепленное на дереве.

Конечно, бывали и непредвиденные ситуации, но мы старались в любом случае не терять бодрости духа.

Однажды приехали в бригаду морской пехоты. После концерта узнали — готовится большое наступление, товарищам было явно не до нас. А самое грустное — и на ночлег разместить-то нас негде. Привели нас в един-

ственный полуразрушенный дом, в котором чудом сохранилась одна комната, но такая крохотная, что даже на полу было всем не поместиться. Настроение упало. И тогда Вася Миннаев, наш акробат, сделал стойку на руках и сказал в таком положении: «Я сплю». Все рассмеялись, посыпались шутки, и мы продержались до утра. А там снова в путь, туда, где гремела канонада наших наступающих войск.

Добрый день, Ольга!

Велика наша Родина, и те, кто остался в едином боевом лагере, не чувствуют себя одинокими.

Вы вдохновили нас на новые боевые дела — а дела предстоят жаркие, — за что мы благодарим Вас и любим той неподдельной любовью, которой может любить советский моряк. Вы, может быть, не ожидали подобного письма, потому что Вы не можете себе представить впечатления, произведенного от Ваших песен.

Что сделали фашисты с нашими городами, с людьми, попавшими в плен! Ужас — пожарница и смерти!

Но близится час расплаты: за слезы, за жизнь, за поруганную Отчизну заплатят фашисты кровью. Каждый боец и командир... готов идти на решающий штурм к Победе».

Шел 1944 год. Вышла из войны Финляндия. По соглашению о перемирии наш флот получил возможность базироваться в некоторых ее портах. Мы стали готовиться к поездке в эту страну, чтобы выступать перед нашими краснофлотцами, готовили новую программу. За время поездки мы дали множество концертов, которые были тепло приняты и жителями страны. Наш джаз-оркестр был к тому времени очень популярен на Балтике. Вернувшись в Таллин, мы стали выступать в крупнейших залах этого города. На одном из таких концертов присутствовали приехавшие из Ленинграда

композиторы Соловьев-Седой, Дзержинский и директор Ленинградской филармонии Пономарев. Концерт наш им очень понравился. И тогда же наши гости стали уговаривать меня переходить работать в Филармонию. Война заканчивается, говорили они мне, нужно думать о будущем, готовиться к конкурсам.

Разговоры эти разбередили мои прежние мечты об опере (надо сказать, что в музыкальном училище моей дипломной работой была опера Глюка «Орфей»). И классическую музыку я не забывала все эти годы.

Но поняла я и другое: мое сердце так полюбило песню, сжилось с ней, что без нее я уже не представляла своего будущего. Я видела на фронте, как нужна была песня, героическая и лирическая, нашим воинам. Она вела их в бой, звучала в землянке, на привале, в дороге, на рейде...

Хорошей песне предостит долгая жизнь.

И я осталась в коллективе, который за это время очень полюбила и в котором многому научилась.

Наша концертная деятельность продолжалась до последнего дня Великой Отечественной войны. 9 мая 1945 года по приказу народного комиссара ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова все артисты джаз-оркестра КБФ были демобилизованы. В тот же день мы вместе с Николаем Григорьевичем Минхом, которому предстояло возглавить наш оркестр на Ленинградском радио (это было место нашей новой работы), выехали в Ленинград. Нашей радости не было предела. Начиналась новая, мирная жизнь!..

«НАМ ДОРОГИ ЭТИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ...»

За последние два года войны география наших поездок заметно расширилась. Мы выезжали с концертами в освобожденные районы Ленинградской области. Все, что мы там видели, вызывало двойственные чувства. С болью и горечью смотрели мы на разрушенные города, сожженные поселки, израненную землю. Горе и смерть оставляла за собой война. И потому нас охватывало чувство нетерпения и радости от сознания, что наши войска наступают и ничто уже не может их остановить. И еще стремление гнать и гнать врага до его логова. Все чувствовали приближение желанной, долгожданной Победы. Хотя знали, что путь до нее неблизкий и много жертв потребует еще от нашего народа.

Летом сорок четвертого почти в полном составе, со всеми подразделениями наш театр приехал на гастроли в Москву. Здесь, в столице, Ансамблю песни и пляски и джаз-оркестру под управлением Н. Г. Минха была предоставлена сцена Большого концертного зала имени П. И. Чайковского. Ну а мы, собственно сам театр, «по-

Трофимов Николай Николаевич в 1941 году закончил Ленинградский театральный институт. Призван на флот и направлен в Центральный ансамбль песни и пляски ВМФ (Ансамбль пяти морей). С 1943 года — артист Театра КБФ.

Участник Великой Отечественной войны.

Награжден орденом Красной Звезды и медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другими.

С 1946 года — артист Ленинградского драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской, с 1964 года — Государственного академического Большого драматического театра имени М. Горького. Народный артист СССР.

лучили пропуску» в театре имени Евгения Вахтангова. Это было очень ответственно, и все мы волновались. Ведь здесь работал Вахтангов, здесь поставил он знаменитую «Принцессу Турандот» Гоцци и здесь предстояло нам показать, что мы успели сделать за тяжелые годы войны. Показать московскому зрителю, с чем обращались мы к защитникам Ленинграда, к нашим краснофлотцам. Это был очень важный для нас творческий отчет, и мы старались показать все лучшее, что создали за это время.

Гастроли наши прошли успешно. И, учитывая новые условия, Политическое управление Военно-Морского Флота приняло решение разделить нас на три самостоятельных коллектива: Ансамбль песни и пляски, джаз-оркестр и Театр КБФ.

После Москвы наш театр отправился в гастрольную поездку к краснофлотцам-черноморцам. Мы везли им «Комедию ошибок» В. Шекспира в постановке нашего режиссера Михаила Королева. Не обошлось и без приключений. Каким-то образом затерялся в дороге вагон с реквизитом, костюмами и декорациями. Он прибыл на место только две недели спустя после нас. Так в разгар «бархатного сезона» мы получили непредвиденный отпуск. Наконец пропавший вагон обнаружился и началась наша работа — спектакли шли днем и вечером в Керчи, Новороссийске, Севастополе. Это были морские города, овеянные славой Великой Отечественной. Конечно, выступали мы с концертами и на кораблях. Я, помнится, читал черноморцам рассказы Зощенко. И так же как на Балтике, появлялись у нас новые друзья и знакомые среди черноморских моряков. Многие из них бывали до войны в Ленинграде. Они расспрашивали нас о блокаде, об обороне города, о судьбе его памятников. В свою очередь о многих страницах героической

обороны Севастополя, Керчи, Новороссийска мы тоже узнали впервые от очевидцев этих событий — черноморцев.

После Черного моря была у нас еще одна большая поездка — в Финляндию. После выхода этой страны из войны по соглашению о перемирии наш Балтфлот получил возможность базироваться на южном и юго-западном ее побережье. Наш путь лежал в Турку к советским подводникам. Мы знали, что среди них встретим наших прежних знакомых — Коновалова, Матиясевича, Кабо, Ярошевича, Травкина... Мы выступали перед ними в Кронштадте, в Ленинграде. Но здесь, на чужой земле, наши встречи приобрели иной настрой: ведь каждый военный артист был для подводников еще и человеком с Родины, земляком. Поэтому так горячо принимали они и наши спектакли — «Земля подтверждает...», «Офицер флота» и «Добро пожаловать».

А после спектаклей — снова были встречи, воспоминания и, конечно, песни...

Выступали мы в Турку и в городском театре. Показывали «Комедию ошибок». Александр Рохленко и Иван Дмитриев играли братьев-близнецов Антифолов, я и мой тезка Николай Гаврилов — слуг, двойников Дромио... Спектакль был веселый, задорный. Нам было, признаться, непривычно видеть в зале нарядную публику. За войну мы отвыкли от таких зрителей. Но ничего, думалось, скоро и в наших театрах мы увидим нарядных людей. Уж в день Победы — так точно!..

Вечерами, после спектаклей, мы обмечивались впечатлениями с нашими друзьями-подводниками. И они, и мы заметили, что жители Турку с интересом приглядывались к нам, русским. Какие мы, победители? А в том, что мы победим фашистскую Германию, похоже, они уже не сомневались.

Помню, сажусь в трамвай (трамвай в Турку был такой же, как и до войны в Ленинграде, — две скамьи

шли вдоль бортов, пассажиры сидели друг против друга). Смотрю, Леня Головки едет. Увидел меня и поднялся, уступая место — я по званию был лейтенант административной службы, а он — мичман. Показал он «уровень нашей дисциплины и субординации», я сел. А тут остановка, в вагон вошла пожилая женщина. Я поднялся, поклонился и показал, что она может сесть... Финского я не знал, но по лицам пассажиров понял, что они удивлены. Ко мне подошел немолодой финн и на ломаном русском языке сказал:

— Господин офицер, могу вас заверить, что наши бывшие союзники так не делали. Они не уступали места нашим дамам...

Я только промолчал в ответ. Что я мог ему сказать? Как поступали фашисты, я хорошо знал. Вспомнился сентябрь сорок первого. В один из дней Александр Викторович Пергамент послал меня в город по каким-то делам и разрешил навестить жену Татьяну — мы ждали рождения первенца. Я спешил по Невскому проспекту, торопился на свидание с женой, которую не видел, казалось, лет сто... И вдруг — удар, где-то впереди — всплеск огня. Меня что-то толкнуло, бросило на землю, прижало к колонне. С трудом поднялся, не понимая еще, что произошло. Оказалось, крупнокалиберный снаряд угодил в трамвай, который только что подъехал к остановке на углу Невского и Садовой. Сколько людей было убито, покалечено, ранено!.. И так день за днем фашисты методично убивали мирных жителей — стариков, женщин, детей...

Сынок Женя родился в начале декабря сорок первого. Таня училась тогда в Театральном институте, жила в общежитии на Моховой... В феврале сорок второго нашего сына не стало. Он похоронен в одной из братских могил на Пискаревском кладбище...

Но рассказывать обо всем этом тому человеку в трамвае я не стал.

После поездки в Финляндию мы много работали в Ленинграде, в Кронштадте. Готовили новую постановку — «Соперников» Шеридана. По-прежнему выезжали в поездки. Таллин и Порккалла-Удд, Рига, множество небольших городков и поселков Прибалтики. Здесь выступали мы для наших зрителей — воинов-победителей. С успехом показывали наши прежние постановки «Свадебное путешествие» и «Добро пожаловать». Зрители не уставали смотреть эти пьесы. И мы понимали, что теперь наши спектакли воспринимаются ими уже по-иному. Шла весна сорок пятого. Наша армия и флот гнали врага по всем фронтам, от Баренцева моря до Черного. Бои разворачивались уже на подступах к вражескому логову — Берлину... И вот играем мы, например, «Земля подтверждает...» — пьесу о летчиках, о нашем друге Герое Советского Союза Георгии Костылеве, а сами думаем, что он сейчас в боях где-то далеко на западе. И об этом думают и наши краснофлотцы. Герои Александра Крона, о которых он рассказал в «Офицере флота», воевали теперь где-то на подступах к Лиенау, Пилау, Свинемюнде, Ростоку... А морские пехотинцы, о которых рассказал Всеволод Вишневский в пьесе «У стен Ленинграда», познали за это время радость наступления, принимали участие в снятии блокады Ленинграда, освобождали острова Бьёрке-зунда и Моон-зунда, а в сорок пятом высаживались на косу Фрише-Нерунг в Восточной Пруссии...

Сомнений не было — приближался конец войны!

О чем говорили мы в те весенние дни? Конечно, мечтали о том, как будем жить после войны. По нескольку раз смотрели фильм «В шесть часов вечера после войны», и наша молодежь назначала свидания своим любимым на то же время, как и герои этого фильма.

Так совпало, что накануне Первой мая весь состав театра оказался в Ленинграде, на площади Труда, в клубе 1-го Балтийского флотского экипажа. Здесь и

встретили мы праздник. Здесь же узнали через несколько дней о штурме и падении Берлина.

...В ночь с 8 на 9 мая 1945 года что-то долго не спалось и мне, и моим товарищам по кубрику... Где-то далеко за полночь только уснули, и вдруг — сигнал дудки дежурного «Подъем». Слышим радостные крики: «Победа! Победа! Война кончилась!»

Всех нас с коек так и сдуло, как ветром. Победа! Впереди был мир, новая счастливая жизнь!

Всю ночь мы пели и плясали от радости — у себя в кубриках, на площади Труда. Всю ночь к нам подходили незнакомые люди — тоже радостные и счастливые, они обнимали нас, целовали: «Победа, ребята». А потом мы мечтали — о дальнейшей жизни, о театрах, в которых пойдут новые пьесы. И в них ни слова не будет о войне!.. Так нам, пережившим войну, казалось в первое время. Так думали мои товарищи Саша Рохленко, Иван Дмитриев, Миша Мамаев, Леня Головкин, Саша Княжецкий...

Забыть войну! Но возможно ли это было? Забыть наших погибших товарищей, наших родных и близких, всех тех, чьи жизни были унесены войной! Мы понимали, что этого забыть нельзя. Об этом надо рассказывать нашим детям и детям их детей, до тех пор пока на земле существует угроза новой войны.

Одним из наших первых послевоенных спектаклей стал «Последний рубеж» по пьесе Н. Погодина, в котором я играл вместе с Аркадием Трусовым, Иваном Дмитриевым, Михаилом Мамаевым... Это был спектакль о трудной дороге к Победе. Потом были «Старые друзья» Леонида Малюгина, посвященные молодежи, вернувшейся с войны. И наконец, «Русский вопрос» К. Симонова... Этот «вопрос», к сожалению, подняли наши прежние союзники в великой битве с фашизмом. И от этого беспокойно сегодня в мире.

А наши военные дороги я, конечно, никогда не за-

буду. Не забуду, с какой страстью, вернувшись в родные места, брались люди за любую работу, налаживая мирный быт. Не забуду воинов, уходивших все дальше на запад, при случае всегда помогавших жителям. И в их тоске по привычному мирному труду угадывалось огромное нетерпение — поскорее расстаться бы с оружием!

Почти четверть века спустя на съемках фильма «На пути в Берлин» режиссера Михаила Ершова я буду переживать заново это настроение. Буду вспоминать наших знакомых краснофлотцев-балтийцев, своих товарищей-актеров — таких же скромных простых людей, как и мой герой старший лейтенант Зайцев, как и многие, многие другие советские воины, которых я встречал на дорогах войны.

Думаю, что и я, и мои товарищи-актеры, и молодежь, пришедшая в театр, создавая образ воина-освободителя, будут обращаться к тому времени и к тем героям, потому что поколения потомков будут всегда благодарны им за то, что они смогли сделать самое главное на земле — отстоять мир.

Особое подразделение флота. <i>Вс. Азаров</i>	3
---	---

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВОИНЫ

<u>Александр Пергамент.</u> С первых дней войны...	13
<i>Глеб Веретенников.</i> Дорога в Кронштадт	22
<i>Валентина Богданова.</i> Человек сильнее смерти!.. . . .	36
<i>Софья Прусиновская.</i> Остров Хийумаа, сорок первый год . . .	42
<i>Соломон Фогельсон.</i> «Островной филиал театра»	53
<i>Виктор Розмыслов.</i> КМ — катер морской, или «каземка» . . .	64
<i>Иван Дмитриев.</i> В качестве военного артиста...	72

ДО САМОЙ ПОБЕДЫ

<u>Александр Пергамент.</u> До самой Победы...	93
<u>Михаил Королев.</u> Наши военные будни	101
<i>Глеб Веретенников.</i> В блокадном Ленинграде...	111
<i>Михаил Пярн.</i> Только три маршрута...	127
<i>Евгения Церебилко.</i> «Это надо было пережить...»	140
<i>Людмила Макарова.</i> «Вам от меня один подарок нужен...» . .	151
<i>Михаил Девяткин.</i> Вспоминая о нем...	158
<i>Яков Корнблит.</i> «До свидания, театр!»	164
<i>Павел Гаврилов.</i> В составе действующего флота	171
<i>Юрий Шахнов.</i> Приказ есть приказ!	178
<i>Герман Орлов.</i> На острове Лавенсари	183
<i>Ольга Нестерова.</i> Артист — всегда артист!	193
<i>Николай Трофимов.</i> «Нам дороги эти позабыть нельзя...» . . .	200

Артисты в погонах: Воспоминания артистов Театра Краснознаменного Балтийского флота./ Сост. Г. С. Веретенников. — Л.: Лениздат, 1985. — 207 с.

Артисты-ветераны Театра Краснознаменного Балтфлота, среди которых народные артисты СССР Иван Дмитриев, Людмила Макзорова, Николай Трофимов, народный артист РСФСР, главный режиссер театра Александр Пергамент, заслуженные артистки РСФСР Валентина Богданова, Ольга Нестерова, солисты эстрады Герман Орлов, Юрий Шахнов и другие, вспоминают в этом сборнике о своих поездках в составе фронтовых бригад, о том, как в годы Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде были осуществлены постановки спектаклей, вошедших впоследствии в репертуар ведущих театров страны.

Предназначена массовому читателю.

А $\frac{0505030202-155}{M171(03)-85} 50-85$

63.3(2).722.78

Составитель Глеб Сергеевич Веретенников

**АРТИСТЫ
В ПОГОНАХ**

Воспоминания артистов
Театра Краснознаменного Балтийского флота

Литературная запись Г. М. Рубинского

Заведующий редакцией Ю. К. Хрящев
Редактор В. В. Александрова
Младший редактор И. В. Петрова
Художественный редактор И. В. Зарубина
Художник Б. А. Бураков
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор Н. Н. Фоменко

Фотографии авторов сборника
и из архива Лениздата

ИБ № 3190

Сдано в набор 27.02.85. Подписано к печати 15.07.85. М-27374. Формат 70×108^{1/2}. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,10+вкл. Усл. кр.-отт. 9,98. Уч.-изд. л. 8,96+0,59=9,55. Тираж 50 000 экз. Заказ № 847. Цена 35 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Вододарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.